

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»

Н.В. Дутов

**Ярославль: история и топонимика
улиц и площадей города**

Краеведческие хроники

Ярославль
2012

УДК 93/94;528;908
ББК 63.3;26.12;28.89
Д 84

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

Д.Е. Озерова, кандидат исторических наук, доцент;
Р.А. Смирнов, кандидат исторических наук, доцент.

Дутов, Н.В.

Д 84

Ярославль: история и топонимика улиц и площадей города : краеведческие хроники / под ред. д-ра ист. наук, проф. М.В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – 298 с.

ISBN 978-5-87555-777-4

В краеведческих хрониках освещаются вопросы, связанные с историей Ярославля, показанной в виде экскурсии по старым улицам и площадям города. Здесь впервые делается попытка показать не только здания, сооружения и их архитектурные особенности, что свойственно для всех путеводителей, но и главное внимание уделено людям, здесь жившим, и событиям, происходившим в том или ином месте за всю многовековую историю Ярославля. Материалы хроник могут быть использованы при изучении курса истории России, истории культуры, а также при написании курсовых и дипломных работ, связанных с различными аспектами истории России и Ярославского края.

УДК 93/94;528;908
ББК 63.3;26.12;28.89

ISBN 978-5-87555-777-4

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2012

© Н.В. Дутов, 2012

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Застройка Ярославля: этапы развития...	7
Глава II. Стрелка.....	37
Глава III. Волжская набережная.....	54
Глава IV. Первомайский бульвар.....	110
Глава V. Первомайская улица.....	123
Глава VI. Комсомольская улица.....	185
Глава VII. Улица Ушинского.....	215
Глава VIII. Красный съезд.....	240
Глава IX. Площади Ярославля.....	261
Красная площадь	261
Площадь имени Ф.Г.Волкова	266
Площадь Богоявления.....	277
Библиографический список.....	294

Введение

Ярославская область является одним из лидеров в Российской Федерации по количеству объектов культурного наследия, находящихся на территории области, численность которых достигает пяти тысяч. Уникальность самого города Ярославля, его сохранившаяся неповторимая историческая среда стали предметом интереса международных исследований. В 2003 г. Российский национальный комитет Всемирного культурного и природного наследия совместно с администрацией Ярославской области и мэрией г. Ярославля представили в ЮНЕСКО документы для включения исторического центра Ярославля в Список Всемирного наследия. 15 июля 2005 г. решением XXIX сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО исторический центр города включён в Список Всемирного наследия. Таким образом, исторический центр Ярославля стал 22-м российским объектом, находящимся под защитой этой международной организации, созданной в рамках конвенции 1972 г. об охране Всемирного культурного и природного наследия. По мнению экспертов, наш город служит «выдающимся образцом преемственности в развитии градостроительства и архитектуры, монументального искусства, организации городских ландшафтов на протяжении более 500 лет, ярко представляя этот процесс в центральном регионе России».

Главной особенностью и уникальной чертой исторического центра Ярославля является использование в качестве градостроительных доминант и композиционных центров выдающихся по своей архитектуре древних храмов. Выразительность образного решения достигается с помощью контраста между асимметричными и живописными по композиции древними храмами и подчёркнуто правильной симметричной, композиционно-спокойной классической застройкой. При этом гражданская застройка является идеальным архитектурным фоном для сложных по композиции, богато декорированных храмов XVII века.

Одним из достоинств градостроительной структуры Ярославля является органичное использование богатого природного ландшафта в месте соединения двух рек – Волги и Кото-

росли – с их живописными берегами и широкими водными просторами. Направлению берегов рек подчинено размещение большинства древних церквей, образующих композиционно-увязанную цепь архитектурных доминант. Пространственная композиция города является симбиозом природных достоинств местоположения города с рукотворным замыслом зодчих.

Исторический центр Ярославля площадью 110 гектаров включает в себя комплекс Спасо-Преображенского монастыря, набережные рек Которосли и Волги, Первомайский бульвар и десятки архитектурных памятников XVII–XIX веков. Комиссия ЮНЕСКО особо отметила в своём протоколе, что центр Ярославля представляют особый интерес как образец градостроительной политики XVIII века. В 1778 г. город получил генеральный план, составленный из элементов лучевой и полурадияльной планировки, включающий регулярно устроенные городские кварталы. Этот план и его осуществление названы выдающимися, поскольку новые улицы города были сориентированы на важнейшие городские архитектурные памятники прошлого. Ярославль получил и ряд образцовых зданий общественного значения, построенных в стиле классицизма.

Большинство объектов архитектурного наследия являются подлинными зданиями, сохранившимися до настоящего времени без существенных переделок, с первоначальной отделкой фасадов и оформлением интерьеров. Они отражают характерные для времени их возведения приёмы проектирования, строительства, использования конструктивных и отделочных материалов. Во многих древних памятниках сохранились росписи всей поверхности интерьеров, являющиеся уникальными образцами искусства монументальной живописи XVI–XVII веков. При таком многообразии архитектуры историческая часть города представляет собой цельный, гармоничный, соразмерный градостроительный ансамбль.

Рассказ о наиболее значимых людях и событиях в истории Ярославля через экскурсии по старинным улицам и площадям открывает возможность на основе существующих реалий познакомить ярославцев и гостей города с конкретными сюжетами его истории. За свою многовековую историю Ярославль неузнаваемо изменился, но вплоть до настоящего времени со-

хранились памятные места, здания, сооружения, которые дают возможность восстановить исторические процессы, явления и события, происходившие в городе.

Настоящее издание является частью спецкурса «Ярославль. История и топонимика старых улиц и площадей города». Оно дает возможность проследить историю и современность наиболее древних объектов города – Стрелки, Волжской набережной, Первомайского бульвара, улиц: Первомайской, Комсомольской, Ушинского, Красный съезд и площадей: Красной, Волкова, Богоявления. Ввиду отсутствия подобных работ, а также в связи с недоступностью для студентов многих специальных исследований настоящее издание призвано восполнить этот пробел.

Глава I

Застройка Ярославля: этапы развития

В 2013 году исполняется 235 лет со дня утверждения Екатериной II плана регулярной застройки Ярославля (1778 год). Осуществление застройки нашего города по этому плану, а главное, ее сохранность дали возможность определить центральную часть города территорией, особо охраняемой ЮНЕСКО, – как памятника мирового значения.

Центром расселения славян было Волго-Окское междуречье. Отсюда они перемещались в разных направлениях: на север, восток и юго-восток. Поэтому, по мнению многих историков, именно здесь находился центр формирования русской народности. Важную роль в истории Ярославского края играла река Волга, которая в течение долгого времени кормила жившее по ее берегам население. Именно здесь располагались наиболее плодородные земли - заливные луга. Кроме того, наличие большого количества лесов являлось важным фактором при защите местного населения от неожиданных набегов кочевников, так как через лесные чащи не было дорог, а водные пути находились под бдительным надзором местных жителей.

На месте современного Ярославля в древности находилось мерянское поселение. По мнению питерского историка И.В. Дубова, уроженца нашего края, недалеко от современного Ярославля в VIII-X вв. нашей эры были селения Тимерево, Михайловское и Петровское. Они имели явно выраженный протогородской характер и являлись предшественниками Ярославля. Их жители главное свое предназначение видели в обслуживании караванов, шедших по Волге и Которосли. Поэтому, без сомнения, здесь была и своя военная сила, которая в большей степени подчинялась местной языческой знати, чем сравнительно слабой в то время центральной княжеской власти. А это, в свою очередь, могло являться достаточной предпосылкой для занятия местными жителями речным пиратством, что вполне согласовывалось с господствующим в то время «правом силы». А объяснялось это очень просто. В те годы, когда по разным причинам

были неурожаи, «скудость великая», жители не считали для себя зазорным добывать на пропитание (и не только) путем грабежа купеческих караванов. А «улов» шел как на собственное потребление, так и на продажу.

История основания Ярославля как княжеского опорного пункта - форпоста Ростова, в то время бывшего стольным градом этих территорий Северо-Восточной Руси, связана с тогда еще совсем молодым князем Ярославом Владимировичем, впоследствии прозванного Мудрым. Главной обязанностью князя в то время была защита своих «пределов», особенно водных путей - единственно доступных в то время, и контроль над всей территорией княжества. Главным торговым путем, проходившим через территорию нашего края в древности, был Великий Волжский путь из «варяг в арабы» - от Балтийского моря до Каспийского. Он проходил по северо-восточным территориям русских земель, куда входил и Ростов, по Волге, Которосли, озеру Неро (в древности Меря-Меро), реке Нерли и далее в Оку. Именно торговые пути давали самый значительный доход в княжескую казну. По существовавшему долгое время правилу при пересечении границ княжества купцы и торговцы обязаны были платить «пятинный сбор» - 1/5 часть заявленной стоимости товара. Поэтому безопасность торговых путей являлась залогом постоянного поступления денег в казну князя и была, таким образом, одной из главных функций княжеской власти. Место слияния Которосли с Волгой имело очень важное стратегическое значение. Оно было в кольце надежных естественных укреплений - с двух сторон высокие до 20 метров берега рек (в наше время в связи со строительством Горьковской ГЭС и водохранилища в 1950-х гг. уровень воды в Волге поднялся на 2-7 метров). С третьей стороны - сначала, по некоторым данным, протоки между Волгой и Которослью, а затем Волчьего оврага со стороны Волги и Медвежьего - со стороны Которосли. А поэтому этот район являлся отличным местом для контроля прохождения караванов по Волге и Которосли. Официальное летописание не сохранило сведений о построении Ярославля. Но до наших дней дошли легенды, связанные с появлением здесь князя Ярослава. По мнению Н. Воронина, крупнейшего русского археолога и историка, производившего раскопки на Стрелке накануне Великой

Отечественной войны, есть все основания доверять «Сказанию о построении града Ярославля», записанному в XVIII веке архиепископом Самуилом Миславским. «Сказание» состоит из двух частей. Первая часть – «Предание о Ярославле, Медвежьем угле и церкви Илии», основанное на легенде об убийстве князем Ярославом священного зверя у местного населения - медведя, что свидетельствовало о существовании здесь его культа. Вторая часть «Сказания» - «Предание о построении церкви святого Власия в Ярославле», где содержатся сведения о культе языческого божества Велеса.

Важную роль в жизни местного населения играли верования. Язычники поклонялись различным священным для них животным - медведю, оленю, бобру, водоплавающей птице, о чем свидетельствуют археологические находки. Однако особое место среди верований древних жителей нашего края занимал медвежий культ. Это, кстати, было типично для большинства жителей лесной полосы всей Европы. Для нашего региона весьма характерными были названия, имевшие хождение в древности, как, например, Медвежий овраг, речка Медведица, Медвежий угол и т. д. Князь Ярослав был серьезно озабочен господством язычества в своих владениях. Данные об этом можно найти в церковных источниках, которые указывают на широко распространенный культ языческих богов, особенно Велеса (Волоса).

В частности там, где сейчас расположен Ярославль, Велес был покровителем скотоводства, защитником торговцев, богатства и военных дружин. Поклонение этому божеству было широко распространено среди славянских поселений, где жили торговцы и ремесленники.

В «Сказании...» указывается: «Во области же сей не на мнозе пути от града Ростова при брезе рек Волги и Которости лежаще некое место... селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганья вера - языци зли суши... Идол, ему же кланяется сии, бысть Волость, сиречь Скотий бог». Здесь же повествуется о том, что идол Волоса стоял среди одноименной логовины (низменности), где находилось святилище, горел жертвенный огонь и совершались жертвоприношения в

его честь. Среди жителей этого места особым почетом и уважением пользовался волхв, который и отправлял все эти обряды.

«Сему многокозненному идолу и кереметь (*место поклонения*) сотворена бысть и волхв дан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенные ему кури...» Но если огонь угасал, то сразу же избирался новый жрец, который убивал своего предшественника за потерю огня и сжигал его на вновь запаленном костре в жертву Волосу. Неподалеку располагалась священная роща божества Велеса, а рядом Велесова долина (лощина). Мимо идола прогоняли на выпас скот, в его честь приносились жертвы. Это место находилось практически в самом центре современного Ярославля в квартале, ограниченном улицами Свободы, Собинова, Пушкина и современной Волковской площадью.

Однажды, как гласит легенда, объезжая свои владения, князь Ярослав услышал, что язычники напали на купеческий караван и грабят его. Он немедленно оказал помощь купцам, разогнав язычников, однако те, в свою очередь, когда он ступил на землю священного для них бога Перуна (неподалеку находилось капище в его честь), выпустили на князя своего священного зверя - медведя, которого Ярослав убил. Произошло это на склоне оврага на Стрелке в день св. Илии (2 августа). На этом месте был поставлен крест, а позднее сооружена деревянная церковь в честь этого православного святого. В настоящее время она носит название Ильинско-Тихоновской по приделу, названному в честь св. Тихона, и расположена неподалеку от Волжской башни. Поэтому ярославцы в отличие от большинства жителей даже очень древних русских городов могут не только показать, но и указать, как говорится, «топнув ножкой», где именно начинался Ярославль. На Стрелке был заложен город, датой основания которого принято считать 1010 год – «пограничный год» пребывания молодого Ярослава в Ростове, откуда он выехал на княжение в Новгород. Крепость была обнесена стенами с башнями, внутри нее находились церкви, хоромы для князя, жилые дома дружинников и многочисленные хозяйственные постройки, включая жилье для княжеской челяди.

В «Сказании...» говорится, что сам «град» князь заселил преданными ему ростовчанами, а местное население было от-

теснено вверх по течению рек Волги и Которосли. Но и здесь активно продолжалась борьба с язычниками и их верованиями. Это выражалось не просто в уничтожении языческих капищ, кереметей (священных для местных жителей мест), но и в возведении православных храмов. Второй церковью, построенной на месте языческого капища, стала церковь св. Власия, который в православии является покровителем всего того, над чем в язычестве покровительствовал Волос.

Очевидная выгодность расположения (через эти места проходили торговые пути по Волге и Которосли, а также сухопутная дорога на «стольный град» Ростов и позднее на север в Вологду), защита города дружинниками князя, а в случае необходимости и отражение большой агрессии ростовской дружиной - все это способствовало дальнейшему развитию и застройке междуречья Волги и Которосли.

Борьбу с язычниками активно проводили монастыри, которые не только вели религиозную пропаганду, но и являлись форпостами перед крупными населенными пунктами. Вблизи от Ярославля, на правом берегу Волги, у места переправы, был основан Петропавловский монастырь (в районе современного Октябрьского моста), а на берегу Которосли – Спасский монастырь.

В XI-XII вв. Ярославль рос и развивался. Выгодность географического положения, которая заключалась в прохождении здесь, как уже отмечалось, торговых путей, давала Ярославлю большие преимущества. Кроме того, в крепости - Кремле - находился пусть и небольшой, но вооруженный отряд, который в случае нападения «ватаг» ушкуйников мог или сам отразить их, или немедленно сообщить о беде ростовской дружине, которая являясь уже княжеской, то есть не только многочисленной, хорошо вооруженной и подготовленной к ведению боевых действий, но и весьма мобильной, была в состоянии отразить и более крупные нашествия.

Рядом с Кремлем появился торгово-ремесленный посад. Заселялся он, как правило, жителями протогородских центров - Тимерева, Григорьевского и Михайловского. Совместно с жившими здесь язычниками население быстро разрасталось. Особенно активно застраивалась территория междуречья Волги и Которосли, в частности, по берегам этих рек. Так, по данным

археологических раскопок, в XI-XII вв. на левом берегу Которосли уже существовал свой, пусть небольшой, производственный комплекс. К западу от Стрелки по берегу реки Которосли были обнаружены остатки небольшой печки-каменки с легким навесом, вокруг которой располагалось большое количество хозяйственных ям. Волжский берег также осваивался, но проходило это гораздо медленнее из-за большого количества ям, оврагов, буераков и ручьев, выходявших к реке.

Вверх по берегу Которосли, неподалеку от Медведицкого оврага, куда подходила дорога из Ростова на Ярославль, в течение длительного времени активно поддерживался культ Велеса. По мнению многих исследователей, на месте современного Спасского монастыря в долине, называвшейся в древности логовиной, которая начиналась в районе современного театра имени Ф.Г. Волкова и спускалась по линии современной улицы Комсомольской к церкви Богоявления и берегу Которосли, находилось языческое капище и стоял идол.

Даже после того как местные жители были крещены, а произошло это, судя по дошедшим до нас легендам, одновременно с основанием города, а их капище было разрушено, еще длительное время его жители продолжали устраивать «страхования»: игры, пляски, песни под звуки древних инструментов - сопелок и гуслей.

В XI-XII веках Ярославль по-прежнему выполнял роль форпоста Ростова, то есть защищал столицу княжества на пути следования по Волге и Которосли. Рядом с Кремлем (Стрелкой) по другую сторону оврага появился торгово-ремесленный посад. Здесь селились, как уже говорилось, местные жители, а также приехавшие сюда торговцы, ремесленники, земледельцы, находя это место не только удобным для своих занятий, но и хорошо защищенным. Сохранившиеся сказания-былины и предания - однозначно свидетельствуют, что в это время безопасность проживания и путешествий ценились довольно высоко. Дело в том, что по берегам рек в лесной глуши в больших количествах водились разбойники. Поэтому даже передвижение князя со своей дружиной всегда сопровождалось соответствующей подготовкой. Это было связано не только с прокладкой дорог и устройством мест переправы, но и с вытеснением разбойников из мест,

предполагаемых к передвижению. К сожалению, малоизвестен тот факт, что признание Ильи Муромца богатырем произошло не столько благодаря его воинским подвигам, битвам с врагом, сколько в рядовом в нашем понимании факте: Илья Муромец один, из Муромы через реки, леса и болота, прошел до Киева, доказав тем самым свое бесстрашие, удаль и хорошую боевую выучку.

Подобные путешествия даже для князя с дружиной всегда были сопряжены с большими трудностями именно из-за вероятного нападения разбойников.

Расширение постройки за Кремлем вынудило местные власти озаботиться защитой жителей города и возведением оборонительных сооружений. Они охватили городскую территорию полукольцом валов и рвов, западная граница которых проходила вдоль современной улицы Первомайской. По берегу Которосли был также вырыт ров и насыпан вал. Создание и постоянное их обновление стало необходимым, когда Ярославль начала XIII века превратился в центр удельного княжества. В это время на берегу Которосли были заложены первые каменные башни.

В исторической литературе сохранилось достаточно описаний особенностей застройки древнерусских городов. Наиболее ярко и убедительно сделал это Сергей Васильевич Максимов - широко известный исследователь XIX века, академик изящной словесности. В своих этнографических работах он детально описал жизнь и быт жителей Северо-Восточной Руси, куда входила и территория современного Ярославского края. «Коренные русские люди», по его мнению, «в стародавние времена не умели, да и не хотели «пробивать» или «проламывать» тех прямых улиц, к которым мы привыкли и чьи образцы с европейского примера указал всей Руси Петр I». Больше того, они настолько об этом не заботились, что «выводили» свои улицы как бы намеренно и совсем не сообразуясь с петровским вкусом и указами». Это приводило к появлению улиц, застроенных вкривь и вкось тупиками, причем такими узкими, что двум встречным иногда было сложно разъехаться. В тупиках или глухих улицах не было сквозных проездов, а в узких улицах с трудом «прилаживались» обочины или тротуары для пешеходов. Однако в большинстве подобного рода поселений уличных полос или тро-

туаров в современном понимании вдоль дороги и вовсе не полагалось.

Уважая и любя соседа, новые жители пристраивались к боку или сторонкой так, чтобы своего соседа не потеснить и потом жить с ним в мире и согласии. Поэтому и ставились дома не всегда в линию, а иногда даже и вовсе «в россыпь». На практике же зачастую новые дома и хозяйственные постройки строились так, как подсказывали берега рек, ручьев или проток, просто складки местности. Делалось это с одной целью - жить в согласии со всем «миром», или общиной.

Русские люди, как известно, останавливаясь на жительство, соблюдали выработанный своими предшественниками сложившийся мирской строй, традиции общины. Они отлично понимали, что воевать с могучей природой и докучливым «инородцем», просто неприятным соседом, стремящимся, как правило, улучшить свои условия жизни за счет других, одинокой семье было просто не под силу. Именно поэтому первоначально зарождалось нечто похожее в застройке населенных мест на улице с проулками, закоулками и тупиками. И только позднее, когда развернулась и обеспечилась жизнь, люди постепенно стали собираться по ремеслам и занятиям. Духовные, торговые и ремесленные люди стали выбирать себе особые места и предпочитали строить избы друг против друга и рядом. Делалось это опять же для того, чтобы не разделяться, а жить общинами и, как говорилось, «всем быть вместе и заодно».

Вполне естественным становилось то, что старинная улица постепенно стала являть собой политическую и административную единицу, где устраивалось даже свое правление. Она, эта улица, выбирала себе старост и, в случае необходимости, выходила на торжище или площадь, где собирались и другие общины-улицы «судить да рядить», толковать не только о своих делах, но и всей окрестной территории.

По мере оформления улиц их жители стали прозываться «уличанами», а еще охотнее и даже вернее - «соседями». Постепенно, сближаясь интересами, они и дела «судили за единый дух, в полное согласие»: своего никогда не давали в обиду. Опять же по древнему русскому обычаю, где ссорились и дрались, тут же вскоре и мирились. Со временем на каждой улице

зарождались свои обычаи, звучали насмешливые прозвища или укоры за недостатки, в том числе физические, и прегрешения. На каждой улице формировались свои праздники с пирами и пирогами, с гулянками, медовухой, брагою и орехами. Как положено, подерутся на кулачных боях, «измestят» накопившиеся обиды на сердце, а на уличных праздниках, «братчинах», помиряются, «размоют руки» и нагуляются. По мнению многих исследователей, именно тогда и появилась присказка - «улица не двор - всем простор».

Самая древняя площадь в Ярославле, которая по традиции являлась одновременно и торговой, располагалась за Кремлем. Она начиналась к западу от современной Волжской башни и тянулась по берегам Волчьего и Медвежьего оврагов, вплоть до берега Которосли. Здесь первоначально проходила дорога, соединявшая Ростов и Ярославль с северными землями.

К этому времени (конец XII - начало XIII веков) были возведены и первые деревянные укрепления торгово-ремесленного посада. При их сооружении активно использовались различные, уже имеющиеся складки местности. Так, например, глубокий овраг (современный Красный спуск), выходящий на берег Волги, стал естественной границей посада на северо-западе. В свою очередь, уже знакомая нам низменность – Велесова долина – стала продолжением его укреплений в виде выкопанного рва. На юге границы посада проходили неподалеку от восточной стены основанного в конце XII века Спасского монастыря, который, таким образом, находился за границами посада.

Традиционным для того времени укреплением был глубокий ров. По некоторым данным, он затоплялся водой, причем так, что в случае больших осадков в верховьях Которосли вода текла по нему в сторону Волги; и наоборот- если уровень воды в Волге был выше, вода по рву стекала в Которосль. Рядом со рвом с внутренней стороны насыпался вал, по вершине которого сооружался из бревен тын с глухими и проездными башнями. Также, по традиции, вдоль оборонительных сооружений с их внешней стороны начинала формироваться дорога. В данном случае она шла от берега Которосли между городскими укреплениями и восточной стеною Спасского монастыря, вдоль рва к

волжскому берегу - где располагался перевоз. Одновременно с этим оформлялась и узкая дорога, шедшая с внутренней стороны вдоль вала, которая призвана была облегчить сообщение внутри посада.

В 1218 году Ярославль стал центром самостоятельного княжества. В связи с этим город, особенно посад, получает мощный импульс для своего развития. Этому способствовал рост волжской торговли, а также укрепление связей с Ростовом. Все это влияло на темпы застройки Ярославля.

1221 год - время страшного, но, увы, почти неизбежного для деревянных средневековых русских городов несчастья - пожаров. Тогда, по свидетельствам летописей, сгорело 17 церквей. Только высокие доходы князя и горожан смогли дать возможность построить столь большое количество церквей. Поэтому есть все основания утверждать, что Ярославль к тому времени стал не только значимым административным (центр княжества), но и торгово-ремесленным городом. В Ярославле начала XIII века были развиты такие традиционные ремесленные производства, как изготовление предметов одежды, обуви, вооружения, продуктов питания. В связи с этим в городе было много и дворов, принадлежащих изготовителям всего этого - ремесленникам.

В феврале 1238 г. на Ярославль обрушилась страшная беда: город был захвачен и практически полностью уничтожен. Главная дружина во главе с князем Всеволодом ушла на реку Сить. Здесь объединенные дружины северо-восточной Руси потерпели сокрушительное поражение от ордынцев. Ярославль защищала, судя по раскопкам на Стрелке в 2008 г., лишь небольшая дружина, воины которой погибли при защите города и были сброшены в колодец. Часть жителей была истреблена татарами, о чем свидетельствуют обнаруженные захоронения стариков, женщин и детей на месте Успенского собора, а часть в страхе покинула город.

Лишь весной 1238 г. часть беженцев возвратилась на свою родину. Были похоронены так и лежавшие на пожарищах тела погибших защитников и жителей города.

В первые годы после ордынского нашествия оставались только «дым, и земля, и пепел», но, по-видимому, Ярославль

быстро оправился от погрома, а население, первоначально разбежавшись по окрестным лесам, вновь вернулось на прежние места обитания. Более того, по преданию, в 1257 году жители города нашли в себе силы для открытого вооруженного выступления против захватчиков на Туговой горе. Ярославцы потерпели тогда поражение, но это было свидетельством того, что город, его жители готовы были биться с врагом за свою свободу и независимость. А это означало, что Ярославль смог восстановить свой утраченный в период нашествия людской и экономический потенциал.

Несмотря на отсутствие документов, можно с большой долей вероятности предположить, что во второй половине XIII века город был не только восстановлен в прежних границах, но и вышел за их пределы. В это время ярославским князем был Федор Ростиславович Черный из рода смоленских князей. В связи с прекращением мужской линии он, женившись на дочери последнего князя, Константина, стал родоначальником второй династии ярославских князей. Все исследователи отмечают, что во время его правления, с 1260 по 1299 гг., Ярославль приобретает статус не только крупного княжеского центра, но и самого спокойного города. В это время, по утверждению историков церкви, «ни один волос не упал с головы ярославцев». Связано это было с тем, что Федор, князь ярославский, не только пользовался большим доверием хана Золотой Орды (был его виночерпием), но даже женился на его дочери (в православии Анне), после смерти своей первой жены.

Он одним из первых русских правителей понял невозможность победоносной борьбы с врагом и встал на путь сотрудничества. Это время было «золотым веком» в истории Ярославля и княжества. Поэтому можно с уверенностью говорить о мощном развитии не только посада, но и слобод, выходявших за его границы (линия современной Первомайской улицы).

Традиционно для возведения церквей и монастырей избирались уже значимые для местного населения территории. Обычно это были языческие капища – места, служившие для поклонения языческим божествам. По местному церковному преданию считается, что неподалеку от языческого капища, посвященного богу Велесу, еще в XI веке происходило крещение

язычников в водах реки Которосли. Именно поэтому церковная традиция подчеркивает, что в честь этого события (крещения) и была построена первая деревянная церковь, посвященная одному из двенадцатых праздников - Богоявления (Крещения Господня). Произошло это, по версии историков церкви, в конце XI века. В качестве подтверждения этого факта необходимо отметить бытовавшую у ярославцев с древних времен традицию - устраивать в крещенские праздники близ церкви Богоявления Иордань - прорубь для освящения воды. Продолжалось это вплоть до 1917 года, когда Церковь была отделена от государства, а верующие вследствие этого вынуждены были испытывать определенные трудности в отправлении различных церковных обычаев и обрядов, и особенно массовых церковных праздников.

Традиция эта начала возрождаться лишь на рубеже XX-XXI веков, когда близ современной церкви Богоявления на реке Которосль вновь стали прорубать Иордань.

Первые письменные свидетельства о деревянной Богоявленской церкви относятся к началу XVI века. В частности, говорится о том, что «на пожалованных в августе 1511 года великим князем Василием III (отцом Ивана Грозного) трех, пустых после пожара, дворищах Спасский архимандрит Иона (настоятель монастыря) с братиею устроили Божее милосердия храм Богоявления Господа нашего Иисуса Христа».

В районе Которосльной набережной располагались и дома весьма зажиточных ярославцев, которые, среди прочего, отличались своими большими размерами и богатым убранством. Именно этим можно объяснить, что здесь были поселены посланные в Ярославль летом 1606 года 375 поляков. Они составили «дворы» вдовствующей царицы Марины Мнишек, а также окружение ее брата и отца. В дневнике, приписываемом Марине, а в действительности составленном одним из приближенных поляков, так и говорится, что поселены они были близ небольшой речки за крепостной стеной у монастыря. Прожили они здесь вплоть до конца лета 1608 г.

За пределами городских укреплений, вдоль земляного рва и вала, от Власьевской церкви (современная площадь Волкова) к церкви Симеона Столпника (район современной Красной площади) располагалась **Стрелецкая слобода**. Стрелецкое вой-

ско, как постоянная боевая единица, взамен ранее существовавшего ополчения было введено Иваном IV (Грозным). Поэтому время возникновения слободы можно определить сравнительно точно: середина - вторая половина XVI века. Вдоль слободы проходила ставшая тогда очень важной дорога Москва-Ярославль-Вологда-Архангельск.

К XVIII веку определился новый въезд в город со стороны Москвы: за Туговой горой дорога поворачивала на запад и в обход части Ямской слободы (район современной улицы Ямской, расположенной справа от Московского проспекта) выходила к западной стене Спасского монастыря. Старая дорога, проходившая через Ямскую слободу и Тропино (современная улица Тропинская, в районе остановки автобуса №4 «Мельничная») к переправе у Медведицкого оврага, утратила свое значение.

Вокруг большинства церквей города располагались живописные площади самых неожиданных очертаний, а за церковными оградами ютились приходские кладбища.

Ярославль в XVIII веке простирался на четыре версты вдоль Волги (от Стрелки до завода «Красный маяк») и на четыре с половиной версты вдоль Которосли (от Коровников до Перекопа). В городе насчитывалось более 200 каменных построек: 70 церквей, 40 жилых домов и свыше 100 хозяйственных сооружений (мануфактуры, мастерские, торговые палатки, склады и т.д.). Каменная застройка была сосредоточена в основном в центральной части города - в Рубленном городе и Земляном городе. В Ярославле насчитывалось в те времена порядка 60 улиц, переулков, проездов и тупиков. Некоторые из них возникли на месте бывших слобод: Стрелецкой (ныне улица Ушинского), Ямской и т.д. - и имели значительную ширину - до 30 м. В то же время большинство улиц были крайне узкими, извилистыми и, как следствие, с ломаной линией застройки, что было в принципе характерным для средневековых русских городов. Особенно отличалась в этом отношении стихийно сложившаяся планировка Земляного города и торговой площади, располагавшейся с востока от Земляного города (по линии современных теннисных кортов и стадиона). Она была плотно застроена деревянными лавками, палатками, амбарами, всевозможными «рядами», «обжорными» и «питейными» заведениями. Преобладала

так называемая усадебная застройка. Дома здесь были почти сплошь деревянные, чередовавшиеся с огородами, садами, пустырями, складами, мастерскими и различными ремесленными заведениями, такими как бойни, салотопильные и кожевенные заводы. Это нашло свое отражение в записях Ярославского городского магистрата за 1760 год: «Всегда безмерный смрад происходит, и воздух так заражен, что близ одного дома (где размещалось экологически вредное и опасное для здоровья производство) живущим людям не только на двор и на улицу выходить, но и жить по близости весьма трудно. От части крайняя опасность, чтобы от одного смрада через испортившийся воздух не последовало не только скоту, но и людям вредного припадка».

В 1760 годах в русском градостроительстве произошел крутой перелом. Вызвано это было бурным развитием промышленности и, как следствие, ростом городов при крайне низком уровне их благоустройства и высокой пожароопасности; новым административным делением (губернская реформа), а также новыми эстетическими взглядами на градостроительство.

Для государственного регулирования строительного дела в 1762 году была учреждена «Комиссия о каменном строении» Санкт-Петербурга и Москвы, которая, однако, распространила свою деятельность практически на все города России. Поэтому главной задачей комиссии стала разработка на базе топографической съемки генеральных планов перепланировки городов.

В 1768 г. Ярославль в очередной раз горел. За год до этого во время путешествия по волжским городам Екатерина II отметила, что они прекрасны по ситуации, но мерзостны по постройкам. Поэтому в Ярославль были направлены представители Комиссии по каменным строениям Петербурга и Москвы (главой которой был И.Е.Старов) для составления Регулярного плана, так как считалось, что подобная работа может быть выполнена с успехом только на месте.

Подготовка и проектирование велись с достаточной для того времени глубиной: снимались точные планы существующей застройки, выявлялось преимущественное значение города – торговое, административное, промышленное; количество населения, пути сообщения и т.д. Присланными из столицы для составления плана межевщиками были лейтенант флота Муром-

цев и майор Жуков. Архитектором Квасовым при непосредственном участии на конечном этапе майора Жукова был создан первый Регулярный план 1769 г.

В 1769 году силами «Комиссии о каменном строении» был выполнен первый топографический план, послуживший основой для перепланировки Ярославля. Он был составлен архитектором А.В. Квасовым и вскоре «конфирмован» (высочайше утвержден) императрицей Екатериной II.

По этому плану сохранялось значение Рубленого города как Кремля и административного центра. Особенно подчеркивалось сохранение и приведение в порядок оврага, которому хотели придать значение рва, соединявшего Волгу и Которосль. Это свидетельствует о том, что межевщики были знакомы с ходившими в то время легендами основания Ярославля, в которых упоминалось проточие водное между Волгой и Которослью. Городское пространство, в т.ч. и Кремль, делилось на кварталы.

Попытка создать квартальную застройку Земляного города не во всё отвечала сложившейся застройке: наличие внутри кварталов храмов, уже существующая застройка, были не учтены затопляемые в половодье берега реки Которосль и т.д.

К западу от церкви Ильи Пророка планировалось создание большой торговой площади, которая не устраивала местное купечество из-за возникающих трудностей с подвозом и перевалкой товаров и грузов. Но осуществлен он не был. На это повлияли уже изложенные выше факторы, а также сложная ситуация во внутренней (крестьянские восстания) и внешней (война с Турцией) политике.

Этот регулярный план сохранял все каменные постройки, а также в немалой своей части опирался на уже сложившуюся структуру улиц. Сохранялись все церковные здания, воздвигнутые еще, как правило, в XVII веке, считавшемся «золотым веком» ярославской архитектуры. В то же время план предусматривал «столличную» квартальную застройку вместо традиционной усадебной, сложившейся еще в средневековье. Она представляла собой купеческую усадьбу, окруженную вспомогательными строениями, с границами, соответствующими рельефу местности.

В соответствии с новым планом территория центральной части Земляного города разбивалась на участки прямоугольной формы. Это отчасти нарушало структуру уже сложившихся улиц. Главная торговая площадь города намечалась на юго-западе, а на ее западной стороне планировалось разместить Гостиный двор.

В то же время, если рассматривать «загородье», то есть бывшие слободы, становится ясно, что этот план очень бережно сохранил уже сложившуюся за земляным валом застройку. Например, главная улица Богоявленской слободы сохранялась и по-прежнему начиналась от исторически сложившейся доминанты - Угличской башни. Рядом с ней «пробивалась» новая улица - Большая Рождественская, выходящая на церковь Рождества Богородицы (ныне снесена, а на её месте воздвигнут памятник Ярославу Мудрому), которая, в свою очередь, соседствовала с Никитской улицей (часть современной улицы Салтыкова-Щедрина), направленной к одной из глухих башен бывшего Земляного города (сейчас на ее месте находится знаменитая «ротонда» Гостиного двора).

План 1769 года, несмотря на «высочайшее» утверждение, вызвал большое недовольство у ярославцев, и прежде всего, купечества. Они, в частности, никак не могли согласиться с явно неудобным для них местонахождением Гостиного двора, поскольку такое его расположение затрудняло подвоз товаров из-за удаленности от пристаней. Кроме этого, план был неудачным в смысле реализации, так как предполагал снос большого количества строений в Земляном городе (от Медведицкого оврага до современной Первомайской улицы). Дело в том, что за годы, прошедшие после пожара 1768 года, население города и «загородья» постепенно выстроило новые дома на пепелищах, соблюдая старую деревянную застройку.

В 1777 г. Ярославль становится центром наместничества и резиденцией А.П.Мельгунова – первого ярославского генерал-губернатора. Алексей Петрович приехал в Ярославль через 9 лет после пожара 1768 г. Город за это время постепенно снова отстроился на старых пепелищах. Утвержденный в 1769 г. план не удовлетворял Мельгунова.

Рубленный город являлся наименее заселенной его частью и в 1777 г. был почти пуст. Вместе с Митрополичьими палатами (главой Ростовской епархии был в это время митрополит Саму-

ил Миславский) в нём насчитывалось только 5 жилых домов. Поэтому он, ссылаясь на его фактическую неосуществлённость, убедил Екатерину II в необходимости иметь другой план. И вот здесь мы находим весьма интересный, если не загадочный, момент. По-видимому, существовало два проекта плана, подготовленных в 1778 г. Первый из них предусматривал обособление Стрелки – Кремля за счёт рва, соединявшего Волгу и Которосль. Более того, здесь же говорилось о строительстве на территории Кремля присутственных мест.

Для выполнения данного плана новый наместник должен был, прежде чем начать строительство присутственных мест в Кремле, обустроить берега Волги и Которосли, которые более ста лет – с пожара 1658 г. – стояли в запустении. Оборонительных сооружений больше не возводилось, за небольшим исключением по берегу Которосли. Кроме больших денежных средств, это требовало и значительного времени. С другой стороны, то место (за собором, по берегам Волги и Которосли) никак не отвечало амбициозным планам А.П.Мельгунова о возведении грандиозных зданий присутственных мест и устройства широкой площади перед ними. При этом необходимо помнить, что по указу Екатерины II Ярославлю как губернскому центру с 1778 г. выделялись по 20 тыс. руб. ежегодно для строительства казённых зданий в течение 5 лет.

Было ясно, что обустройство берегов и само строительство новых зданий, в том числе присутственных мест, в эту сумму никак не уложится. Кроме того, существовали и расходы на возведение других казённых зданий. Вот почему появился второй вариант плана, исправленный по настоянию А.П.Мельгунова губернским архитектором Э. Левенгагеном. Этот новый вариант не разрабатывался силами Комиссии по каменному строению Петербурга и Москвы. В комиссию он был представлен только на согласование. Рассмотрев его, комиссия направила на высочайшее утверждение при таком докладе: «как в городе Ярославле учреждено ныне наместничество и господин генерал-губернатор и кавалер А.П.Мельгунов объявил всеподданнейше ВИВ (Ваше Императорское Величество) повеление, чтобы сочинённый городу Ярославлю вновь план комиссия, рас-

смотря, представила к высочайшей конфирмации, то комиссия, рассмотрев оный план и согласясь с его расположением».

Но на этом плане нет утверждающей визы – Быть посему.

Кремль же был запущен, зарос бурьяном, а берега по-прежнему находились в необустроенном состоянии. К 20-м годам XIX в. у самой древней церкви – Ильинско-Тихоновской – из-за оползания берега Волги и оврага образовались трещины в фундаменте и стенах, что привело к ее разрушению. Она была разобрана и перестроена, но уже на классический лад – с колоннами и портиками. Установленный неподалеку памятник основателю Ярославля, князю Ярославу Мудрому, также пришёл в негодное состояние и был разобран.

Единственной новостройкой на Стрелке был новый архиерейский дом, построенный восточнее собора как резиденция ростовского митрополита, так как старые Митрополичьи палаты были заняты гражданским губернатором. Он строился с 1782 г. по 1788 г., но ко времени окончания постройки постоянной архиерейской резиденцией сделался Спасский монастырь, т.к. к этому времени архиепископская кафедра была переведена в Ярославль из Ростова. Вновь построенный дом оказался архиереям уже не нужен. Некоторое время его занимал гражданский губернатор, переселившийся сюда из Митрополичьих палат. Затем здесь размещалось Народное училище, лазарет мушкетёрского полка, квартировавшего в Ярославле. В 1803 г. здание было передано Демидовскому высших наук училищу, причем фасад его был уничтожен.

Вполне естественно, что фасадом новый архиерейский дом был обращен к Успенскому собору. Таким образом подчеркивалось главное значение собора по отношению к другим сооружениям. Позади архиерейского двора, как положено, находились хозяйственные постройки, сенники, конюшни, ледники, ретирадные места, и выходили они на Волгу и Которосль. В это время набережные еще не были благоустроены. Лишь с 20-х гг. XIX века начинается обустройство Стрелки, в том числе Волжской и Которосльской набережных. В это же время перестраивается приспособленное под Высших наук училище (с 1833 г. –

лицей) здание Митрополичьих палат (архитектор Протас Козлов). Перестройка была закончена им в 1816 г.

В своем окончательном варианте здание Высших наук училища являло собой узкий длинный дом, стоявший за собором. Но губернатор Безобразов, любивший пышность и помпезность, отдает распоряжение в 1825 г. о строительстве домово́й церкви и оформлении фасада, обращенного к Волге, коринфскими колоннами. По проекту архитектора Панькова фасад обращается в сторону Волги, сохраняя в должном виде свои тылы, обращенные к Успенскому собору.

Конфигурация Соборной площади, которая была намечена еще первым проектом Регулярного плана, получила окончательное решение в середине 1820-х гг. в связи с постройкой здания училища.

Мост через Медвежий овраг был сломан, средняя часть оврага засыпана, а скаты оставшихся частей были превращены в правильные откосы.

В результате получилась система переходящих одна в другую площадей: Соборная, Плацпарадная и Ильинская. Одно время Соборная площадь именовалась Красной – по традиции, шедшей еще со средневековых времен. От Красной площади широкий проспект вел к Плацпарадной. Раздельность этих площадей подчеркивалась бульваром, который был посажен по краям оврагов по направлению от Волжского спуска к церкви Спаса-на-Городу на Которосльной набережной.

В 1930-е гг. была сначала снесена Демидовская колонна (восстановлена в середине 2000-х гг.), а потом и Успенский собор. Часть освободившейся территории в послевоенные годы была отдана школьникам-мичуринцам для производства опытов с растениями, деревьями и кустарниками. Была устроена даже оранжерея.

Все это просуществовало до начала 1970-х гг., когда был сооружен памятник в честь 30-летия Победы над фашистской Германией. Часть сада и оранжерея по-прежнему оставалась на Стрелке, но в связи с решением о строительстве нового Успенского собора все остальное перевезли в Брагино.

Послевоенный Ярославль стремился отметить Великую Победу сооружением столь же величественных зданий. В 40-50-

е гг. XX века ярославские архитекторы разрабатывают серию проектов строительства на Стрелке главных административных зданий того времени – обкома КПСС, облисполкома и облсовета в виде московских многоэтажек.

В силу ряда причин ни тогда, ни позже эти здания так и не были построены. Но пустующая Стрелка привлекала внимание как место возможного грандиозного строительства, пока наконец в 2010 г. не было закончено возведение нового Успенского собора, ставшего доминантой не только Стрелки и Волжской набережной, но и всей исторической части города Ярославля.

В 1777 году Ярославль стал центром самостоятельного большого наместничества, объединившего несколько северных провинций. Первым его наместником был назначен генерал-аншеф А. П. Мельгунов, обладавший большим административным опытом. Для него перепланировка города стала первоочередной задачей. Прежде всего он считал необходимым начать немедленное строительство больших каменных зданий для размещения в них новых «присутственных мест» (администрации).

Ярославль тогда полностью соответствовал оценке, которую дала городу императрица Екатерина II еще во время своего визита сюда в 1767 году. Более конкретно о Ярославле высказался сопровождавший ее во время путешествия П.Г. Орлов (младший брат фаворита императрицы Г.Г. Орлова). Он весьма искренне восторгался церквями и особенно видами Ярославля с Волги. Но, поднявшись в город, он изменил свою оценку и записал в путевом дневнике: «...Строения дурны, почти все крестьянские дома, улицы тесны, вымощены досками».

Можно предположить с большой долей вероятности, учитывая имеющиеся материалы, что план этот разрабатывался не только силами уже упоминавшейся «Комиссии по строению Санкт-Петербурга и Москвы». Он составлялся при участии столичного архитектора - ведущего авторитета в области градостроения того времени, а «привязка» к местности осуществлялась при помощи губернского архитектора Э.М. Левенгагена и непосредственном участии самого А.П. Мельгунова. Новая версия плана была «конфирмована» Екатериной II в марте 1778 года. По сравнению с планом 1769 года, «переработанный» вариант был подчинен новой оригинальной архитектурно-планировочной идее, суть которой

заклучалась в следующем: направить улицы города так, чтобы все они либо брали свое начало от церкви или башни из числа сохранившихся городских укреплений, либо ими заканчивались. Это придавало улицам пространственное завершение. При этом необходимо отметить, что церкви, ранее окруженные площадями («площадками») и кладбищами (а захоронения в черте городов были запрещены еще по указу 1772 года) сделались главными узлами всей композиции нового плана.

Новый регулярный план Ярославля являлся прекрасным образцом русской планировочной школы XVIII века и был типичным примером принятой в те времена в столице радиально-кольцевой планировки с квартальным делением улиц. В то же время он продолжил развитие стихийно сложившейся в XV-XVIII веках концентрической планировки Ярославля: от Кремля на Стрелке к посаду и далее - к «загородью».

Свое отношение к регулярному плану застройки Ярославля 1778 года торжественно выразил в 1780 году в соответствии со стихотворными традициями конца XVIII века преподаватель Спасской семинарии (находилась в Спасском монастыре, там, где сейчас располагается исторический отдел Ярославского государственного историко-краеведческого и художественного музея-заповедника) протоиерей Предтеченский. В своем стихотворении-оде «Благоустроенный Ярославль» он писал:

«...Но смею я сказать, что древни обелиски, Которы к облачным пределам столь уж близки, Давно б мир возносить хвалами перестал, Когда б тот план на миг хоть увидал. Что в новый вид наш град преображает. И славу тем его повсюду расширяет».

В соответствии с планом 1778 года главной площадью города планировалось сделать Ильинскую, что раскинулась вокруг церкви Ильи Пророка. Три луча улиц расходились от нее к проездным башням посада: к Угличской - улица Рождественская (современная ул. Нахимсона), к Власьевской - улица Угличская (ныне ул. Кирова) и к Семеновской (находилась в районе современной Красной площади) - улица Ильинская (современная ул. Советская).

В сторону Стрелки от центральной площади вела широкая Плацпарадная площадь (ныне там располагаются площадь Челю-

скинцев и Демидовский сквер), размеры которой составляли тогда 472 x 115 м. За проездными башнями, рядом с культовыми постройками, формировались еще три городские площади - Рождественская (часть современной площади Богоявления), Власьевская (ныне площадь Волкова) и Семеновская (современная Красная площадь). Далее на запад намечались две площади торгового назначения: Сенная (современная площадь Труда) и Лесная (в районе кинотеатра «Родина») и части квартала (ул. Республиканская - ул. Советская - ул. Победы).

Система улиц нового регулярного плана (а их намечалось более 80) хоть и перекраивала (иногда даже очень решительно) средневековую планировку города, все же основывалась на максимальном сохранении их сложившейся структуры.

В соответствии с планом 1778 года часть улиц пробивалась заново, помимо уже существующей застройки. Это были, например, такие улицы, как Ростовская (Андропова), Воскресенская (Революционная), Большая Рождественская (Большая Октябрьская), Благовещенская (Суркова). Улица Большая Рождественская, соединявшая две церкви: Рождества Богородицы (на месте современного памятника Ярославу Мудрому) и Параскевы Пятницы на Всполье (в районе современной улицы Ухтомского; ныне не сохранилась), проходила по огородам («задам») древних слобод: Богоявленской, Киселюхи, Нетечи и Спасской. Многие улицы в западной части города намечались на свободной в то время территории: Дворянская (проспект Октября), Мологская (улица Победы), Большая Романовская (улица Некрасова), Борисоглебская (улица Свердлова), Пошехонская (улица Володарского), Петровская (проспект Толбухина), Мышкинская (улица Лищицына) и другие. Большинство регулярных улиц пролегло по трассе прежних, уже существовавших, лишь выпрямляя и расширяя их. Граница города проходила на западе по ломаной линии, которая в реальности была отмечена межей с невысоким земляным валом там, где сейчас проходят улица Городской вал и проспект Ленина.

Регулярный план сохранял почти всю каменную застройку древнего Ярославля, лишь за ненадобностью разбирались глухие (непроездные) башни Земляного города. Планом строго регламентировалась высота застройки в различных час-

тях города, строительный материал (камень, дерево), фундаменты, покрытия крыш и т.д. В описании к плану подробнейшим образом указывалось, что и как строить: «В земляном городе и вокруг главной площади, строить дома каменные, сплошные, вышиною в 16 аршин, в три этажа... В прочих кварталах земляного города строить... каменные... в три этажа... В прочих кварталах земляного города строить... каменные... в два этажа, вышиной в десять аршин... За земляным городом, на местах, прикрытых красной краской, полагаются каменные строения в два этажа. По берегу реки Которосли, по Угличской дороге, около площадей - деревянные строения на каменном фундаменте... крышу крыть на каменном - железом и черепицей...»

Планом предусматривались и санитарно-оздоровительные нормы и мероприятия: «В городе и предместьях кладбища уничтожить и назначить достойное место за городом... Под кожевенные фабрики, бойни скотины, под сальные и прочие заводы отвести места по течению рек ниже города, в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистот и дурного воздуха.

План 1778 года предписывал с осторожностью относиться к сносу уже существующих построек. В нем, в частности, говорилось: «По оному плану улицы и площади не иначе застраивать начинать, как на плане назначено, только тогда, когда старые строения, препятствующие тем линиям («новым»), в такую ветхость придут, что хозяева оных строений вновь перестраивать вознамерятся, или от пожара случайно уничтожатся, одним словом, дабы обыватели не потерпели убытков от ломки домов к жилью годных».

Подобные указания, призванные защищать интересы прежних застройщиков - владельцев усадеб, не всегда, к сожалению, бывали реализованы.

В соответствии с регулярным планом, Кремль (Стрелка) и Посад (на запад, вплоть до линии современной Первомайской улицы) предполагалось застраивать только каменными зданиями. Кроме того, каменные здания должны были украшать парадные фасады главных улиц загорожья (к западу от Первомайской улицы). Прежде всего, это касалось Большой Линии (улица Комсомольская), Большой Угличской (улица Свободы), Стрелецкой (улица Ушинского), Казанской (улица Первомайская), Срубной (улица

Собинова), Духовской (улица Республиканская), а также площадей: Семеновской (Красная), Рождественской (Богоявления), Власьевской (Волкова).

Все новые постройки города возводились по специальным проектам для казенных зданий. Они разрабатывались индивидуально санкт-петербургскими или местными архитекторами. Частная жилая застройка выполнялась по «примерным» и «образцовым» проектам, составленным «Комиссией о каменном строении». Они были собраны в соответствующие альбомы. Ярославлю рекомендовалось использовать «образцовые фасады», ранее разработанные для другого губернского города – Твери.

г. Ярославль. Видъ на Коровники. Сѣянніе рѣкъ Волги и Которосли.

Стрелка. Слияние рек Волги и Которосли. Фото нач. XX века

Ярославль.

Тугова Гора.

Тугова Гора. Фото нач. XX века

Карта языческого Ярославля

Церковь Богоявления и берег Которосли. Справа виден откос дамбы.
Фото 1900-х

Карта-схема местности до возникновения города в его начальный период (X- первая половина XII вв.) разработана сотрудниками отдела РИЗ мэрии г. Ярославля Н. Н. Гаевой и Н. С. Землянской

Стены и Угличская башня Спасо-Преображенского монастыря.
Фото 1890-х гг.

Вид на Знаменскую башню. Фото 1900-х гг.

Владимирская церковь на Божедомке. Фото 1900-х гг.

Ильинская площадь. 1904 – 1909 гг.

Церковь Ильи Пророка и присутственные места

Рождественская улица (ныне Б. Октябрьская). Нач. XX века

Власьевская улица (ныне ул. Свободы). Нач. XX века

Глава II Стрелка

Стрелка – это то место, с которого берет свое начало освоение и застройка берега реки Которосль, а главное – возникновение нашего города. Принято считать, что Ярославль был заложен в 1010 году в то время Ростовским князем Ярославом Владимировичем, впоследствии получившим прозвище Мудрый. В X-XI веках определяющими факторами для места закладки города были условия безопасности и близость к транспортным артериям, соединяющими данный город с другими населенными пунктами, прежде всего со стольным градом - Ростовом, являвшимся в то время центром всех северо-восточных земель, входивших в состав Киевской Руси. С давних времен для городов древнерусской возвышенности типичным расположением было на слиянии двух рек. Не стал исключением в этом отношении и Ярославль, заложив славные традиции основания славянских поволжских городов.

Место для города и в самом деле было выбрано подходящее: крутой, до 20 метров, берег, с двух сторон омываемый реками, которые, в свою очередь, служили своеобразными водными преградами. А на северо-западе – овраги, выходящие как на волжский, так и на которосльный берега. Правда, существует версия, что на месте оврагов в древности существовала довольно глубокая протока, которая давала проходящим судам возможность не огибать мыс, образованный слиянием Волги и Которосли, а плыть непосредственно к Которосли, по ней вплоть до озера Неро и далее по рекам, протокам, волокам в Плещеево озеро (в древности Клешино), к Оке и Волге. Именно так проходил первоначально Великий Волжский путь из «варяг в арабы» (из Балтийского до Каспийского моря). Вполне понятно поэтому, что такие важные государственные коммуникации нуждались в защите, для чего по берегам рек устраивались сторожевые крепости. Именно с этой целью Ярослав Владимирович и заложил на месте современной Стрелки город, названный в его честь, - Ярославль. Кстати, именно на защите купе-

ческих караванов от набегов речных разбойников - ушкуйников - и основана легенда о появлении нашего города.

«Город», как известно, происходит от глагола «городить», т. е. огораживать стеной. Именно так выглядел град, основанный Ярославом Мудрым при впадении Которосли в Волгу. На Стрелке был воздвигнут Рубленый город, обнесённый насыпью в 598 сажень (1200 метров), по верху которой была «срублена» крепостная стена с 12-ю башнями, две из них были проездными. Со стороны Которосли крепостная стена была глухой - чтобы не допустить подхода неприятеля или, по крайней мере, усложнить захват крепости. Проездные башни находились на северо-западе. На самой Стрелке располагалась большая наугольная башня. Гарнизон крепости состоял из части ростовской княжеской дружины. Ростовцами были и гражданские - ремесленники и земледельцы, которых специально для этой цели Ярослав поселил здесь как людей не только подчиненных, но и преданных. Местное же население было вытеснено на другую сторону оврага - на берег Которосли. Именно здесь, по городским легендам, еще сохранялись места поклонения язычников.

После «великого» пожара 1658 г., уничтожившего в том числе и весь деревянный Кремль, на концах оврагов были поставлены две каменные проездные башни: со стороны Волги – Волжская, а со стороны Которосли – Зелёная (Пороховая). Позднее от церкви Никола Рубленый город к Стрелке построили Никольскую воротную, а затем две других глухих башни. Вдоль оврага со стороны Кремля в это время никакого строительства не производилось из-за отсутствия денег в городской казне.

Первой церковью, выполнявшей функции соборного (главного) храма, была Ильинская (современная Ильинско-Тихоновская), расположенная неподалеку от Волжской башни. Церковь была заложена на том самом месте, где, согласно легенде, князь Ярослав зарубил «зверя лютого».

На территории Стрелки, как уже указывалось, заложили первый храм в честь основания нового города. Им была Ильинская церковь, которая до постройки Успенского собора выполняла его функции. Чтобы спасти ее от многократно повторяю-

щихся пожаров, эту церковь возвели в камне в 1682 году, к ней в 1694 году был пристроен придел святого Тихона-чудотворца, в честь которого она и стал называться Ильинско-Тихоновской.

Ильинско-Тихоновская церковь имела особые привилегии, установленные сначала ярославскими князьями, а затем подтверждённые московскими великими князьями и царями. Храм был ружным, т. е. получал за счёт казны из таможенных денег ругу, или ежегодное денежное содержание. Каменный храм просуществовал до 1824 года, когда «не столько от времени, сколько от непрочности кладки склонился к падению». Напомним, что укрепление откосов берега Волги (кроме той её части, где находятся Митрополичьи палаты, берег укреплялся с XVII в. по личному распоряжению Ионы Сысоевича – в то время главы Ростово-Ярославской епархии) началось лишь в 20-е годы XIX века и закончилось строительством Волжской набережной.

В соответствии с регулярным планом 1778 года в Ярославле, особенно в его центральной части, произошли существенные изменения, связанные с переносом жилья за пределы посада и строительства на его месте казенных зданий. В результате церковь лишилась большинства своих прихожан и со временем пришла в ветхость.

Новое здание храма, построенное в 1825–1831 гг., стало двухэтажным. На первом была тёплая (зимняя) церковь в честь иконы Ярославской богородицы – единственный храм в Ярославле, освящённый во имя одной из самых популярных в городе святынь. Здесь находилась храмовая икона Ярославской богородицы, которая пользовалась особым почитанием прихожан. Левый придел нижней части был освящён в честь «Святого Тихона – Чудотворца, епископа Амафусийского». Над западным фасадом храма находились две небольшие башни, где располагались колокольня и ризница.

В 1924 году в ней было решено открыть музей революции, или как он ещё тогда, назывался, дом-музей В. И. Ленина. Автор перестройки храма в музей архитектор И. И. Князев писал по этому поводу: «Это почти гражданское строение, очень величественное и красивое, вполне отвечает назначению для устройства в нём музея». Планировалось, что на первом этаже

будут находиться партийный архив (истпарт) и кабинеты для научных занятий. На втором – музей-пантеон, посвящённый вождю революции. На фронтонах и нишах внешних фасадов храма предполагали разместить скульптуры революционной тематики, а внутренний интерьер украсить барельефами с изображениями павших борцов, деятелей коммунистического движения, героев труда – чтобы «уважение и любование было всеобщим». Начали перестройку под музей с разборки двух боковых башен и главы. Но... на этом всё и закончилось, т. е. «намерение создать музей, достойный памяти В. И. Ленина», так и не было осуществлено. Впоследствии этот храм был передан горсоветом под биржу труда, а затем в нём располагались ярославские реставрационные мастерские. В 1998 г. церковь была передана художественному музею.

Интенсивнее город начал развиваться с получением самостоятельности в 1218 году, когда Ярославль стал «стольным» градом Ярославского княжества, владевшим значительными территориями вплоть до реки Мологи. Именно тогда на территории Стрелки появляется первая каменная постройка в городе – храм Успения Богородицы, заложенный еще при Ростовском князе Константине в 1215 году.

Успенский собор располагался в самом центре Стрелки.

Всего на протяжении веков на территории Стрелки на одном и том же месте строились и рушились четыре собора. Все они принадлежали к разным эпохам и отличались друг от друга. Поэтому рассмотрим каждый в отдельности. Это тем более важно, что в настоящее время здесь построен новый Успенский собор.

Успенский собор 1215-1501 годов был сложен из плинфы и украшен белокаменными полуколоннами и резными деталями, с орнаментами и масками. Плинфа – широкий и плоский обожжённый крупный кирпич, по форме близкий квадрату. Она широко использовалась в храмовом зодчестве X – начале XIII вв. из-за дешевизны и простоты производства. Для того времени характерны следующие её размеры: 25×19×5 (см). Изготавливалась она с помощью разъёмных и неразъёмных рамок, которые заполнялись местной глиной, измельчённой огнеупорной глиной (шамот) и древесным углём. После обжига она

приобретала красно- или тёмно-коричневый цвет. При оформлении храма использовалась белокаменная орнаментальная резьба (обнаружены её фрагменты) и поливные плитки для пола в виде квадрата 10,6 см и толщиной 4,3 см. (Найдены значительно стертые, где полива сохранилась в виде небольших пятен). Храм этот возводился, очевидно, ростовскими мастерами, хорошо знакомыми с зодчеством других русских княжеств: в нем были использованы строительные и художественные приемы как киево-черниговской архитектуры (плинфа), так и соборного зодчества Владимира (резьба по белому камню).

В пожаре 1501 г., который уничтожил в очередной раз весь Ярославль, колокола собора, как писали очевидцы, «разлились как вода, а церковь рассыпалась до основания». В 1504 г. был заложен новый храм из кирпича размерами 29×13×7 (см). Это был четырёхстолпный храм из двух ярусов. Нижний ярус (или подклет) состоял из двух палат с отдельными входами и предназначен был для хранения казённых припасов. Верхний ярус и был собственно «холодной (летней) церковью с западным приделом на полатах».

Второй собор простоял всего около 150 лет, обветшал, и по царскому указу 1642 г. «... велено в Ярославле соборную новую каменную церковь... сделать на новом месте, а старую соборную церковь разобрать». «Подклет старой церкви, где раньше хранилась «зелёная и свинцовая казна», сохранить, укрепить и использовать по тому же назначению». Но его признали из-за сырости непригодным для этих целей, и по предложению воеводы на недоразобранных стенах старого верхнего яруса (холодной церкви) надлежало сделать две палаты под «казну», что и было впоследствии осуществлено.

Кроме того, сооружение уже не могло вмещать всех прихожан, желающих отстоять в нем службу. Известно, что строили собор из белого камня московские мастера, был он пятиглавым и во всем походил на Успенский собор Московского Кремля.

Новый, третий храм «строился в большем против прежнего размере». Его строили очень быстро, и в августе 1646 г. он был освящён. Располагался собор, по-видимому, на берегу Волги северо-восточнее Митрополичьих палат, поэтому

«большая часть его остатков уничтожена при оползнях берега...».

Во время Великого пожара 1658 г. храм настолько пострадал, что не подлежал восстановлению. С 1660 по 1663 г. шло строительство нового храма, а его роспись происходила в 1671–1674 гг. Для его сооружения были разобраны собор 1642–1646 гг., остатки собора 1504 г., перестроенного в казённую палату. К 1670 г. храм был в основном построен, а к 1674 г. – расписан.

В 1786 г. собор стал кафедральным, для чего были перестроены паперти и крыльца. Вскоре последовали дальнейшие перестройки и пристройки, которые оценивались большинством исследователей как неоднозначные по своим результатам. Тем не менее с 1786 по 1929 г. Успенский собор оставался главным центром духовной жизни Ярославля и губернии.

Собор 1646-1937 годов был крупнее своего предшественника, но своими традициями также восходил к формам Успенских соборов Владимира и Москвы. Его строгий кубический объем с позакомарным покрытием, позднее переделанным на скатную крышу, венчался мощным пятиглавием.

Два ряда узких окон в глубоких нишах освещали внутреннее пространство, расписанное фресками. Архитектурный декор на фасадах сохранял традицию московского Успенского собора, несколько обогатив ее. В 1832 году в результате перестройки основного объема храма он был дополнен теплой церковью в честь благоверных ярославских князей Василия и Константина, а также двумя притворами в псевдорусском стиле. В 1836 году была переделана и шатровая колокольня, расположенная к северо-западу от основного объема. Новая колокольня имела четыре яруса общей высотой 49 метров. На ней находилось 10 колоколов, из которых самый крупный весил 700 пудов. В 1844 году главы и кресты собора и колокольни были вызолочены.

Успенский собор с колокольней являлся доминантой города и играл исключительно важную роль в его панораме: этот храм был самым крупным на территории обеих набережных Ярославля и замыкал визуальные связи всех вертикалей

фасадов города в единую объемно-пространственную структуру.

В ярославском Успенском соборе хранилось много подарков и пожертвований, преподнесенных великими князьями, царями и императорами. С 1786 года Успенский собор получил статус кафедрального, и уже в этой роли храм принимал в свои стены чудотворные иконы четыре раза в год: Толгскую – в третью неделю после Пасхи, Владимирскую – 3 июля, Тихвинскую – 3 сентября и Святителя Николая – 8 сентября. На протяжении всей истории Успенского собора его посещали великие князья, цари и императоры. Не обошли собор стороной и страшные беды Ярославля того времени – пожары. Вследствие одного из них храм, заложенный в 1215 году, сгорел дотла в 1501 году. Второй, построенный на этом же месте, подвергся действию огня в 1658 году, выстоял, но остался с прогоревшими куполами.

Судьба третьего Успенского собора трагичнее всех, потому что причиной его гибели стало не буйство стихии, а люди. Уже в 1918 году во время городского восстания в Ярославле собор был частично разрушен снарядами частей Красной Армии. Позднее храм отреставрировали, а здание передали бирже труда, потом в нем устроили склад зерна. Последний крестный ход от собора состоялся 7 июля 1929 года.

В 1937 году он был взорван. очевидцы этого события особо отмечали, что первая попытка уничтожить храм была безуспешной: собор лишь вздрогнул и снова встал на место. Перед второй попыткой в основание собора был заложен усиленный заряд взрывчатки, после чего здание рухнуло. Однако не обошлось без жертв этого усиленного взрыва: от сдетонировавшегося снаряда, не взорвавшегося во время антисоветского восстания в июле 1918 года, погибли несколько человек.

В довоенный период планами 1924 и 1930-х гг. застройка Ярославля на этом месте предполагалось возвести доминанты зданий партийных и советских структур. Но оно так и осталось незастроенным. Лишь в послевоенный период здесь был разбит так называемый мичуринский сад, где проводили свои опыты школьники из трудных семей Краснопереконского района по выращиванию экзотических для нашего края пород де-

ревьев и кустарников. Идея создания доминанты на Стрелке не оставила власти города и области и в послевоенный период. Были разработаны проекты строительства высотных зданий, по типу московских, но ни один из них так и не был осуществлён.

В конце XX века идея восстановления Успенского собора начала приобретать практический характер. После ряда общественных слушаний был объявлен конкурс на проект возведения нового Успенского собора, пятого по счёту. В финале конкурса встретились не просто два проекта, а две разные идеологии – романтического воссоздания и рационалистического возрождения. Автором первого был В. И. Сафронов – признанный авторитет реставрационного дела, многократно подтвердивший этот статус на объектах области, федерации и даже за рубежом. А. М. Денисов, также архитектор-реставратор, в своё время возглавлял специально созданную мастерскую по проектированию храма Христа Спасителя в Москве и был назначен победителем конкурса. Именно его проект более полно удовлетворял как потребностям заказчика (Ярославскую епархию), так и спонсора строительства.

В 2004 г. на месте будущего новодела – Успенского собора начались раскопки. Было найдено более 2000 тыс. различных предметов, характеризующих быт, культуру, ремёсла древних ярославцев.

Символическим началом работ по возрождению Успенского собора можно считать 26 октября 2006 г., когда произошло освящение закладного камня в виде Алексеевского креста XIV века из новгородского Софийского собора. Он был поставлен в честь павших в Куликовской битве (1380 г.) воинов. Этот белый камень (известняк) не теряет цвет и свою прочность со временем. Автором креста является известный ярославский скульптор Е. В. Пасхина.

Подземная часть храма глубиной более 10 метров является собой практически произведённый на этом месте раскоп. Это сопоставимо с высотой четырёхэтажного дома. В подземной части расположен зал соборов на 300 человек со сценой и балконом. Это так называемый верхний подземный этаж. «Нижний» этаж расположен на глубине 9 метров, где находится трапезная и покои архиерея.

Все предыдущие четыре Успенских собора стояли на валунах. Фундамент нового собора покоится на бетонной плите (около 3 тысяч м³ бетона). Всего на подземную часть, кроме плиты, израсходовано более четырёх с половиной тысяч м³ бетона. Кладка стен заняла чуть более года (с марта 2008 г. по май 2009 г.). Толщина наружных стен – от 90 до 130 см, столбов - 295 см.

Купола собора покрыты нитридом титана под матовое золото. Активное использование этого материала началось с середины 1950-х в космической технике, затем в стоматологии (напыление). В середине 1990-х годов им были покрыты главы собора Христа Спасителя в Москве. Этот материал в 4–5 раз дешевле золота и не уступает ему в долговечности. На кресты было затрачено 1 кг сусального золота общей площадью 100 кв. метров. Общая стоимость строительства превысила 20 млн. долл. США.

Для временной звонницы из Свято-Данилова монастыря в Москве возвращены в Ярославль колокола местного производства общим весом 8 т (производства Оловянишникова – 3629 кг и 417 кг, Чарышникова – 2138, Денисова – 1755, Полякова – 211). (Они были изъяты в 1985 г. из действующих храмов Ярославской епархии). Это стало возможным после того, как в Свято-Данилов монастырь были возвращены из Гарвардского университета (США) «родные» колокола этого монастыря, а вместо них в университете осталась их точная копия – новодел.

У инициаторов строительства собора существует огромное желание в ближайшем будущем соорудить соответствующую по высоте колокольню, дополнив существующие колокола новыми.

Новый Успенский собор блестяще повторяет все традиции московского храмового зодчества, не оставляя, впрочем, никакой надежды обнаружить в его архитектуре хоть какие-то черты знаменитого «ярославского стиля», ставшего результатом «золотого века» храмового строительства в Ярославле.

По мнению архитекторов-реставраторов и искусствоведов, новое здание Успенского кафедрального собора «не отвечает габаритам и архитектуре утраченного памятника, искажа-

ет исторически сложившиеся пропорциональные отношения доминант, нарушает исторический силуэт города, его исторические речные панорамы негативно влияет на целостность восприятия исторического центра Ярославля как объекта культурного наследия».

12 сентября 2010 г., в дни празднования 1000-летия Ярославля, произошло торжественное освящение кафедрального Успенского собора Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом.

На Стрелке располагался также архиерейский двор. До XVII века он был деревянным, потом – каменным. Воплощение в камне этого двора связывают с митрополитом Ионой Сысоевичем.

Уроженец нашего края он, приняв постриг, был иноком Угличского Воскресенского монастыря, затем настоятелем Ростовского Белогостицкого монастыря, архимандритом Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. Иона Сысоевич управлял Ростово-Ярославской епархией с 1652 по 1690 г., был сподвижником патриарха Никона, принимал участие в важнейших московских соборах. С августа по декабрь 1664 г. фактически являлся главой русской церкви, став местоблюстителем патриаршьяго престола. Но патриархом он так и не стал, так как, судя по преданию, однажды опальный Никон неожиданно вернулся из ссылки в Москву и явился в Успенский собор на службу. Иона, увидев своего бывшего покровителя, растерялся, принял его благословение и уступил Никону патриаршье место. Когда царь об этом узнал, он немедленно выслал Иону в Ростов митрополитом. Именно в это время и был сооружён архиерейский дом на набережной Волги как парадная резиденция митрополита во время его посещения Ярославля. В XVII–XVIII веках это был большой двухэтажный каменный дом с высоким крыльцом, одноглавой церковью, окруженный садом.

В начале XVIII века Митрополичьи палаты стали местом пребывания во время частых разъездов по епархии Ростово-Ярославского митрополита Димитрия (в миру Туптало). В 1705 году он, например, побывал в городе несколько раз, в том

числе жил здесь летом этого года в течение двух месяцев. Несколько ранее, 24 мая, он освятил только что законченную строительством и росписью церковь, получившую в народе наименование Спасо-Пробоинская, где хранилась чудотворная икона Спаса Нерукотворного, которая в 1612 году избавила Ярославль от морового поветрия. Его проповедь по освящению церкви дала мощный импульс сбору сведений о времени пребывания ополчения под руководством Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина в Ярославле.

Летом 1750 года Федор Волков с товарищами показал здесь ярославцам несколько спектаклей. «Театральные действия» были очень хорошо восприняты ярославцами, начиная от высших слоёв общества – воеводы и его окружения вплоть до рабочих людей ярославских мануфактур. Последние, кстати, даже устраивали меж собою драки с целью доказать, кто лучше подходит для участия в массовых сценах спектаклей, поставленных Ф. Волковым «со товарищи».

Еще об одном событии нельзя не сказать, повествуя об архиерейском дворе: впервые напротив современных Митрополичьих палат был камнем укреплен берег. Известно, что уже в те времена состояние почвы на Стрелке внушало опасение. В частности, в марте 1754 года архиерей Арсений митрополит Ростовский и Ярославский говорил о «повреждении, которое повсеместно бывает от вешней воды, а берег хоть и был обрубиван бревнами, но те обрубы быстро сгнивают, а берег от времени во всякий год от воды повреждается, от чего крайне опасно дабы и к соборной церкви не добралось бы... Впредь надлежит тот берег весь противу дома нашего выложить диким камнем».

В архиерейском доме неоднократно останавливалась Екатерина II. В частности, она находилась здесь с 25 по 28 мая 1763 года, когда были допущены «к руке» все съехавшиеся купцы и дворяне. Вновь она жила здесь с 9 по 13 мая 1767 года. В это время государыня услышала много интересных историй, рассказанных ее приближенными, в том числе и из ярославской жизни. Результатом этого явились пять комедий, которые, как утверждала сама императрица, были написаны ею в Ярославле.

1 апреля 1777 года в этом доме временно поселился первый генерал-губернатор нашего края А. П. Мельгунов. Но вскоре из-за сырости помещений вся семья его заболела. В своём письме митрополиту Самуилу он сообщал: «Никому здесь жить здорово не можно». Поэтому срочно потребовалось договориваться с владельцами льноткацкой мануфактуры Затрапезновыми о выделении наместнику господского дома (того самого, который находится сейчас в руинированном состоянии недалеко от нового планетария). Вскоре, после того, как были сделаны необходимые приготовления и ремонт, здесь жил гражданский губернатор Иван Александрович Заборовский (1777–1781 гг.), которого сменил И. И. Голохвостов (1781–1789 гг.).

В 1803 году, когда встал вопрос об открытии в Ярославле по инициативе П. Г. Демидова высших наук училища, ярославский губернатор М. Голицын сам предложил занять «казённый каменный дом о двух этажах».

В настоящее время в помещении митрополичьих палат располагается отдел древнерусского искусства ярославского художественного музея. Его уникальная коллекция состоит из более двух тысяч памятников, среди которых есть такие шедевры, как икона Спаса Вседержителя XIII века. Именно она, по легенде, была родовым образом ярославских князей Василия и Константина, позднее причисленных к лику святых.

В XIX веке на Стрелке появляется еще одно очень важное для Ярославля сооружение – Демидовское высших наук училище, впоследствии – юридический лицей.

В 1816 году это училище получило свой корпус, который в 1825 году был переделан в связи с устройством в здании домово́й церкви и получил новое оформление в виде коринфских колоннад на всех фасадах. Особенно пышно был задуман фасад со стороны реки Волги с аттиком барочного типа. Глухую ограду училища заменили решеткой со столбами, увенчанными вазами. Вокруг здания разбили сад. В самом корпусе были предусмотрены учебные аудитории, кабинеты, библиотека, помещения для учебных пособий, столовая, зал для торжественных заседаний, обставленный мебелью красного дерева.

Следует отметить, что в Демидовском лицее была собрана одна из лучших библиотек страны по юридическим наукам и издавался единственный в империи юридический журнал. Славился лицей и своим музеем, где хранились значительные раритеты, в частности сюртук А. С. Пушкина, на котором сохранилась пуговица, пробитая пулей Дантеса. Кстати, именно в стенах Демидовского лицея прошла первая панихида во имя великого русского поэта А. С. Пушкина, где впервые было сказано о той громадной утрате, которую понесла российская литература.

В результате июльских событий 1918 года в Ярославле здание было разрушено – и город лишился одного из самых красивых сооружений на Волге.

В 1995 году на Стрелке появилась скульптура Ветхозаветной Троицы, созданная местными мастерами Н. Мухиным и И. Трейвусом. По мнению искусствоведов, это очень смелая попытка осмысления в скульптуре произведения А. Рублева с помощью современных художественных решений. Ярославль оказался «впереди планеты всей», так как Троица «начала новую традицию русского православного искусства».

Ярославль.

Берегъ р. Волги, Стрѣлка, Демидовскій Лицей.

Стрелка. Нач. XX века

Ярославль.

Кафедрал. Соборъ и Демидовскій Лицей на берегу р. Которосли.

№ 123. Изд. Н. Д. Микерина по негат. А. Н. Никаноровой.

Вид на Кафедральный собор со стороны Которосли. Нач. XX века

Ильинско-Тихоновская церковь. Фото 1910 г.

г. Ярославль. Кафедральный Успенский собор и Демидовский Лицей.

Успенский кафедральный собор. Нач. XX века

Митрополичьи палаты. Фото 1890-1900-х гг.

Демидовский юридический лицей. Нач. XX века

Демидовский лицей на Стрелке. Гравюра

Ильинско-Тихоновская церковь и церковь Иоанна Златоуста в Кремле. Открытка нач. XX века

Глава III

Волжская набережная

Издавна центр Ярославля выходил к Волге. Уже в XVI–XVII веках здесь были купеческие пристани, производившие погрузку, разгрузку и перегрузку приходящих и уходящих товаров по реке. Но высокий берег еще не был обжит богатыми горожанами. Да и нельзя было строить добротные здания на земле, изрезанной многочисленными большими и малыми оврагами, ухабами и рытвинами.

В конце XVIII – начале XIX века Ярославль, выходя из средневековья, быстрыми темпами застраивался. Наряду со строительством новых каменных зданий он освобождался от древних оборонительных сооружений – крепостных башен, валов и рвов. Стала свободной от них и набережная реки Волги. Но состояние берега вызывало большие опасения, в связи с чем возникла необходимость его укрепления.

20 августа 1823 года в Ярославле побывал император Александр I, который обратил свое внимание и на неустроенность набережной. В результате 27 сентября в адрес губернатора А. А. Безобразова было получено извещение: «Государь император при личном обозрении города, удостоверяясь в необходимости укрепить берега (Волги и Которосли. – Прим. автора), дабы предотвратить на будущее время могущий последовать вред строениям от ежегодного размывтия тех берегов силою воды и напоров льда, и повелев министру финансов осигновать на сей предмет 200 тысяч рублей...». В Ярославль был командирован «один из способнейших инженерных офицеров» – инженер-майор Гермес для разработки проекта и сметы. Предполагалось укрепить берега Волги и Которосли на 1238 погонных сажений (1070 и 168 соответственно).

Проект был утвержден Государем 24 июня 1824 года, и началось обустройство берега и набережной Волги. Приходящие в Ярославль по Волге для торговли своими товарами купцы должны были привозить определенное количество (1/4 сажени) камня – от огромных валунов до небольших по размеру, а также бута и песка. На строительстве работали заключенные из «коров-

ницких арестантских рот» из смирительного и работного домов – по 150 человек ежедневно, бесплатно, даже «без харчей».

Использование труда данной категорией людей всегда было довольно распространённым явлением. Однако, если раньше их выводили на работы в ножных кандалах и с полуобритыми головами, то с этого времени многое изменилось. В 1824 году А. А. Безобразов запретил применять кандалы ко всем без исключения арестантам, которые используются в публичных работах. Они насыпали землей овраги, выравнивали откосы, сажали деревья, клали дерн, укладывали камень. Самым сложным было уложить каменные валуны у подножья набережной, чтобы защитить ее от оползания, препятствовать подмыву ее вешними водами, когда уровень воды поднимался до откоса набережной. Для укрепления откосов были высажены липы. Прогулочную дорожку от откоса сначала ограждала деревянная ограда – решетка. В 1840-х годах она была частично заменена на чугунную, которую в дар городу поставили знаменитые «железные короли» России – купцы Пастуховы. В эти же годы были заменены на каменные деревянные беседки, которые располагались напротив дома губернатора (ныне – Ярославский художественный музей) и у Мякушкинского спуска – «круглая», или «храм дружбы на холме». В первой половине XIX века на спусках к Волге были перекинuty 3 каменных моста.

Ярославцы и гости города сразу полюбили свою набережную, которая стала основным местом прогулок и отдыха. В 1849 году прогуливался по ней и драматург А. Н. Островский. В своем дневнике он написал: «Набережная на Волге уж куда как хороша».

К сожалению, то заботливое отношение к содержанию набережной, которое было характерно для городских властей в первые годы ее существования, позже изменилось на почти полное равнодушие к ее состоянию, и как следствие - к концу 1860-х годов она пришла в полное запустение, особенно от Волжской башни до Стрелки и по Которосли. Полотно набережной вытопталось и размылось дождями: на нем стояли лужи, грязь и росла трава. Решетка сгнила и обвалилась. Многие деревья подсохли и упали, откос зарос крапивой и лопухами. Во многих местах дерн был ободран и промыт дождевыми ручьями, а также вытоптан людьми, спускавшимися к Волге где попало в связи с отсутствием лестниц. Была повреждена водами и нижняя каменная облицовка

набережной. Вместо публики по набережной и откосам разгуливали обывательские коровы, лошади и козы. На открытых солнцу местах отдыхали на лоне природы «зимогоры», целыми десятками почивая сном праведников на густой траве в самых различных позах. Особенно портили вид всякие хибарки, сараи, амбары и сторожки, построенные внизу у каменной облицовки.

«Стрелка» служила главным образом дровяною пристанью и приютом «зимогоров», или «будиловцев», т. е. бездомной, бесприютной части населения Ярославля, жертв и рабов всеильного хмеля, промышляющей «крючной» работой (грузчики). Пока Волга не «станет», они живут еще сносно, а с их точки зрения, еще хорошо, так как работы много. Значит, выпивка и «харчи» обеспечены, а больше ничего и не требуется: ложе – земля, кровля – раскидистая ива, рогожный намет, соломенный шалаш или опрокинутая лодка. Костер – «тепльнь» довершает комфорт. Но зимою этому «сословию» приходится плохо. Безработица заставляет красть и бегать целыми вереницами по домам и лавкам «благодетелей», раздающих хлеб, булки и копейки. В крайнем случае они намеренно сажались в тюрьму, совершив перед этим какое-либо не столь тяжкое нарушение общественного порядка. Свое название «будиловцы» этот народ получил от трактира, бывшего на месте пристроенного к гостинице «Столбы» крыла, содержавшегося купцом Будиловым. Он с большой охотой привечал эту братию и нажил на них немалые деньги. Будилов умел обращаться и ладить с этим людом, умел угодить ему. Его любили и почитали чуть не за благодетеля. В свою очередь, и он не имел причин жаловаться на своих посетителей.

«Будиловец», «зимогор», «золоторотец», «босяк» или «ратник босой команды», «золотой роты» – все это различные названия одного и того же сорта людей, составлявших неизбежную принадлежность крупных приволжских городов и весьма своеобразный, особый, во многом любопытный мир. Это то «дно», с представителями которого познакомили нас Максим Горький и Владимир Гиляровский.

В мире «зимогории» крайнее падение и озверение нередко уживались с проявлениями удивительно трогательной, чудно наивной нежности, доброты непостижимой.

Очень часто в этом отверженном мире приходилось слышать и суровую, как судьба, беспощадную трезвую правду, и неподкупный неумолимый приговор и наблюдать рождение удивительно ярких идей и мыслей. Но в целом мир «будиловщины» – это страшный мир. Особенно жесток и безжалостен он был к женщине, непостижимым образом ухитрявшейся найти нечто привлекательное даже здесь. Правда, «будиловские» дамы тоже со «дна», но не все они были отребьем или отбросами, попадались среди них, очень часто, порядочные и с виду приличные и симпатичные представительницы женского пола. Сам «зимогор» рассматривал женщину как нечто крайне презренное и подлое. Обращение типа «стерва», «змея», «гадина», «шкура» – вот то, что чаще всего слышала от своего «кота» подруга «зимогора», несмотря на всю глубину своего падения, все же еще не совсем утратившая «подобие божье» и «душу живу».

В 1950–60 годах на открытой веранде против губернаторского дома по праздникам и выходным дням играл духовой оркестр, который завлекал отдыхающих на танцплощадку. На газонах набережной высаживались цветы, особенно много их было летом 1960-го года, когда город отмечал свое 950-летие. Весь город, скверы и бульвары утопали в море цветов. По свидетельству современников, такого их изобилия больше никогда не было в городе, даже в праздники. пляж, располагавшийся у «подошвы» крутой набережной, занимал песчаную полосу, протянувшуюся по всему берегу Волги. Ширина этой полосы была примерно 15-20 метров и имела небольшой наклон в сторону воды. Именно сюда и привозили песок с нижнего острова. Таким образом и был устроен новый волжский пляж.

В 1956 году, когда вошла в строй Горьковская ГЭС, уровень воды в Волге поднялся почти на 2,5 метра. В результате старый пляж оказался полностью под водой, а волнами стало подмывать валуны каменного защитного пояса. В нескольких местах огромные камни начали проседать. Возникла непосредственная угроза «сползания» набережной. В начале 1960-х годов началось сооружение так называемой «нижней» набережной. Сейчас многие думают, что ее возвели как дополнительную прогулочную дорожку. Однако это не соответствует дейс-

твительности: эта набережная не случайно была построена из бетона, бетонных плит и блоков. Это нужно было для того, чтобы сдерживать силу волжских волн, разрушающих берега.

Что касается городского пляжа на Которосли (на мысу), то он возник стихийно. Еще в 1950-е годы здесь планировалось сооружение городского парка. Официальный городской пляж был устроен на огромной косе внизу Стрелки. Но в 1980-м году по указанию первого секретаря Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенкова пляж был ликвидирован и превращен в сквер с цвето-музыкальными фонтанами. В настоящее время здесь располагаются благоустроенные газоны, клумбы, где разноцветными живыми цветами выкладываются памятные дни, даты, символы Ярославля.

Одним из первых зданий бывшего Земляного города, расположенного на территории торговой площади (ранее она соединяла берега Волги и Которосли по его границе), является «дом Андрея Болконского» (дом №7). История появления этого топонима такова. В своем романе «Война и мир» Л. Н. Толстой рассказывает о последней встрече своих главных героев — Наташи Ростовой и Андрея Болконского, тяжело раненного в Бородинском сражении. Помещение своего любимого героя на лечение в Ярославль было совсем не случайным. Наш город, как ближайший тыл к Москве, стал официальным главным военным госпиталем как для рядового, так и офицерского состава. Многие общественные и частные дома были превращены в места излечения раненых, причем, как правило, тяжело. Как известно, знаменитый писатель, работая над этим романом, создал по несколько вариантов отдельных сюжетных линий. Так, например, он первоначально поместил легко раненного Андрея Болконского в один из госпиталей Нижнего Новгорода (где, кстати, также находилось на излечении много раненых). Здесь герой вскоре выздоравливает и снова оказывается на полях сражений. Но в Ярославле лечились, как уже говорилось, тяжело раненные. Некоторые из них, выздоровев, уже не могли возвратиться в действующую армию, другие умирали от ран. По-видимому, считая сюжетную линию своего героя исчерпанной, Л. Н. Толстой «убивает» здесь, в Ярославле, Андрея Болконского, причем указыва-

ет место, где тот умирает: в доме купца Бронникова, что был расположен на площади близ Волги – «не далече, над самой над Волгой».

Известно, что в Ярославль на излечение был привезен тяжело раненный при Бородино один из братьев Тучковых— Николай— «генерал-лейтенант и разных орденов кавалер». Доставил его сюда брат Алексей (третий брат, Александр, погиб в Бородинском сражении). Лечился он, по данным еще дореволюционных краеведов, в больнице Толгского монастыря. Но рана была слишком тяжелой, он скончался и был похоронен в подклете Спасской церкви монастыря, о чем свидетельствует мемориальная доска.

Л. Н. Толстой никогда не бывал в Ярославле, но мог знать об этой истории по крайней мере из двух источников. Один из них — воспоминания дочери московского генерал-губернатора Ф. В. Растопчина — Н. Ф. Растопчиной. Эта семья жила в Ярославле во время эвакуации из Москвы, и автор безусловно знала, где располагались военные госпитали и о лечившихся там офицерах. Существует также версия, что сведения эти были получены как семейное предание. Дело в том, что Тучковы по женской линии приходились дальними родственниками Л. Н. Толстому, а информация о выдающихся родственниках подолгу сохранялась в дворянских семьях.

На пересечении набережной с ул. Революционной стоит здание (дом № 11), которое в начале XX века получило название «глазная лечебница». Она была построена на средства благотворителей в 1901–1903 годах, по проекту модного тогда архитектора Александра Никифорова, по инициативе ярославского врача Ивана Николаевича Кацаурова (1855–1914 гг.). Эта больница пользовалась огромной популярностью не только в городе и губернии, но и по всей России из-за очень высокого уровня квалификации врачей, особенно И. Н. Кацаурова. Славилась она и бесплатной помощью неимущим.

Иван Николаевич получил заслуженную не только российскую, но и европейскую известность как врач-офтальмолог. Именно он вылечил императрицу от глазной болезни, от которой не смогли излечить звезды ни российской, ни европейской оф-

тальмологии (применил местную анестезию при проведении операции на глазах).

За это ему было предложено стать личным врачом Двора Его Императорского Величества и остаться в Петербурге. Это было очень лестное предложение, от которого мало кто мог отказаться. Но Иван Николаевич, сославшись на то, что в Ярославле его ждут больные, причем не только местные, но и приезжие, отклонил это предложение. В то же время он выразил готовность в случае необходимости немедленно оказать врачебную помощь Двору. Ярославцы, узнав об этом из газет, заочно приготовились расстаться с выдающимся доктором. Поэтому, прослышав о возвращении Ивана Николаевича, чуть не на руках несли его от Московского вокзала до набережной, где он практиковал.

25 ноября 1905 года в Ярославле было открыто отделение «Союза русского народа», главой которого стал И. Н. Кацауров, на этом настаивали многие именитые его члены. Это привело, с одной стороны, к утверждению И. Н. Кацаурова как лидера ярославского отделения этой партии, с другой — к охлаждению во взаимоотношениях с коллегами и либеральной интеллигенцией города, сочувствовавшей, как правило, кадетам и, отчасти, представителям левых партий — социал-демократам и социалистам-революционерам.

После установления Советской власти профиль больницы был изменён. Вплоть до последнего времени (до 2010 г.) здесь находилось гинекологическое отделение больницы № 1. К сожалению, в настоящее время (2012 г.) судьба этого здания находится под угрозой, так как современные нувориши, выкупившие несколько домов, в том числе и этот на Волжской набережной, обустривают их на свой изощрённый вкус. В частности, этот дом надстраивается мансардой, совершенно не подходящей ни по стилю, ни по материалам имеющейся застройке.

Дом № 15 на Волжской набережной больше известен как «Дом общества врачей». Ярославское общество врачей было образовано в 1861 году – одним из первых в российской провинции. В этом году в Ярославле 18 медиков учредили общество врачей, которые выступали за бесплатную медицинскую помощь малоимущим Ярославля. На средства местного купечества был

разработан проект бесплатной лечебницы, для реализации которого ярославский купец и промышленник Н. П. Пастухов пожертвовал 500 рублей серебром. Вслед за ним откликнулись и другие ярославские купцы – П. И. Кузнецов, А. И. Трунов, И. А. Соболевский. Она являлась второй бесплатной лечебницей в России, где больные всех званий и сословий могли получить врачебный совет и помощь (первая открыта в 1850 г. в Петербурге), и единственная в провинции. По месту расположения лечебницу стали называть Волжской. Здесь каждый бедняк мог рассчитывать на внимание и помощь, так как ежедневно с 11 утра и до часу дня в лечебнице дежурили два врача. Для него построили новое здание, но на старом подклете дома еще XVII века, о чем свидетельствует необычная для стиля второй половины XIX века нижняя часть здания. Члены общества оказывали бесплатную помощь жителям города и губернии и за умеренную плату – соседних регионов. В конце XIX – начале XX века благотворительность была в моде и самые лучшие врачи всех специальностей считали своей прямой обязанностью «служить» даже бесплатно для излечения неимущих слоев населения. В начале XX века был построен родильный дом, где помощь оказывалась на тех же основаниях, причем, по свидетельствам современников, доверяя высокой квалификации работавших там врачей, нередко приходили сюда лечиться состоятельные женщины, а знатные дамы именно здесь рожали своих детей.

Кстати, по международным стандартам родовспомогательное заведение может помещаться в одном и том же здании только до 10–15 лет, так как в его стенах накапливаются микробы, которых нельзя полностью вывести, даже путем частого ремонта. Известно, что организм роженицы и новорожденного является наиболее уязвимым для проникновения болезнетворных микробов. Поэтому по истечении данного срока эти здания или перепрофилируются под офисы, где человек находится не более 8–9 часов, или, в случае серьезной инфицированности, «приговариваются» к сносу, так как никакая, даже самая квалифицированная помощь не спасет от возможности заражения. А мы гордились тем, что столь интересное как с архитектурной, так и исторической точки зрения здание в течение длительного времени имело прежнюю функциональную направленность.

Дом № 17, пышно декорированный лепным орнаментом (чем славилась ярославские лепщики по всей России, вплоть до столиц), принадлежал крупному фабриканту – владельцу кондитерской фабрики в Ярославле (на современной улице Нахимсона) В. Я. Кузнецову. В советский период здесь находилось глазное отделение больницы № 1 (по-видимому, по устоявшейся уже традиции).

С 1985 года в этом здании находится Музей истории города Ярославля, в экспозиции которого представлена тысячелетняя история нашего города. Но музей активно выходит за рамки классического собрания древностей. Здесь устраиваются торжественные приемы, выставки, конференции, театрализованные представления, вечера, детские праздники и многое другое. Это делает музей не только доступным, но и «родным», «близким» для его посетителей, участников различных мероприятий.

Губернаторский дом в Ярославле неоднократно был охвачен пребыванием в нем августейших особ. Государя императоры, великие князья и сопровождавшая их многочисленная свита останавливались здесь отнюдь не только на отдых в пути следования. Время, проведенное в Ярославле, включающее в себя приемы, балы, светские рауты, салонные беседы, встречи с представителями разных сословий, ведение дневников и переписку, являлось вовсе не заполнением паузы между делами, а особой деятельностью, позволяющей лучше познакомиться с губернией и людьми. Немногочисленные сохранившиеся архивные документы и воспоминания современников позволили нам в общих чертах представить себе дом ярославского губернатора в роли императорского дворца. Местный краевед Д. И. Серебряников в 40-х гг. XIX века писал об этом так: «По приезду самого государя или высочайших фамилий оный дом готов бывает всегда».

Проблема строительства дворца для губернатора начинается активно подниматься с начала XIX века. С 1777 года ярославские губернаторы с небольшими перерывами жили на Которосльной набережной в слободе Киселюха, в явно непригодном для первых лиц губернии помещениях. Сейчас на этой территории располагаются здания естественно-географического и исторического факультетов ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Впервые вопрос о строительстве нового губернаторского дворца рассматривался как часть застройки Ильинской (Советской) площади. При этом предполагалось фасад дворца обратить в сторону площади, а позади него разбить сад, выходящий на Волжскую набережную. Но вскоре планы строительства дворца губернатора изменились, и было принято решение о возведении его на Волжской набережной с фасадом, обращённым к Ильинской площади. Для этого имелось несколько причин. Во-первых, к этому времени, т. е. к концу 1810-х годов, берег Волги представлял совершенно необустроенную, изобилующую оврагами, буераками и другими складками местность, которую весьма активно обустроили под своё жильё деклассированные элементы общества. Поэтому для того, чтобы построить дворец губернатора фасадом на Волгу, необходимо было сначала провести берегоукрепительные работы, выровнять саму набережную и тем самым избавиться от «зимогоров» и «будиловцев». Во-вторых, в 1767 г. на этом самом месте располагались дом и шёлковая фабрика купца Холщевникова, который был удостоен чести устроить торжественный обед для государыни-императрицы. По отзывам самой Екатерины II и дом, и место, а главное вид на Волгу, ей очень понравились, как и торжественная встреча, оказанная ярославцами на пути её следования от Митрополичьих палат, где она остановилась, до дома фабриканта Холщевникова, где в честь неё был устроен торжественный приём. Среди причин выбора именно этого места под губернаторский дом можно отметить и такие, как сравнительно небольшой подмыв берега в этом месте водами реки Волги, относительная прочность грунта, срединное, т. е. равноудалённое от Стрелки до Казанского (Первомайского) бульвара место и другие.

Строительство новой резиденции для гражданского губернатора А.М. Безобразова по проекту местного архитектора П.Я. Панькова было приурочено к встрече в августе 1823 года Александра I, который, обозревая внутренние области империи, «изволил осчастливить своим прибытием губернский город Ярославль». Ритуал приема Их Величеств ярославским губернатором неизменно включал в себя обязательные мероприятия. До самого дворца царственные путешественники следовали «при торжественном колокольном звоне всех церквей города и при

непрерывном восклицании многих тысяч народа». Город заранее был великолепно иллюминирован, и губернаторский дом, убранный деревьями и цветами, «уподоблялся прекрасному саду». У подъезда резиденции губернатор подавал Государю императору всеподданнейший рапорт о состоянии губернии. На следующий день с утра в парадном зале дворца проходило представление Его Величеству чиновников губернских присутственных мест, влиятельных дворян и городских голов губернии. По заведенному старинному обычаю купечество преподносило государю хлеб-соль и огромного осетра «за здравие и благоденствие Государя императора и Государыни императрицы». В то же самое время на набережной перед дворцом огромная толпа собравшихся исполняла народный гимн.

Сюда же народ стекался и в дни бедствий. Когда Ярославль достигла весть о начале первой мировой войны, люди собрались перед домом губернатора. Вот как об этом вспоминает дочь губернатора Д. Н. Татищева Ирина Дмитриевна: «Очень часто по вечерам мы слышали, как у дома множество мужских голосов пели национальный гимн. Люди приходили, пели и ждали, когда отец выйдет к ним на балкон и поговорит с ними, потом начинались громкие восклицания и опять гимн».

Последний раз августейших гостей Ярославль встречал в мае 1913 года в связи с празднованием 300-летия дома Романовых, но Николай II в тот приезд не останавливался в Губернаторском доме. Императорская семья провела ночь на своем судне.

Во времена губернаторства К. М. Полторацкого (1830-е годы) была обустроена «находящаяся на набережной против казённого дома площадка и при ней лестница для схода на Волгу».

В 1840-е годы широко практикуется летнее катание на лодках напротив дома губернатора. В 1847 г. были впервые устроены общественные купальни, в том числе и одна из них у губернаторского дома в районе лодочной станции. Центральная купальня являла собой невысокое деревянное сооружение с полотноной крышей, отделанной по краю бахромой и лентами. Внутри находилась комната для переодевания на одного человека с вешалкой для одежды и зеркалом, а также местами для отдыха, оборудованными столиком из орехового дерева, дивана и

плетёными стульями. По отзывам современников, это было особенностью ярославской Волжской набережной.

Парк за домом губернатора первоначально не имел существенного значения как место для отдыха, «променада» и дружеского общения. Дело дошло до того, что к 70-м годам XIX века он оказался запущенным, а деревья и кустарники полузасохшими. Всё это привело к загущению посадок, особенно около стен дворца и каменной изгороди, что привело к появлению сырости. Штукатурка со стен дома и каменного забора начала сыпаться, а сами стены покрываться плесенью. Только в 80-е годы XIX века парк вновь обустроили, сделав его пригодным для массовых гуляний, особенно в праздничные дни. Становятся традицией благотворительные продажи с устройством богатых по ассортименту буфетов, где можно было купить вино, ликёры, закуски (икра, балык, сыр, колбаса), чай с лимоном, кофе со сливками, кондитерские изделия, мороженое. В такие дни доход от входной платы в парк и буфетов достигал трёхсот рублей. Эти средства направлялись целевым назначением для помощи тем, для кого проводились эти благотворительные мероприятия.

В течение XIX века дом губернатора неоднократно подвергался ремонту от мелкого косметического до серьёзного капитального. Его архитектор и строитель П. Я. Паньков не имел профессионального образования, хотя и одарён был от природы. Эта нехватка базового образования привела к тому, что были сокращены и удешевлены сметы на строительство фундамента, «сделанного не должным образом – не на извести, а на мусоре», на благоустройство территории. Всё это приводило к тому, что каждые 8–10 лет требовались различные виды ремонтных работ по содержанию здания в должном виде.

После октябрьского переворота 1917 года губернаторская резиденция была переименована в Дом народа. С 1928 года здесь располагался уездный исполком. В 1929 года здание было передано конвойному батальону НКВД. Усадебный сад приспособили для хранения дров, а во флигеле разместили овчарни. С 1936 года в доме находилась партшкола, а затем, в 1960-е годы, — технологический институт.

Новый расцвет Губернаторской усадьбы как культурного и общественно значимого центра пришёлся на последнюю треть

XX века. Передача Ярославскому художественному музею основного дома, а позже и сада, позволила не только провести комплексную научную реконструкцию усадьбы, но и значительно расширить ее эстетические функции. В бывшем Губернаторском доме разместились ретроспективные экспозиции отечественного искусства XVIII–XX вв., а в саду была построена экспозиция современной пластики. Наконец, восстановленная старинная усадьба соединила на своей территории различные виды искусств – архитектуру, садово-парковое и изобразительное искусство, музыку, театр, танец.

Музей стал настоящим храмом культуры. Его коллекция одна из богатейших в российской провинции, насчитывает более семидесяти тысяч произведений русской живописи XVIII–XXI вв. Гордостью собрания является произведение ярославской школы иконописи, провинциальный портрет, эталонные полотна мастеров русского авангарда. В музее широко представлена классика отечественной живописи, в том числе полотна Д. Левицкого, К. Брюллова, А. Мокрицкого, В. Перова, И. Крамского, И. Репина. Музей ежегодно устраивает за счёт своих фондов до пятидесяти выставок как в России, так и за рубежом, давая возможность широкой публике ознакомиться со своими сокровищами.

Кроме того, политические реформы этих лет вызвали изменения и в административной системе управления областью. Вновь была введена должность губернатора, упраздненная в 1917 году, что повлекло за собой возвращение Губернаторской усадьбе парадно-представительского статуса. Она становится местом проведения торжественных приемов, чествований, презентаций и др.

В декабре 2001 года внутри основной музейной экспозиции был воссоздан кабинет-библиотека губернатора. Центральное место занял портрет первого хозяина кабинета – ярославского губернатора Александра Михайловича Безобразова, написанный петербургским художником О.Тимашевским. Здесь поместили и губернаторский знак, атрибут современного инаугурационного ритуала. Сейчас в кабинете представлена выставка старинных открыток из личной коллекции экс-губернатора А. И. Лисицына. Действующий губернатор – С. Ястребов – проводит в

нем официальные и неформальные встречи лиц высокого ранга. Таким образом, Ярославский художественный музей сегодня является не только одним из центров культурной жизни Ярославля, но и представительской резиденцией губернатора. Такое своеобразное поддержание традиций ушедшего прошлого и новые формы освоения старинной усадьбы позволили не только соединить несколько веков и культур, но и овесть дух истории.

Сейчас в музее ведутся серьезные ремонтно-реставрационные работы. Завершена реконструкция бельведера и аттика на крыше здания, лепного декора на фасаде со стороны Волжской набережной, восстановлена кованая решетка ограды сада. Губернаторскому дому, принимавшему в своих стенах всех представителей дома Романовых – от Александра I до Николая II – и с гордостью именовавшегося ярославцами «Императорским дворцом для приезду», возвращается былое великолепие.

Рядом с художественным музеем находится церковь Николая Надеина (Николая Чудотворца); правда, сейчас она скрыта от глаз проходящих по набережной домом советской постройки (1937) №–2/25. Сделано это было, по-видимому, не случайно: в это время активно велась борьба с религией, и, чтобы её символ не «искажал» вид набережной советского города, было принято решение «упрятать» ее в дворовое пространство. А между прочим, эта церковь является первым каменным приходским храмом Ярославля (1620–1622). Ее заказчиком был «государев гость» Епифаний Андреевич Светешников, по прозвищу Надея (вероятно, по его исключительной надежности в делах). Он выдвинулся в 1612 году, во время нахождения в городе ополчения Минина и Пожарского, о чем свидетельствует его подпись под воззванием кн. Пожарского от 7 апреля 1612 года, обращенным к населению России, по сбору средств на формирование ополчения. Первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович, избранием на престол которого закончилось Смутное время, пожаловал ему за заслуги перед отечеством титул «гостя» — высшее звание в иерархии торговых людей Московского государства того времени. Он был одним из наиболее зажиточных жителей не только Ярославля, но и страны, управлял по поручению молодого царя медеплавильным заводом на Каме, был крупней-

шим агентом по закупке товаров для царского обихода (иностранных товаров, сахара), крупнейшим скупщиком пушнины в Восточной Сибири, владельцем лавок в Москве и других городах русского государства, деревень в Ярославском крае, владел соляными промыслами... Он пользовался расположением и покровительством патриарха Филарета (отца царя).

«Дело» Светешникова рухнуло в одночасье: в 1644 году он не смог вовремя расплатиться с казной за взятую в долг пушнину «на реализацию». Это стоило сначала его моральной, а потом и физической смерти. По законам того времени, которые не делали никаких исключений и поблажек, за долги он был «поставлен на правеж» (когда должника ежедневно, кроме праздников, привязав к столбу, били в течение нескольких часов в день по ногам). В соответствии с законом, при долге в 100 рублей должник находился на «правеже» один месяц и пропорционально долгу дальше. Так и умер Надея Светешников на «правеже» (долг впоследствии вернул его сын).

Построенная им церковь стала символом возрождения города после Смутного времени, когда Ярославль являл собой после страшных лет разрухи и голода вид разоренного, выгоревшего и опустевшего города. Она воплотила в себя многое из того, что впоследствии стало называться «ярославским стилем» в архитектуре, сформировавшимся в XVII веке. В XVIII веке прихожанами церкви была семья ярославского купца Полушкина, отчима Федора Волкова, жившего неподалеку. По преданию, Федор был автором рисунка и, возможно, участвовал в изготовлении пышного Надеинского иконостаса. Таланты первого российского актера были общеизвестны. Так, например, и Фонвизин, и Новиков отмечали, что создатель русского театра был человеком «редких дарований, изрядным стихотворцем, хорошим живописцем и посредственным скульптором». Царские врата иконостаса храма очень напоминают пышный театральный занавес.

В советское время здесь стараниями сотрудников краеведческого музея нашли свое временное пристанище мощи ярославских святых – кн. Федора и его сыновей Давида и Константина, изъятые из Спасского монастыря, где они находились с XV века. Очевидцы утверждают, что они (мощи) сохранились уди-

вительно хорошо, несмотря на отсутствие каких-либо условий содержания (у стены, в жар и холод), за исключением тех мест, которые соприкасались со штукатуркой (суставы даже сохранили свою подвижность).

Позднее они были переданы православной церкви и находятся сейчас в Федоровском кафедральном соборе.

Далее по набережной находится небольшое и не очень выразительное здание (дом № 27), но оно является свидетелем многих интересных событий XVIII, XIX и XX веков. Дом находился в усадьбе купца Мякушкина и был выкуплен городскими властями у его наследников в 1742 году. Установлено, что дом был частью каменных палат сосланного в Ярославль герцога Бирона с семьей, где он находился с 1742 по 1761 гг. Позднее здесь располагался острог (тюремное заведение), а затем полицейское управление центральной части города. В начале XX века здесь находилось городское училище. После революции здание было отдано под школу им. В. И. Ленина. Учащимся этой школы в мае 1930-го года один из самых популярных писателей того времени А.С. Серафимович читал отрывки из своего знаменитого романа «Железный поток», провел беседу «Как я стал писателем». В феврале 1941 года он прочитал лекцию о путях развития советской литературы ярославским учителям. В настоящее время здесь расположен департамент образования мэрии города Ярославля.

А рядом на Волжской набережной стоит один из символов г. Ярославля, беседка, единственная сохранившаяся с XIX века. Удивительно, но еще до революции она прозывалась «храмом дружбы и любви», а сейчас является обязательным местом, где любят фотографироваться молодожены. (К сожалению, ее иногда называют губернаторской беседкой, уточняя, что первое лицо губернии «любил пить здесь чай»). На самом деле та беседка располагалась неподалеку от дома губернатора и частично сохранилась сейчас в виде площадки над откосом набережной, где в праздничные дни по давно устоявшейся традиции играет духовой оркестр).

От беседки вниз по откосу тянется Мякушкин спуск, игравший в прошлом важную роль одного из путей транспор-

ровки товаров на торговые пристани, располагавшиеся непосредственно на берегу Волги.

Недалеко от церкви Николы Надеина стоит одноэтажное здание, выходящее своим торцом на набережную (№ 29). Предположительно, это одно из сохранившихся строений, возведенных еще в XVIII веке (до регулярной планировки города) под шелковую мануфактуру купца Качурова. Она работала на основе «вольного найма» и выпускала кружева разных сортов, платки, ленты, шелковые ткани. В середине XIX века оно было перестроено в стиле того времени – позднего классицизма.

Дом № 31 по набережной, выстроенный в стиле провинциального классицизма, чаще всего называют «домом Дедюлина». В действительности городской дом Дедюлиных, позднее Ольгинский приют, располагался на Дворянской улице (пр. Октября, № 11), позднее перестроенный и расширенный. Этот же дом, возможно, был выделен городом под квартиру Якову Ивановичу Дедюлину, когда он был назначен начальником ярославского ополчения в грозном для страны 1812 году. В него вошли как дворяне губернии (офицерский состав), так и простые жители, в основном помещичьи крестьяне, которые набирались в ополчение в пропорции 1 из 25. Всего в ополчение было призвано около 11,5 тысяч человек. Население губернии собрало деньгами и вещами сумму около 820 тысяч рублей на его содержание. Ополчение считалось «второй оградой Родины» (первой была армия). Ярославское ополчение не участвовало в крупных сражениях Отечественной войны на территории России (кроме блокады войск Наполеона в Москве осенью 1812 года). В заграничном походе ярославцы вместе с ополченцами других губерний участвовали в осаде гарнизона города Данциг (ныне город Гданьск в Польше) и крепости Ландау (в Пруссии). Ярославцы проявили свойственную им смекалку и находчивость, участвуя в вылазках по добыче «языков», других операциях. За это немало их было отмечено государственными наградами, повышением в званиях. После окончания войны по распоряжению императора все ополчения были распущены по домам. В Ярославль местное ополчение прибыло существенно поредевшим, потеряв до половины своего состава, большей частью по болезни.

Дом № 33А, выстроенный из красного кирпича и стилизованный под старину, не представляет исторической ценности как «новодел», тем не менее нельзя не отметить, что здесь располагается один из первых частных музеев в России – музей «Музыка и время». Джон Мостославский, его владелец, в прошлом артист ярославской филармонии, – страстный коллекционер, долгое время собиравший коллекцию старинных музыкальных инструментов, колокольчиков, часов, икон, предметов прикладного искусства. В ноябре 1993 г. бывший профессиональный иллюзионист открыл музей «Музыка и время». Его основатель ещё с детства увлекался сначала коллекционированием подков, в надежде найти серебряную и даже золотую, а потом с 9-ти лет колокольчиками. Нынешняя коллекция насчитывает более тысячи колокольцев и бубенцов. Есть здесь и валдайские, и касимовские, и павловские, и пурехские производства начала XIX – начала XX веков.

Коллекции Джона Мостославского во многом носят уникальный характер. Среди них есть музыкальные инструменты – роялино из Франции, клавикорды из Англии, механическое пианино из Германии. Есть здесь граммофонные и патефонные записи знаменитых исполнителей прошлого – Ф. Шаляпина, Л. Собинова, Э. Карузо, А. Пертиле – всего около пятнадцати тысяч пластинок, которые здесь же и проигрываются. А коллекция часов XIX – XX веков вообще носит уникальный характер. Среди них есть настенные, напольные, настольные, каминные, каретные и карманные. Их авторами являются, в том числе, знаменитые часовых дел мастера – Г. Беккер, П. Буре, Мозер. Удивительно то, что все эти экспонаты находятся в рабочем состоянии: ходят, тикают, бьют, звонят и даже поют. Особую гордость коллекционера являет собой собрание золотофонных икон конца XIX – начала XX веков, которого, по собственному признанию владельца, нет ни в одном музее России. Кроме того, в музее представлены старинные утюги, самовары, каслинское литьё, разнообразные фарфоровые фигурки. К этому надо добавить, что стоимость входного билета является чисто символической. Ярославль и гости города с удовольствием посещают этот музей, в том числе поддерживают его традиции. Так, например, ярославские молодожёны прямо из ЗАГСа едут в этот музей, чтобы

участвовать в обряде «хомутания жениха». Сам музей расположен на территории восстановленной усадьбы купцов Вахромеевых. В одном из флигелей с 2007 г. открыт концертный зал на 150 мест с органом, специально изготовленным для этого в Германии.

Ни одно повествование о Волжской набережной не минует историю об удивительной церкви Рождества Христова. Она, как и церковь Николы Надеина, загорожена от набережной высоким, но не имеющим никаких достоинств домом советской постройки (№35). Заказчиками этой церкви были именитые ярославские купцы Гурий и Анкиндин Назарьевы, которые начали ее строительство еще в 1636 году, а закончили – уже сыновья Гурия Михаил, Андрей и Иван – в 1644 г.

В суровые годы Смутного времени Гурий Назарьев и его брат Анкиндин мужественно защищали интересы Московского государства. Они помогали не только деньгами в борьбе против польских захватчиков и примкнувших к ним казаков, но и сами сражались в ополчении. Уже в 1608 году, вскоре после того, как Ярославль был сдан полякам без боя за 30 000 рублей серебром и поставки одной тысячи вооруженных конников в Тушино, Назарьевы, как и другие ярославцы, хлебом-солью встретили пришедший в город отряд пана Лисовского, а ночью «по дворам пьяных побили» (пожгли). Но не всех. Спасшиеся обратились за подмогой, и жесткий режим управления городом и округой был восстановлен.

Весной 1609 года Ярославль был освобожден вологодским ополчением под предводительством воеводы Никиты Вышеславцева. Попытка поляков вновь захватить город закончилась неудачно. В числе ратников, защищавших Ярославль, был и Анкиндин, который за мужество и героизм, проявленные при отражении нападения поляков, получил прозвище Дружина. В это время в деревянной церкви Рождества Христова, расположенной на подворье купцов Назарьевых, ярославцы прятали от поляков особо чтимую икону Казанской Богоматери.

В 1612 году братья Назарьевы активно поддержали ополчение К. Минина и Д. Пожарского, когда оно в течение 4-х месяцев стояло в Ярославле, а город стал временной столицей освобожденных от поляков территорий Русского государства.

Молодой царь Михаил Федорович Романов наградил их за заслуги перед государством званием «гостей». Это подтверждала и данная им грамота, где говорилось, что «они и неотделимые члены их семьи подлежат только царскому суду или особому лицу, назначенному государевым указом». В соответствии со статусом, «гости» освобождались от общинных служб, имели право получать поместье, могли выезжать за границу с товарами и т. д. «Гости» по назначению царя несли финансовую службу и должны были иметь в обороте 20000 и более рублей. Заняв это место, Гурьевы-Назарьевы оказались среди именитых московских купцов. Богатство Гурьевых выросло на торговле с Сибирью, Астраханью, Казанью. Но они не ограничивались только торговыми предприятиями, активно вкладывая деньги в эксплуатацию природных богатств далеких окраин Московского государства. В частности, в 1640 году братья основали близ реки Яик (Урал) крупные рыбные промыслы, на которых трудилось несколько сотен работных людей. Для охраны промысла и имущества от калмыцких и казачьих погромов Гурьевы-Назарьевы сами построили деревянный острог (крепость). Но их утверждение на Яике нарушало интересы вольных казаков, которые неоднократно пытались разрушить городок и убить купцов. В ответ на просьбы братьев правительство, заинтересованное в дальнейшей колонизации Прикаспийского края, выдало им приказ, где говорилось о том, что оно разрешает построить на Яике каменный городок и освобождает на 7 лет промыслы от оброка. Строительство каменного городка, начатое в 1645 году, затянулось на несколько лет и стоило братьям 290 тысяч рублей – огромной для того времени суммы. Казаки, недовольные ущемлением своих «вольных интересов», в 1661 году разорили деревянный городок и промыслы. Это, а также продолжавшееся «каменное строение» и нарушение обязательств правительства по выплате оброка привело к упадку предприятия Гурьевых-Назарьевых, и в начале 1670-х годов правительство передало промыслы и городок в ведение приказа Большого дворца (государственное управление). Все это сдерживало окончательное оформление храма, и только в мае 1682 года сыновья Ивана Гурьева Михаил и Петр начали его роспись. Этот заказ был вы-

зван временным приездом Гурьевых в Ярославль на период начавшегося в Москве стрелецкого бунта в 1682 году.

Таким образом, на протяжении почти полувека, несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на Гурьевых-Назарьевых, отстраивала и украшала свою домовую церковь дружная ярославская купеческая семья.

При строительстве этой церкви впервые были применены поливные изразцы на наружных стенах. Изразцы, пёстрым ковром украшающие стены старинных храмов, стали одной из самых обаятельных «изюминок» в облике древнего Ярославля. Изразцы – это декоративные керамические плитки, которые появились на Руси ещё в X–XII веках. На XVII век – век возрождения российской государственности, экономики и культуры приходится расцвет изразечного дела. Несмотря на то, что технология изготовления изразцов была известна во многих российских городах, только ярославские мастера удерживали в этом ремесле лидирующие позиции наравне с Москвой. Самые разные по рисунку и размерам плитки формовались из специальной красной глины в особых деревянных колодках, где сначала подвергались сушке, а затем и обжигу. Вначале терракотовые изразцы употреблялись для облицовки печей, что придавало домашнему очагу вид особого произведения искусства. К середине XVII века этот ставший модным элемент декора появляется в новом амплуа уже в храмовом зодчестве. Новые возможности изразца первыми открыли в Ярославле купцы Гурьевы, которые успешно торговали с восточными и «индийскими» землями. По мнению многих исследователей, роскошные мечети Бухары и Самарканда, богато украшенные керамикой и арабской вязью, явились прообразом новой архитектурной моды. Купцы Гурьевы украсили построенную ими церковь Рождества Христова керамическим фризом с «храмозданной» надписью, а на барабанах глав, опорах крыльца и апсидах засверкали изразцы. Это были первые «муравлёные», то есть «политые» зелёной свинцовой глазурью цвета «травы-муравы». Ярославцы так полюбили эти поливные изразцы, что большинство храмов оделись в этот яркий цветной наряд. Технология, а главное цветность изразцов постоянно совершенствовались. Вскоре помимо зелёной «поливки» мастера стали использовать синюю, жёлтую, белую краску и прозрачную

глазурь, которая после обжига открывала красный цвет основы. На изразцах появились диковинные растения и животные, «фряжские» (то есть заморские, южные) ягоды и фрукты, которые украсили фасады храмов яркими красками, как бы воплощая в жизнь народные сказания. Изразцы имели различные сюжеты. Так, например, грифон олицетворял надёжную защиту, единорог – процветание, соловей – молодость, птица Сири́н – материнство, а райская птичка – мечту человека о светлом будущем. Для Ярославля самым распространённым орнаментом был цветок, представляющий собой розетку из шести, восьми и даже двенадцати лепестков, что символизировало уют и благополучие.

Рядом с церковью Рождества Христова находится дом № 37 еще довоенной постройки. Расположен он на месте бывшего кладбища, существовавшего при церкви. Поэтому останки прежних захоронений часто попадались при проведении различных землеустроительных работ. Этому дому, стоящему на костях наших предков, выпала загадочная и многострадальная судьба. Построен он был, по словам жителей, Северной железной дорогой для своих работников в 1937 году (по документам мэрии Ярославля, дата его постройки — 1952 год). До войны один из подъездов принадлежал местному управлению НКВД. Старожилы утверждают, что в подвальном помещении содержались находящиеся под следствием «враги народа», так как неоднократно видели, как подъезжал «черный воронок» и в него загружали выводимых из подъезда подследственных – руки за спину. Во дворе было специальное ограждение во избежание любопытных глаз свидетелей творящегося беспредела.

Позднее большую часть обширного подвала дома, по конструкции напоминающего бомбоубежище, занимал склад НКВД. По слухам, из него был подземный выход к откосу Волжской набережной, а также к зданию бывшего обкома партии (современная молодежная поликлиника на ул. Советской). Все попытки найти этому подтверждение не увенчались успехом. Но, по мнению специалистов, сделать это необходимо, так как в случае имеющейся штольни ее следует не просто засыпать, а утрамбовать по особой технологии (тампонировать). Иначе подземные воды вымоют легкие частицы грунта, а это приведет к образованию пустот и, как следствие, к деформации

зданий, провалам асфальта. Кстати, подобное уже было. Однажды, накануне еще Первомайской демонстрации, к дому подогнали КраЗ, чтобы перегородить улицу. Ночью он на глазах возвращавшихся с работы жильцов стал проваливаться под землю, по самую кабину. С большим трудом этот грузовик был вытасчен мощным краном. На самом доме еще с 1974 года вследствие деформации стали появляться трещины осадочного характера, создавая угрозу обрушения деревянных перекрытий. Щели были такие огромные, что сквозь них проходила рука, а потому приходилось забивать их старой одеждой, одеялами, замазывать и заклеивать трещины обоями. Только в 1993 году началась его реконструкция, в ходе которой был укреплен фундамент (забивали сваи, закачивали на глубину нескольких метров цемент особых марок и т. д.) без расселения жильцов.

Поднятие грунтовых вод и подтопление негативно сказались не только на этом доме: в настоящее время обнаружена деформация многих зданий, расположенных на набережной (Митрополичьи палаты, Губернаторский дом, Ильинско-Тихоновская церковь, жилые дома).

Далее по набережной находится внешне не очень привлекательное двухэтажное здание – бывший дом Масленниковых (№39а). Интересен он тем, что был построен ещё до строительства набережной, и поэтому его парадное оформление находится на дворовом фасаде, с керамическими вставками, свойственными для культовых построек XVII века. Как уже говорилось ранее, фасады домов на набережной до ее благоустройства в начале XIX века были обращены, как правило, «к городу», к его центральной части.

Ранее здесь располагалась домовая церковь, о чем свидетельствуют в интерьере дома росписи.

А на пересечении набережной с Первомайской улицей находится трёхэтажное здание – бывший дом Куракиных (№ 45/1), принадлежащих к старинному княжескому роду.

Это место в Ярославле стало особенно посещаемым после обустройства набережной в начале XIX века. Вечерами, особенно в праздничные и выходные дни, здесь прогуливались ярославцы, наслаждаясь видами бульвара и Волги. Знали об этом и представители левых партий Ярославля. По их ини-

циативе на Первое мая 1905 года планировалось провести (кроме загородных) и «лодочную демонстрацию» на Волге. Для этого была организована лодочная прогулка молодежи ЯБМ (ныне – Красный Перекоп) по Которосли с выходом к Волге, а здесь предполагалось встретить подобную демонстрацию учащейся молодежи. Совместную демонстрацию на воде хотели организовать в виду гуляющей публики как раз напротив описываемого места. Но всем планам не суждено было сбыться: «лодочная демонстрация» молодежи ЯБМ была остановлена полицией в устье Которосли – современный остров Даманский, и они были вынуждены вернуться к заливным лугам напротив современных зданий ЯГПУ по Которосльской набережной и здесь провести свою часть демонстрации.

Учащаяся молодежь подготовилась к своей акции более основательно: с обоих берегов – вверх и вниз по течению – были изъяты все лодки и другие плавсредства. На них по середине реки расположилась молодежь, а «лишние» – просто связали верёвками. Тем самым были предотвращены возможные попытки быстро разогнать демонстрацию полицией. Не дождавшись подкрепления, молодые люди собрались посреди Волги, напротив бульвара, развернув красные знамена, транспаранты с призывами свержения царского режима. В течение нескольких часов они с воодушевлением пели революционные песни, выкрикивали лозунги. И все это происходило на глазах у изумленной гуляющей публики. Эффект был потрясающим. А полиция, не имея возможности разогнать эту «лодочную демонстрацию», бессильно разводила руками, отодвигая публику от набережной. Позднее был найден катер пожарных, который разметал сгрудившиеся на Волге лодки с участниками демонстрации. Молодежь бросилась врассыпную – кто на Тверицкий берег, кто на городской, к набережной. Для большего эффекта часть молодежи высадилась напротив бульвара и попыталась (а было уже около 8-ми вечера – самый разгар гуляний) пройти по бульвару с красными флагами и революционными песнями. Полиция, в том числе конная, нещадно их преследовала даже на набережной и бульваре, где демонстранты пытались скрыться в толпе гуляющих. Досталось всем – нагайки не пощадили ни правых, ни виноватых. На следующий день местные газеты

имели несколько необычный вид: их страницы пестрели белыми пятнами – имелся заголовок вроде «вчера на набережной (на бульваре)», а дальше следовало пустое место, правда, иногда с подписью. Так вынуждена была поработать цензура, не дав редакции возможности заменить изъятый материал на более лояльный властям.

Ярославцы неоднократно предлагали увековечить память о своем великом земляке – великом русском поэте и писателе Н. А. Некрасове. Не забывали они и о его родных. В частности, в 1906 году Ярославское земство чествовало брата Н. А. Некрасова – Фёдора Алексеевича. Он получил Почетную грамоту за заслуги в деле распространения грамотности и просвещения в Ярославской губернии. Являясь одним из крупных домовладельцев Ярославля, он сдавал дома не только под квартиры, но и в аренду различным учебным заведениям за весьма умеренную плату. В начале XX века часть Казанского бульвара (ныне – Первомайский), идущую от Семеновской (ныне – Красной) площади к Волжской набережной, стали официально называть Волжским бульваром имени Н. А. Некрасова. В этом была заслуга прогрессивной, демократически настроенной общественности города.

Для окончательного оформления этого места как дань памяти великому поэту в Ярославле и губернии неоднократно устраивались кампании по сбору средств на установку монумента, но, как обычно, собранных сумм всегда не хватало.

В 1958 году, через 80 лет после смерти поэта, это желание ярославцев осуществилось: памятник Н. А. Некрасову был открыт. Бронзовая скульптура поэта, обращенная взором на волжские просторы, установлена на гранитном постаменте. К нему примыкает белокаменная стела, украшенная барельефами на сюжеты произведений Николая Алексеевича. Эта композиция расположена на широкой, облицованной гранитом площадке. Постамент украшает ставшая крылатой строка поэта: «Я лиру посвятил народу своему».

Эта часть набережной вскоре становится наиболее посещаемой. 8-го июня 1988 года именно здесь проходил митинг, участники которого выступили против кооптирования (вместо избрания) и, тем самым, против нарушения демократических

принципов при выборе делегатов на 19 Всесоюзную партийную конференцию. В числе делегатов от Ярославской области оказался и Ф. И. Лощенков – бывший первый секретарь обкома КПСС (а в то время — председатель госкомитета по материальным ресурсам). В митинге участвовали более пяти тысяч человек. Это стало началом формирования Ярославского Народного фронта, выросшего из Движения содействия перестройке. ЯНФ явился одним из первых массовых региональных общественных движений того времени и оказал значительное влияние на демократизацию общественно-политической жизни не только Ярославской области, но и всего Союза.

За Красным съездом Волжская набережная продолжается домами в основном советской постройки, которые неплохо вписываются в ее традиционный ансамбль. Наиболее интересным из них является дом бывшего акцизного управления (Волжская набережная, 49/1). Построен он был в первой трети XIX века в стиле зрелого классицизма. К настоящему времени дом этот претерпел серьезные изменения: он был перестроен и надстроен двумя этажами, и получился почти современного облика четырехэтажный жилой дом. А именно сюда до революции приходили со своими финансовыми отчетами промышленники, торговцы, различного рода коммерсанты. За этим домом открывается ансамбль церковью Благовещенского прихода (Волжская наб., 51) и колокольня. После огромного пожара 1658 года, начавшегося именно здесь, на месте сгоревшей деревянной церкви был построен в 1688 году каменный пятиглавый храм. Заказчиками его выступили жители располагавшейся здесь ловецкой (рыбацкой) слободы. К западному углу храма примыкала традиционная для ярославского типа церковных ансамблей (трехчастных) колокольня. Но она серьезно пострадала в дни ярославского городского антисоветского восстания в июле 1918 года и поэтому была разобрана. Церковь закрыли в 1930 году.

Сам храм был расписан ярославскими мастерами во главе с Федором Игнатьевым и Федором Федоровым, немало сделавшими для становления своего, ярославского стиля в живописи, который отличала яркость красок, реалистичность изо-

бражений, введение в библейские сюжеты элементов реальной жизни того времени.

Рядом расположена церковь Вознесения – теплый (или зимний) храм, строительство которого завершилось к середине XVIII века. Принято считать, что здание храма неоднократно перестраивалось, теряя свои фасады. В 1867-68 гг. к церкви была пристроена трапезная и трехъярусная колокольня по проекту ярославского губернского архитектора, брата великого писателя Ф. М. Достоевского – Андрея Михайловича, который был к тому же и известным общественным деятелем Ярославля и губернии. Этот церковный ансамбль играет активную роль в восприятии Волжской набережной. Можно предположить, что после уплаты положенных налоговых сборов предприниматели, посетив акцизное управление, шли сюда замаливать свои грехи.

За Флотским (Вознесенским) спуском расположено одно из красивейших зданий Волжской набережной – бывшего училища духовного ведомства – училища девиц духовного звания (Волжская наб., 59). История его представляет для нас определенный интерес, а поэтому рассмотрим ее подробнее.

Межсословные браки в России XIX века были редким явлением. Жена священника была либо из семьи духовенства, либо крестьянка, очень редко – купеческая дочь. Девушки этих сословий воспитывались дома, а такое воспитание включало в себя прежде всего подготовку будущей хозяйки к правильному ведению домашнего хозяйства. И, как результат, такой жене сложно было стать настоящей помощницей мужу – священнику. Вот тогда-то и пришла мысль Великой княгине Ольге – дочери Николая I готовить жен специально для священников.

Первое такое учебное заведение было открыто в Царском Селе в 1843 году. Второе – в российской глубинке — в костромском уездном городе Солигаличе в 1846 году. Во внимание была принята дешевизна провинциальной жизни и, как бы мы сейчас сказали, субъективный фактор. В этом городе проживала Елизавета Павловна Шилова. Дворянка по происхождению, она была образованным и высоконравственным человеком, к тому же ее родная сестра – Надежда Павловна Шульц – была начальницей Царскосельского училища. Шипову и ре-

шили поставить во главе открывающегося учебного заведения. Именно здесь лечилась Великая Княжна Ольга на бальнеогрязевом курорте, а также жили сестры Надежда Павловна Шульц (она была наездами) и Елизавета Павловна Шипова – горячие сторонницы женского образования. Однако просуществовало это заведение там недолго и было переведено 14 сентября 1848 года в Ярославль. Предполагалось, что в нем будут обучаться дочери священнослужителей от 10 до 12 лет из 3-х епархий – Ярославской, Вологодской, Костромской.

Целью училища было «приготавливать достойных супруг служителям алтаря Господня и матерей, которые были бы попечительны о своих детях, – матерей, которые были бы способны не только воспитывать их в правилах благочестия и добронравия, но и учить их, приготавливать к поступлению в школу и после уметь наблюдать за полезным употреблением вакантного времени».

Сюда, кроме верхневолжских губерний, приезжали девушки из Рязани, Тамбова и других городов. Первоначально оно размещалось в арендованном здании, но город сразу же выделил место для строительства своего помещения на берегу Волги. Денег, которые выделила казна, явно не хватало, поэтому в постройке приняли участие ярославские меценаты – духовные лица, купцы, дворяне. После постройки здания (а его освящение состоялось в 1862 году) духовное училище стало одной из достопримечательностей набережной. Здание окружал большой сад, был при нем и хозяйственный двор, и небольшой огород. Ухаживали и за огородом, и за домашними животными сами воспитанницы. Иконостас в храме был сделан по проекту академика Солнцева – уроженца Ярославского края, известного художника-археолога. По признанию современников, Фёдор Солнцев оживлял на холсте российскую историю, восстанавливал росписи храмов и дворцов Московского Кремля. Этим он возвращал современникам европеизированного XIX века забытое наследие ушедшей старины. Именно таким, «русским», получилось и здание этого училища, где переплелись традиции народного зодчества и губернская величавость, щедрость декора и строгость пропорций. Члены августейшей

фамилии внимательно относились к нуждам училища. Так, мебель была прислана из Санкт-Петербурга.

В начале XX века произошла перестройка здания училища, в результате чего его главный фасад, обращенный на Волгу, приобрел более красивый и внушительный вид. С южной и северной стороны к главному корпусу примкнули двухэтажные пристройки. В южном соорудили актовый зал. В 1862 году при училище основали домовую церковь Святого духа. Это учебное заведение имело права гимназии и предназначалось для детей церковнослужителей. Программа училища была несложной (как вообще были упрощены они для женских учебных заведений). Общее гимназическое образование дополнялось приобретением навыков ведения домашнего хозяйства для будущих жен служителей церкви.

Училище брало на себя обязанности приучить девушек к домашнему хозяйству во всех его видах и к ведению нужных для этого счетов. Для этого в качестве «пособия» при училище был сад, огород, скотный и птичий двор. Было признано разумным сообщать ученицам и начальные медицинские знания: хождение (уход) за больными, использование лечебных (лекарственных) растений, хождение за детьми и физическое их воспитание. Для получения опыта ведения домашнего хозяйства в училище был выработан следующий порядок: каждый день по две воспитанницы из всех трех классов (в каждом классе обучение длилось по два года) назначались дежурными по кухне, а из старших — по покоям начальницы, где девушки «тренировались» в наведении порядка, умении принять и поговорить с посетителями.

Училище было закрытого типа, первоначально учениц не отпускали домой даже на каникулы. Но такой полный отрыв от семьи оказался невозможен. Распорядок жизни был размерен и не менялся в течение многих лет. Вставали воспитанницы в 7 часов утра, затем умывание и общая молитва в зале. После молитвы воспитанницы приходили в покои начальницы училища, чтобы поздороваться и поцеловать ей руку. Затем завтрак и уроки. Занятия шли с 9 до 12 часов и с 2 до 5 часов. С 12 до 2 — перерыв на обед и отдых, в 5 часов — полдник, в 8 — ужин, в 9 — вечерняя молитва, в 10 — отбой. Для воспитанниц училище ста-

новились родным домом, они приезжали сюда со своими радостями, горестями, проблемами. Преподавателями училища были лучшие учителя города. Современники отмечали успехи воспитанниц и поражались тому, как были построены занятия. В частности, на устные уроки ученицы приходили со своим рукоделием. Слушая рассказ преподавателя или ответ воспитанницы, они продолжали начатое ими дело — вязание, шитье, вышивку. Вызванные к доске, они откладывали рукоделие и начинали отвечать. На качестве знаний эта ручная работа практически не отражалась. Лучшие образцы рукоделия преподносили царскому двору в виде подарков: вышитые золотом иконы, евангелия в расшитом золотом переплете и т.д.

В училище осуществлялись богослужения, читались проповеди, которые активно посещались и населением Ярославля, широко распространены были беседы законоучителя с воспитанницами вне классов, чтение религиозно-нравственных книг, что способствовало не только эстетическому, но и физическому воспитанию. Для воспитанниц устраивались выезды за город для отдыха, где излюбленным местом была Полушкина роща.

В училище существовали и наказания, но они никогда не доходили до унижения личности. Это были выговоры, лишение права носить передник ученической формы, внушение со стороны начальницы училища. Самым большим наказанием было лишение в месячном табеле «крестика» (+), он ставился ежедневно тем воспитанницам, которые вели себя исправно, а так как эти ведомости подавались ежемесячно на высочайшее имя, то действенность такой меры была огромной.

Если на первых порах училище ставило целью подготовку жен священнослужителей, то в начале 1870-х гг. под влиянием духа «служения народу» большинство девушек, получавших дипломы учителя начальной школы, хотели ехать в дальние деревни — просвещать народ. Не исключено, что благодаря этим самоотверженным учительницам Ярославская губерния вышла в начале XX века на первое место в России среди земских губерний по количеству грамотных крестьян.

По окончании училища выпускницы получали свидетельство, а также денежное пособие в соответствии со своими

успехами. Некоторые из них получали приданое, которое включало множество предметов — салоп, два шалевых платка, шляпку, юбки, платья, постельное белье, позолоченные серьги, утюг, кожаный чемодан и т.д. Деньги на эти цели накапливались благодаря пожертвованиям и шли в основном на поощрение малоимущих воспитанниц. Так, по завещанию купца Макушина в распоряжение училища был передан капитал в 10 тыс. рублей, на проценты с которого формировалось приданое выпускницам «при выходе их в замужество».

Надо заметить, что приданое выдавалось только девицам, выходящим замуж за лиц духовного звания (а выходить замуж за лиц не духовного звания можно было лишь с разрешения местного епархиального начальства).

Во второй половине XIX века в связи с широким распространением школ, а также «воспрещением» молодых людей, окончивших курс духовной семинарии, определять сразу в священники, выпускницы поступали работать учителями. Для этого были введены курсы педагогики и методики преподавания. При училище была открыта образцовая школа, где преподавали ученицы старших классов под руководством педагога и методистов. Закрыто училище было в 1917 году. Выпускницы этого учебного заведения работали учителями начальных классов вплоть до середины XX века.

Здание бывшего училища духовного ведомства является единственным в Ярославле местом, связанным с именем С. М. Ляпунова (1859–1924), известного музыканта, пианиста, друга и ученика Милия Аркадьевича Балакирева (1836–1910), создателя знаменитой «могучей кучки», также бывавшего здесь. Семья Ляпуновых была широко известна в Ярославле. Глава семьи — Михаил Васильевич, ученый-астроном, являлся инспектором народных училищ Ярославской губернии, ректором Демидовского юридического лицея. Старший брат — Александр Михайлович (1857–1918) — академик, выдающийся русский математик, младший — Борис Михайлович (1857–1914) — академик-славист. В Ярославль С. М. Ляпунов приезжал в течение 7 лет (1908–1914) на летний отдых и останавливался у начальницы училища Ольги Платоновны Вейс — своей родственницы.

В настоящее время это здание принадлежит управлению Северной железной дороги и является одной из главных достопримечательностей Волжской набережной. Необходимо уточнить, что строилось оно для самых не защищенных в социальном отношении в дореволюционной России категорий населения – детей священнослужителей, которых в семьях было очень много (аборты в дореволюционной России были запрещены, а в семьях священнослужителей – тем более). А само здание свидетельствует об отношении властей города и к этой группе населения, и к учебному заведению.

В этой части хроник повествование об истории Волжской набережной в основном будет складываться из страниц летописи утраченных объектов. Что касается сохранившихся сооружений старинной застройки, одним из последних является дом бывшей усадьбы Тихомировых – жилой 3-этажный дом с легкими деревянными балконами. Строительство дома относится к концу 1830-х годов, когда в Ярославле был широко распространен стиль зрелого классицизма. Рядом с ним находились хозяйственные постройки усадьбы (Волжская наб., 69). Недавно на их месте появилось новое строение «под старину».

Следующей на пути нашего повествования является Октябрьская площадь. Когда-то именно здесь селились первые поселенцы и находилось языческое капище (об этом свидетельствует приводимая карта-схема). Здесь, на берегу Волги, близ ручья (ныне Матросский спуск), располагалась одна из кимеретей (место поклонения языческому богу – Чернобогу). Христианизация края сопровождалась уничтожением старых языческих капищ и возникновением на их месте символов новой веры – церквей и монастырей. Именно здесь и был заложен один из первых монастырей – Петропавловский, который упоминается как существующий уже в 1186 году. С этим монастырем связано множество преданий и легенд о чудесных исцелениях больных и немощных.

Согласно одной из легенд, в те времена в обители монастыря жил старец Симеон, «днем и ночью подвизавшийся в молитве». Как-то ночью вышел он из кельи и увидел необычайный свет, исходивший от Волги. Он рассказал об этом архимандриту, который, не поверив ему, тем не менее вместе со старейшинами

города вышел на берег, где они и «обрели три креста с тяжелыми веригами», которые легко плыли по воде. (Согласно преданию, это были вериги Никиты Столпника. – Прим. авт.) После этого вериги некоторое время находились в монастыре, где, по преданию, начали совершаться чудеса исцеления, а после явления во сне Симеону самого Никиты Столпника были перенесены в Переславль. Об этом говорится в житии переславского чудотворца Никиты Столпника.

Никита был поставлен еще великим князем Юрием Долгоруким (основавшим в 1147 году г. Москву, а затем в 1152 году и Переславль-Залесский) главным при строительстве города и его оборонительных сооружений. «Прославился» он своей необыкновенной жадностью и мздоимством, а также пьянством. Решив раскаяться в своих грехах, он, не допущенный в монастырь, принял обет — находиться «на столпе» в покаянии (это была узкая яма, где можно было лишь стоять). От постоянного трения о края ямы вериги (набор различных тяжестей, в данном случае — железных крестов, скрепленных цепью) отшлифовались до блеска. Так постепенно он приобрел славу праведника и стал почитаемым человеком. Злоумышленники (по одной из версий, родственники Никиты, обиженные на него из-за лишения их «законного наследства» из награбленного им за время руководства строительством) решили завладеть блестящими, как серебро, веригами, предполагая, что они состоят из этого металла. Однажды ночью Никита был убит, а злодеи от обуревающего их страха бежали «не останавливаясь до берега Волги». Дожидаясь перевоза, они развернули похищенное и изумились, увидев вместо драгоценного металла простое железо (невольно вспоминаются И. Ильф и Е. Петров, которые, по-видимому, знали об этой легенде и использовали ее в своем бессмертном «Золотом тельнеке»).

Петропавловский монастырь упоминается также в связи с существовавшим в начале XIII века в Спасском ярославском монастыре первым на севере Руси училищем и библиотекой Ростовского князя Константина Всеволодовича (Мудрого), в которой насчитывалось огромное по тем временам число книг — до тысячи. Настоятель монастыря Пахомий (был в этой должности 13 лет) являлся и руководителем училища. Позднее его на-

правили в Киев для «поставления» в ростовские епископы (занимал эту должность до своей смерти в 1216 году) и руководства переведенным туда училищем.

Кладбище монастыря являлось местом захоронения князей первой ярославской династии, а поэтому считалось особо значимым (почитаемым). Источники XVI–XVII веков свидетельствуют, что от гробов захороненных здесь княгини Ксении, ее дочери Анастасии и внука Михаила происходили чудесные исцеления, и их мощи были признаны как местночтимые. Ежегодно в неделю православия за вечерней молитвой в их память при большом стечении народа совершалась панихида. В 1750 году она была запрещена ростовским митрополитом Арсением Мациевичем.

Время прекращения существования монастыря точно неизвестно. По одним данным, это произошло в XV веке, по другим — в начале XVII, когда поляки, осадившие Ярославль в мае 1609 года, полностью выжгли все пригороды (известно, что монастыри в древности располагались на подступах к городу и являлись его форпостами, то есть местами наиболее активной обороны).

В 1615 году на этом месте уже существовала приходская церковь, построенная за счет жителей ловецкой (рыбацкой) слободы. В 1691 году был заложен на средства прихожан, а в 1701 году освящен во имя первопрестольных апостолов Петра и Павла каменный холодный пятиглавый храм с шатровой колокольной. Он имел два придела (пристройки): южный – во имя Михаила Малеина и северный – во им Архистратига Михаила. Внутри он был украшен стеной росписью, в том числе сценами из жития Никиты Переславского, а снаружи – красивыми изразцами. Наиболее ценными являлись изразцовые наличники окон алтарных апсид. Теплая (зимняя) церковь с одним престолом во имя Николая Чудотворца была построена в 1840–41 годах на средства купца Сергея Андреевича Галкина. Эти церкви являлись достойным украшением Волжской набережной. В июле 1918 года церкви прихода были серьезно повреждены артиллерией «красных» при подавлении ярославского городского антисоветского восстания. Позже, благодаря труду выдающегося архитектора-реставратора П. Д. Барановского (того самого, кото-

рый спас от взрыва церковь Василия Блаженного в Москве, запершись в ней), оценившего исключительную культурную и историческую значимость церквей, в 1922 году была завершена их реставрация, и церкви снова засияли «своей божественной красотой». Однако в 1931 году они были закрыты, а в 1937 году – снесены.

В 1966 году у бывшего Пятницкого спуска – ныне это Матросский спуск – был построен Октябрьский автомобильный мост через Волгу (в конце XIX – начале XX вв. многие протекавшие на территории Ярославля ручьи и речки были «упрятаны» в железные трубы, выходявшие непосредственно на берега рек Волги и Которосли). Конструкция моста оказалась весьма необычной, даже с точки зрения специалистов. Мощные пролеты моста склеены из отдельных бетонных блоков. Долгое время это был единственный мост подобного типа на Верхней Волге. Автором проекта строительства был талантливый инженер С. С. Уланов, родной брат выдающейся русской балерины Г. С. Улановой.

За Пятницким ручьем (ныне Матросский спуск), на берегу Волги, издавна находилось свинцово-белильное производство. Известно, что в России уже в XVII веке свинцовые белила изготавливались в городах Кашине и Ярославле. При Петре I число предпринимателей, занимавшихся производством красок, значительно возросло из-за повышения спроса на них вследствие экономических (в т.ч. строительство мануфактур) и военных (покраска кораблей, орудий и т.д.) реформ. В конце XVIII века в Ярославле уже было 7 заводов, производивших свинцовые белила и сурик, а к середине XIX века их стало 15. Все они располагались на правых берегах р. Которосли (от Коровников до Зеленцовского ручья) и Волги (от Матросского ручья до дер. Брагино). Ярославль занимал прочное первое место по количеству этих заводов и поставлял почти 50% отечественных белил.

В XIX веке на территории современного завода «Красный маяк» располагалось свинцово-белильное производство, о котором ярко и красочно написал работавший там непродолжительное время известный журналист В. В. Гиляровский в своем очерке «Обреченные». Читатели узнали об ужасном по-

ложении рабочих завода Копейкина (Сорокина) в городе Верхневолжске (Ярославле).

Основой производства свинцовых белил являлась окись свинца, так называемая «пушонка». Работа с ней вызывала очень серьезное заболевание – хронический сатуризм. Вот как описывал его фабричный врач М.Уваров: «Пищеварение совершается плохо, наступают запоры или поносы; больной сильно худеет, цвет лица становится серым, кожа делается сухой, в груди чувствуется тяжесть, конечности начинают дрожать, на деснах появляется черный налет сернистого свинца. Общее ослабление организма заставляет рабочих при малейшем усилии сильно потеть, плохой сон и угнетенное самочувствие. При продолжительном отравлении наступают тяжелые желудочные колики, сопровождающиеся нередко потом и судорогами. Появляется нарушение деятельности мозга, наблюдается паралич пальцев рук». Но самым страшным следствием этой болезни было то, что из организма выводился кальций, ослабляя кости и делая их очень хрупкими и не срастающимися при переломах. Поэтому рабочих этих заводов называли «глиняными людьми». Их отличали по перевязям рук, ног, скул, которые не срастались. Это затрудняло существование человека, а порой делало его почти невозможным. Представим себе обычное явление — «дружеские разборки» рабочих после обязательной пьянки по случаю праздника или получки. Сломанная челюсть уже не срасталась и держалась только на повязке. Владельцы обычно поспешно увольняли рабочих, заболевших свинцовым отравлением. Оставшись без средств к существованию, большинство из них отправлялось умирать к себе в деревню. Среди местных жителей о рабочих этих заводов ходила дурная слава как о разносчиках страшных инфекций. Сложилась даже такая присказка: «Тетенька, не мой ноги в этой воде: эту воду бельщик (рабочий свинцово-белильного завода) пил».

Питание рабочих этих производств было сравнительно неплохим: «Шти с говядиной и каша (обычно гречневая) с коровячим маслом». Для улучшения аппетита предлагалась даже чарка (120-160 мл) водки. Но заболевшие рабочие предпочитали и обед обменивать на спиртное, которое не всегда способствовало аппетиту и приему пищи. Это приводило к суще-

ственной потере веса и открывало дорогу различным инфекциям.

Однако белила, получаемые по этой, долгое время базировавшейся на ручном труде технологии, являлись очень качественными, что позволяло владельцам получать большие барыши. Для самих рабочих это также было привлекательным: работа длилась с 5-6 часов утра до 10-11 часов утра (для самых вредных производств), т. е. большую часть времени они были свободны, в том числе и для ведения домашнего хозяйства. Но постепенно местные жители были заменены пришлыми, во многом отчаявшимися в поисках работы людьми.

В советское время (1934 год) завод №3 (бывший Сорочкина) был перепрофилирован с выпуска белил и красок на производство электроинструментов, вибраторов, пил, долбежников, а также на выполнение спецзаказов наркомата обороны. Так появился завод «Красный маяк». До сих пор на его территории сохранились постройки производства XIX века.

Место, где сегодня расположено здание Ярводоканала, связано с одной из самых славных страниц в истории города. В Смутное время – в начале XVII века – Ярославль был временной столицей русского государства, что стало причиной появления царской короны на гербе города. Поэтому столь важная страница летописи города заслуживает особого внимания.

Весной 1612 года в Ярославль прибыло ополчение. Город был превращен в огромный военный лагерь, куда со всех сторон прибывали стрельцы, пушкари, представители дворянства, посадских людей... Уже в то время было известно об опасности, таящейся в больших скоплениях людей – эпидемиях (морах). Поэтому ополчение было поделено на 3 части: одна – на юге – за Которослью, близ Толчковской слободы, у Титова ручья; другая – на Михайловом поле в Подзеленьи; третья – на северо-западе, близ Волги, недалеко от церкви Петра и Павла. Места расположения ополчения хорошо просматриваются на карте-схеме города. Можно с уверенностью сказать, что во главе ополчения стояли опытные военачальники: войсками были заняты наиболее важные с точки зрения обороны города направления, в случае внезапного нападения врага. Места временного скопления людей издавна получали наименование та-

боры. Такое же появилось и здесь, на берегу Волги. Вплоть до совсем недавнего времени данная местность хранила это название, была даже улица – Таборская. Правда, в поисках нового (в данном случае – объяснения), или эксклюзивного, как сейчас принято говорить, толкования происхождения данного наименования, появилась версия, что табары – одна из разновидностей мягкой кожаной обуви. Именно здесь, по-видимому, жили ее производители. (Или основные «носильщики». Почему бы и нет: горожане предпочитали различную удобную обувь, а жители этой местности любили только её, родимую, – *табары* – и ходили в ней круглый год). По мнению авторов данной теории, это могло повлечь за собой появление новой (ранее нигде не упоминавшейся) слободы кожевников (*устар. форма слова «кожевник»*). Действительно, эта местность длительное время считалась торгово-ремесленной частью города, о чем свидетельствует наименование различных слобод – Железная, Калашная, Рыбная и т.д. Но существование слободы кожевников скорее натяжка, поэтому всерьез рассматривать эту версию было бы явной ошибкой.

С древнейших времен самым страшным бедствием для жителей городов и населенных пунктов были пожары. Для борьбы с ними требовалось много воды. Хотя некоторые официальные лица заявляли, что Ярославль окружен водой (реками Волгой и Которослью, прудами и ручьями), использовать ее для тушения не всегда представлялось возможным. Поэтому уже в 1860 г. на основе указа императора Александра «Об улучшении дела в городах» МВД (в чьем ведении находилась и пожарная служба) разослало в губернии депеши об устройстве «водопроводов с пожарными кранами». Но более 20 лет «город, не имея ни городских, ни общественных сумм», отказывал в этом строительстве. Тратить деньги на воду считалось невыгодным, и с этим охотно соглашались те, кто имел свой обоз и возил бочками речную воду в город для продажи населению. Были провалены предложения об устройстве водопровода из подземных вод окрестных сел — Крест и Лучинское. В то же время строительство водопровода для Ярославля было делом престижа, а Ярославль, имея статус второго города центра Рос-

сии, не мог не учитывать начавшееся строительство в других, менее значимых городах.

И, наконец, 30 января 1883 г. состоялось праздничное открытие водопровода. Вот как об этом писала газета «Ярославские губернские ведомости»: «Во вновь устроенном на берегу Волги в местности, носящей название «Таборы», здании, где помещена паровая машина, в час по полудни совершено было молебствие при большом стечении публики... Паровая машина спокойно, без малейшего шума пришла в движение – и работа началась...». На этом месте до сих пор находится Ярводоканал.

Следующим объектом, на который необходимо обратить внимание, рассказывая о Волжской набережной, это – железнодорожный мост через Волгу.

История его появления вызывает несомненный интерес. В 1870-м году Ярославль был соединен железной дорогой с Москвой, завершавшейся одноименными вокзалами (в Москве – Ярославский, в Ярославле – Московский). При этом одна из важнейших задач – обеспечение регулярного железнодорожного сообщения Москвы с севером страны (Вологодой и Архангельском) – не была решена. В результате и возникла идея о продолжении железной дороги за Волгой.

Первоначально об одновременном строительстве новой железной дороги и моста через Волгу вопроса не стояло по нескольким причинам. Во-первых, не было достаточного опыта строительства столь большого инженерного сооружения через широкую здесь Волгу. Во-вторых, его строительство потребовало бы очень больших финансовых затрат. Поэтому было принято решение о продолжении хоть и прерванном Волгой строительства железной дороги сначала на Вологду (пущена в строй в 1872 году), а затем и на Архангельск. Но из-за сложного рельефа местности и ее качества (много болот и низин) первоначально была она построена в однопутном и узкоколейном варианте. Все грузы, а также пассажиры на парамах перебирались на левый берег Волги и там, уже с Вологодского вокзала (существовавшего вплоть до первой половины XX века и окончательно ликвидированного лишь в связи с пуском в строй вокзала станции Ярославль-Главный в 1952 году), отправлялись

на север страны. В связи с осуществлением программы подготовки к войне в конце XIX – начале XX века и стратегической необходимостью скорейшего решения проблем доставки войск и грузов на север было принято решение о строительстве железнодорожного моста в Ярославле и расширении пути до обычного.

Ярославцы давно мечтали об улучшении сообщения через Волгу, так как весной и осенью надолго прекращалась переправа людей и грузов. Поэтому сначала выдвигались пожелания построить однопутный мост, допускающий возможность передвижения пешеходов и экипажей (автомобильного транспорта тогда еще не существовало). Об этом ходатайствовала городская дума летом 22 июня 1899 года перед железнодорожным департаментом Министерства путей сообщений. После долгих обсуждений в апреле 1904 года было принято решение о строительстве моста, но «устраивать приспособления к экипажной езде... представлялось невозможным».

Торжественная закладка моста состоялась 23 ноября 1910 года. Обращаясь к строителям моста, священник о. Дмитрий (Давыдовский) сказал, что их дело «... будет благодарными ярославцами увековечно в истории своего города..., ибо вы дарите Ярославлю не архитектурное только, величественное, красивое, стильное сооружение..., вы построите весьма важное узловое звено, которое соединит Ярославль с дальним Севером и послужит расцвету его как в культурном, так и в торгово-промышленном отношениях».

Строительство моста с самого начала шло сверхвысокими темпами даже по современным меркам. Использовались самые последние для того времени достижения науки, техники и технологии. Так, например, опоры строились с использованием кессонов. Здесь при повышенном давлении воздуха одновременно работали по 36 рабочих, сменяя друг друга каждые четыре часа. Мощные паровые машины успешно обеспечивали бесперебойную работу компрессоров и динамо-машины. Последняя давала ток для электроосвещения стройки моста. Применялись также паровые лебёдки, паровые копры для забивки свай. Постоянно, туда и обратно сновали паровозы, подвозившие различные материалы. Это не могло не вызвать восхище-

ния и гордости за свою страну у ярославцев, ревниво следящих за новым и необычным строительством.

По устоявшейся традиции, для строительства опор употребляли местные гранитные валуны, в большом количестве находившиеся по берегам Волги. (Вспомним хотя бы строительство Волжской набережной, которое происходило около ста лет назад – в 20-е годы XIX века). Для облицовки быков были доставлены специально обработанные камни.

Небезынтересно будет отметить и то, что строительство моста не нарушило так называемые «бечевники» – тропы по обоим берегам рек, которые использовались ещё бурлаками. Для этого на опорах, ближайших к берегам, были устроены специальные балконы для прохода вдоль берега по «бечевнику».

При строительстве моста, как оказалось, были допущены серьезные просчеты – в 1912 году рухнул один из пролетов уже почти готового моста. Произошло это во время урагана, когда разразилась буря с сильным ветром. Были жертвы. Это событие, случившееся в семь часов вечера, всполошило весь город. Немало ярославцев уже в скором времени подросли к месту аварии, несмотря на бурю и проливной дождь. Причиной этому, как оказалось, был «человеческий фактор» – ошибки строителей. Это дало повод первоначально с большой долей скепсиса отнести к первому рейсу по новому мосту через Волгу. очевидцы вспоминали, что и жители, и пассажиры, и машинисты крестились в первые дни его эксплуатации.

21 февраля 1913 года по мосту началось регулярное пассажирское и грузовое движение. Мосту было присвоено наименование – «Мост императора Николая II», которое, впрочем, вскоре было в обыденной речи и переписке заменено на «Николаевский мост».

22 февраля 1913 года газета «Голос» (преемник «Северного края», закрытого осенью 1905 года) писала: «Состоялось освящение и открытие железнодорожного моста через Волгу... Мост... кроме железнодорожного сообщения приспособлен также и для пешеходов, для чего внутри пролетов устроены по обеим сторонам пути – тротуары. Мост состоит из семи пролетов: пяти больших и двух малых. Пролеты эти покоятся на двух

береговых устоях и на четырех (здесь, по-видимому, ошибка – пяти) каменных речных быках...».

Акты испытаний и проверки моста на предмет соответствия их чертежам и нормам подписаны представителями Государственного Контроля, в том числе, Контролёром (так, с большой буквы записана эта должность), Надворным Советником П. Ф. Орловым. Должность эта была не только ответственной, но и хорошо оплачиваемой. Для своей семьи – жены и двух дочерей – П. Ф. Орлов снимал часть дома в усадьбе Матвиевских в самой престижной центральной части города неподалёку от ц. Ильи Пророка. Кстати, одну из дочерей звали Любовь, которая стала известной советской актрисой.

Первоначально «родные» фермы были полукруглыми («полупараболической системы»), собранные из сверхпрочных сталей Путиловского завода с использованием заклёпок, которых в готовом изделии было 64 тысячи штук. Ещё при строительстве моста среди населения распространился слух, перешедший потом в легенду, что одна из заклёпок была золотой. Это, между прочим, не было лишено оснований, так как вплоть до настоящего времени существует традиция забивать, например, «золотой костыль» при начале или окончании строительства железнодорожных путей.

В 1918 году во время антисоветского городского восстания мост стал важнейшим стратегическим объектом, который подвергался мощному обстрелу с обеих сторон, но сохранил свои функции — главной железнодорожной переправы через Волгу.

В советский период он, как и все важные железнодорожные мосты, стал «особо охраняемым объектом» (с вооруженной охраной). Поэтому никакой речи и быть не могло о переходе горожан по нему на другой берег Волги. Впрочем, по воспоминаниям старожилов, отдельным категориям граждан, в том числе части студентов и преподавателей, выдавались особые пропуска для прохода по мосту. В 1972 году железнодорожный мост был расширен до двухпутного за счет изъятия тротуаров вдоль путей и прокладки на их месте второго пути. Осенью 2007 года была завершена реконструкция моста — старые фермы 1913 года были заменены на новые, более простой

и трапециевидной формы. К сожалению, из-за несогласованности действий железнодорожных начальников, городских чиновников и музейщиков в Ярославле не осталось даже небольшой части этих ферм, переживших артобстрел во время антисоветского мятежа в Ярославле в июле 1918 года, следы бомбардировок моста во время Великой Отечественной войны.

В начале 30-х годов на севере Ярославля предполагалось перегородить Волгу плотиной Ярославской ГЭС. Строительство началось в 1932 году самыми широкими темпами с привлечением большого количества рабочих, как правило, из бывших крестьян, спасавшихся от голода, коллективизации и политических преследований. С 1935 года на строительстве стали появляться заключённые ГУЛАГа. Но серия экспериментов, проведённых на базе бывшего Толгского монастыря, показала, что при поднятии уровня воды на 10 метров окажется под водой территория Константиновского НПЗ, часть Тутаева, а также Рыбинск и Молого-Шекснинская низменность. При подсчётах оказалось, что возможные потери будут больше, чем перенос плотины и ГЭС к Рыбинску. Поэтому в 1935 г. было принято решение о строительстве Рыбинской ГЭС. И это несмотря на то, что было выполнено до 60% всех запланированных работ по строительству гидроузла и рабочего посёлка.

На бывшей площадке Волгостроя решением правительства с 1936 г. началось строительство завода резиновой промышленности, впоследствии Резинотехника. А от бывшего строительства ГЭС осталось название Волгострой, как память об одном из самых грандиозных, но оставшемся незавершённом проекте на территории Ярославской области в XX веке. Кроме этого, сохранились и железнодорожные пути, построенные к 1933 г. По ним в своё время подвозили грузы и людей на строительство ГЭС. Наличие обходной железнодорожной линии на обоих берегах Волги оказалось весьма кстати в годы войны с фашистской Германией.

Для современного читателя интересным будет то, что в годы Великой Отечественной войны на основе использования этой обходной железнодорожной линии был построен деревянный мост-дублёр. Длительное время все материалы о нём были строго секретными, а потому и недоступными для исследовате-

лей. Лишь в 90-е годы XX века часть этих материалов была рассекречена, что дало возможность приоткрыть одну из неизвестных страниц нашей ярославской истории.

Проектирование и строительство железнодорожного моста-дублера через Волгу в районе Ярославля производилось на случай выхода из строя основного однопутного моста, построенного еще в 1913 году. Само строительство было окутано высшей степенью секретности, а его невольные свидетели и участники были обязаны строго-настроено соблюдать военную тайну, за разглашение которой следовало суровое наказание. Поэтому столь долгое время эти данные и оставались малоизвестным фактом истории прошедшей войны.

В связи с этим необходимо обратиться к истории предприятия, на базе которого и происходило строительство этого моста, известного у ярославцев как Завод 50.

Своему рождению завод обязан был реализации планов «сталинской индустриализации». Еще в годы первой пятилетки Наркомат путей сообщения (НКПС) принял решение о создании крупного по тому времени мостового предприятия — Центральной базы НКПС. В это время планировалось восстановление и начало реконструкции железных дорог Урала, Донбасса, Кузбасса, а также новое строительство в восточных и северных районах страны железнодорожных магистралей. База была призвана изготавливать специальное оборудование и металлоконструкции для строительства и реконструкции мостов. Для реализации этого проекта руководство Северной железной дороги получило большой земельный участок близ ст. Филино в двух километрах от Волги. Первыми строились бараки для рабочих, располагавшиеся около бывшего филинского песчаного карьера. Сначала здесь не было даже подъездной дороги. Строители (из Ярославля их доставляли поездом, из Заволжья — шли пешком) к назначенному месту пробивались по узкой тропинке, через непролазный чапыжник, мимо мощных сосен. Руководство строительством мостовой базы НКПС доверили молодому инженеру Б.П. Платову. За годы первой пятилетки на территории бывшего глухого леса закончилось возведение зданий и сооружений специального назначения, началось строительство первых деревянных жилых домов (вместо бараков). Построенные в короткие сроки

первые два небольших цеха, несмотря на более чем скромное оборудование, выпускали в год свыше тысячи тонн металлоконструкций. Впоследствии здесь впервые в СССР начали изготавливать специальную оснастку и приспособления для проведения работ по сборке и испытанию мостовых конструкций в полигонных условиях.

Накануне войны, в 1938 году, произошло дальнейшее углубление специализации предприятия — изготовление комплектных мостовых конструкций, а затем — стационарных платформ для обустройства погрузочно-разгрузочных площадок на железных дорогах страны (именно они были наиболее востребованы в годы войны). 9 мая 1941 года приказом НКПС филинская Центральная база была переименована в Завод 50.

В условиях начавшейся войны значительно возросла угроза налётов на Ярославль фашистской авиации. Возникли трудности и пропуска непрерывного потока грузов на фронт, и движущегося на восток эвакуированного населения, и имущества предприятий по однопутному мосту через Волгу. Все это вызывало настоятельную необходимость сооружения моста-дублера. Решено было строить его у посёлка Павловское — там, где сейчас находится мостоотряд № 6. На левом берегу Волги мост должен был выйти к небольшой деревне Жеребково, недалеко от Толгского монастыря.

Церковная легенда гласит, что именно здесь в 1314 году с правого берега реки Волги на левый за одну ночь был перекинут мост. Об этом в 1910 г., кстати, сказал при торжественной закладке железнодорожного моста уже упоминавшийся священник о. Дмитрий (Давыдовский): «... Но то был мост не вещественный, нерукотворный, созданный по особому изволению Божию из «огустевшего водного естества» для перехода одной благочестивой личности, епископа Ростовского Трифона».

Советским строителям эта легенда, естественно, не была известна, да и вряд ли бы они понадеялись на помощь Божию. Строительство развернулось на территории учебного полигона, где раньше проходили практику солдаты 15-го отдельного мостового полка, который располагался недалеко от посёлка Шевелюха.

К этому времени завод обладал уже опытными инженерно-конструкторскими кадрами. В начале войны сюда прибыли специалисты с расформированных мостопоездов, строивших перед войной мосты в западных районах страны. Таким образом созданся мощный «мозговой центр». Активно участвовал в проектировании и строительстве моста инженер Ф. Е. Козлянский (в то время начальник производственно-технического отдела, будущий директор завода). Были спроектированы и изготовлены нетиповые, разных конструктивных решений пролетные строения. В частности, самые ответственные опоры под пролетные строения длиной 109,2 метров (для прохода судов), весом более 600 тонн, судходного моста-дублера были выполнены по проекту Ф. Е. Козлянского. В цехах завода срочно изготовили около тридцати малых пролетных строений по 23 метра каждое, клепаные элементы опорных раскосов судходного пролетного строения длиной более 109 метров. Кстати, большую часть работ, в том числе наиболее ответственных, инженеры и рабочие завода были вынуждены в сверхкратчайшие сроки выполнять самостоятельно, так как планировавшиеся к прибытию из эвакуации оборудование и комплектующие опоздали.

Было принято решение использовать рязи, т. е. укладываемые на дно реки деревянные конструкции, напоминающие колодцы. В них, состоящих из прочно скреплённых между собой брёвен, засыпали песок и камень. Появившиеся таким образом рукотворные островки среди реки служили основой для деревянных опор моста, и уже на них накатывали с помощью понтонов металлические пролётные строения.

Строителям моста приходилось работать в чрезвычайно тяжелых условиях, под налетами вражеской авиации. Осенняя непогода, грязь, дожди, бездорожье задерживали подвоз строительных материалов и продовольствия. Вскоре начались сильные морозы, снежные заносы затрудняли работы, сложно было справиться с глубоко промерзшей землей. Среди строителей моста развернулось настоящее соревнование за ускоренные сроки его введения в строй. Массовый трудовой героизм ярославцев в это время отразил в своих стихах местный поэт Н. Хаунен:

ГОРОД ЛЮБИМЫЙ, ТЫ В СЕРДЦЕ МОЕМ,
КАЖДАЯ УЛИЦА, КАЖДЫЙ ДОМ.

ДРЕВНИЙ, ТЫ ЗНАЧИМ СВОЕЙ КРАСОТОЙ,
МЫ ПОРОДНИЛИСЬ С ДЕТСТВА С ТОБОЙ,
МЫ ПОКЛЯЛИСЬ ТЕБЕ, ГОРОД РОДНОЙ,
ВСТАТЬ ЗА ТЕБЯ НЕПРИСТУПНОЙ СТЕНОЙ,
ЧТОБ ДО ПОСЛЕДНЕГО БИЛИСЬ С ВРАГОМ
КАЖДАЯ УЛИЦА, КАЖДЫЙ ДОМ.
В ГОРОД ЛЮБИМЫЙ ВРАГУ НЕ ПРОЙТИ
— СТРОИМ ПРЕГРАДЫ ЕМУ НА ПУТИ.
ГИБЕЛЮ БУДЕТ ВРАГА ВСТРЕЧАТЬ
ПОДСТУПОВ К ГОРОДУ КАЖДАЯ ПЯДЬ.
НАМ НЕ СТРАШНЫ НИ МОРОЗ, НИ МЕТЕЛЬ,
ВСТАЛА ПРЕД НАМИ СВЯЩЕННАЯ ЦЕЛЬ
-МЫ ОТСТОИМ И В БОЯХ, И ТРУДОМ
КАЖДЮЮ УЛИЦУ, КАЖДЫЙ ДОМ.

Н. С. Патоличев, первый секретарь обкома ВКП(б), в своей книге «Испытание на зрелость» отмечал, что особую опасность представляли налеты вражеской авиации. В первые месяцы войны не проходило ни одного дня и ночи без воздушной тревоги. Только в октябре 1941 года было совершено около 100 налетов немецких самолетов, групповых и одиночных, в результате чего погибли 327 человек, 552 — получили ранения, было разбито 15 жилых домов, 4 вокзала, 175 вагонов. Наиболее усиленным бомбардировкам подвергались промышленные зоны и железная дорога, которая являлась главным объектом налетов авиации. За годы войны на нее было совершено 240 налетов, разрушено 3 паровозных депо, 69 станций, вокзалов и других служебно-технических зданий, 15,5 км пути, два моста, 31 паровоз, 12 пунктов водоснабжения, 1252 вагона. Противовоздушной обороной города было сбито 27 самолетов врага. Небо над Ярославлем было хорошо защищено: активно действовали войска ПВО, летчики, которые с особой стойкостью защищали город. Ярославцы стали свидетелями двух таранов вражеских самолетов советскими летчиками Г. А. Троицким и Ахмед-хан-Султаном, которым за этот подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сжатые сроки – к началу 1942 года – временный мост-дублер был сооружен. Он был испытан и обкатан поездными нагрузками на обходном железнодорожном пути и всю войну

являлся резервным сооружением на случай разрушения постоянного моста через Волгу в Ярославле. (В 2000 году на конференции военных историков в ЯГПУ, где автором впервые были сообщены данные о мосте-дублере, к нему подошел профессор ЯГПУ Л. В. Сретенский и сообщил, что он сам не только видел этот мост, но и неоднократно проезжал по нему, так как в годы войны работал помощником машиниста паровоза).

Уникальные разработки Завода 50 широко использовались в годы Великой Отечественной войны. Именно они дали возможность специализированным проектным организациям запроектировать новые типы многорешетчатых пролетных строений, которые начали выпускаться заводом и другими предприятиями металлоконструкций. С 1943 года они в массовом количестве использовались для временного восстановления почти всех разрушенных мостов в период победного выступления нашей армии. Заводские монтажники оказывали непосредственную помощь фронтовым мостостроителям.

Ярославское изобретение — «продольная накатка ферм с последующим опусканием их на опоры паровыми кранами» — с успехом использовалось при восстановлении разрушенных мостов через р. Онегу и к ст. Вонгуда Кировской железной дороги, р. Оку у города Белеева, р. Угру у ст. Тихонова Пустынь Московско-Киевской железной дороги, р. Оку у города Алексин и через Москву-реку у города Яхромы и т. д.

Коллектив Завода 50 в годы войны изготавливал металлические фермы железнодорожных мостов. За это время было выпущено 12506 разборных мостов малых и средних пролетов, отправлено на фронт 4757 вагонов различных конструкций мостовых ферм, 28032 погонных метра мостов. Из ферм и комплектующих, произведенных Заводом 50, были восстановлены железнодорожные мосты через Дон, Северный Донец, Сож, Западную Двину у Риги, пять мостов через Днепр (возле Смоленска, под Киевом, у Черкасс, Кременчуга, Могилева) и др. Заводом было подготовлено большое количество спецформирований для НКПС и железнодорожных частей Красной Армии.

Вскоре после войны – в 1947–1948 гг. – мост-дублер разобрали. В этих работах участвовали и старшеклассники ярославской средней школы № 36 под руководством В. С. Латыше-

ва. Заработанные деньги пошли на организацию походов и поездок по местам боевых действий, воинских частей, сформированных в годы Великой Отечественной войны на территории Ярославской области. Разобранные пролёты и опоры моста использовались для реконструкции и строительства новых мостов.

В 2005 году железнодорожная линия на обоих берегах Волги была обновлена. Обе её части оказались соединёнными уникальным понтонным мостом, по которому прошли пробные железнодорожные составы. Это было элементом крупных учений воинов-железнодорожников с участием базирующегося недалеко от Шевелюхи Испытательного Центра железнодорожных войск РФ.

В 1977 году было построено трехэтажное здание ЦНТИ — Центра научно-технической информации. Крупное современное здание, облицованное светлыми плитами, с открытой галерей по первому этажу и обилием стекла на верхних этажах довольно удачно вписалось в окружающую застройку и панораму набережной.

Нельзя не отметить, что, особенно до революции, ярославцев привлекала и дальнейшая часть набережной — так называемая Полушкина роща. Название это встречается еще в XVIII веке: данной территорией владел ярославский купец Полушкин — отчим Федора Волкова. В XIX веке эта территория становится любимым местом отдыха и гуляний ярославцев, куда они, «вооруженные» самоварами, приходили с детьми на отдых на целый день. Кроме того, эта территория стала и местом организации и проведения различных выставок и ярмарок, которыми всегда славился Ярославль. О размахе этих мероприятий свидетельствует тот факт, что они были посещаемы не только ярославцами, но и важными персонами, приезжавшими в наш город. В частности, в 1913 году среди наиболее важных объектов, предложенных для посещения императору Николаю II, была и ярмарка-выставка ярославских товаров, устроенная в Полушкиной роще и имевшая вид ярмарочного комплекса в древнерусском стиле.

К сожалению, в советское время новые власти предпочли здесь расположить целый комплекс не самых лучших в

экологическом отношении предприятий, что лишило ярославцев традиционной и любимой зоны отдыха.

На рубеже XX–XXI века остро стал вопрос о строительстве дополнительного моста через Волгу. Первоначально, ещё в середине XX века, его предполагалось соорудить в районе посёлка Сокол, для чего впоследствии проложенный проспект Фрунзе имел в этом месте соответствующую съездам с моста конфигурацию. Однако было принято решение о возведении нового моста вверх по течению реки Волги на оконечности так называемой Полушкиной рощи.

13 октября 2006 г. президент Российской Федерации В. В. Путин торжественно открыл автодорожный мост «Юбилейный», длиной 733 метра, а массой 10,4 тыс. тонн. Приурочено это было к подготовке 1000-летия Ярославля. Но бурными темпами продолжалось строительство развязок и отводки с юго-западной окружной дороги, строительство которых было завершено к августу 2010 года. Этот мост соединяет Дзержинский и Заволжский районы города и является частью федеральной трассы М8 – Москва-Холмогоры.

Одним из главных объектов, реконструкция которых была приурочена к 1000-летию юбилею города, была Волжская набережная – неотъемлемая часть исторического центра города, его речной «фасад». Основной задачей проектировщиков и строителей было сохранить историческую ценность набережной, органично вплетая новые сооружения, которые расположены в охраняемой ЮНЕСКО части исторического центра города. В начале реконструкции были проведены противооползневые мероприятия и прокладка инженерных коммуникаций, затем обновлено бетонное покрытие, благоустройство, укрепление откосов между хорошо просматривающимися верхним и нижним ярусами. На нижнем ярусе были сооружены прогулочные и обзорные площадки, расширившие берег на 7 м в сторону Волги, а пешеходная зона занимает 5 м. Связь между верхним и нижним ярусом осуществляется посредством лестничных сходов и съездов. У подножия лестниц предусмотрены ниши, в которых разместились скамейки для отдыха, вазоны с декоративными композициями из живых цветов. Смотровые

площадки, лестницы, спуски к воде вымощены плитами разных контрастных цветов.

На этом, пожалуй, можно завершить наш рассказ о достопримечательностях и интересных местах главной ярославской набережной – Волжской.

Вид на Волжскую набережную с Верхнего острова. Фото 1890-1900-х гг.

Здание глазной лечебницы. Нач. XX века

Дом общества врачей. Нач. XX века

Губернаторский дом. Нач. XX века

Мякушкинский спуск и Волжская беседка. Нач. XX века

Церковь Николы Надеина. Фото 1880-х гг.

Церковь Рождества Христова. Фото. Нач. XX века

Волжская набережная. Семеновский мост. Фото нач. XX века

Здание женского духовного училища. Фото 1890-х гг.

Железнодорожный «Мост Императора Николая II» через Волгу в Ярославле. Открытка 1913 г.

Глава IV

Первомайский бульвар

Первомайский бульвар заслуженно считается любимым местом отдыха ярославцев всех возрастов.

Если взглянуть на древнюю карту междуречья Волги и Которосли, то невольно обращаешь внимание на то, как сильно были изрезаны берега этих рек впадавшими в них мелкими речками и ручьями, а также змеившимися к берегам рек Волги и Которосли оврагами.

К XIII веку были возведены и первые земляные укрепления посада, при сооружении которых активно использовались имеющиеся складки местности. Так, в частности, глубокий овраг (совр. Красный спуск), выходящий на берег Волги, стал границей посада на северо-востоке, а низменность, звавшаяся Волосовой (Велесовой) долиной (совр. пл. Волкова, ул. Комсомольская), – естественным продолжением его укреплений. На юге границы посада проходили близ восточной стены основанного здесь Спасского монастыря. Традиционными укреплениями в это время был глубокий ров и насыпной (или естественный) вал. По уже устоявшейся традиции вдоль оборонительных сооружений с их внешней стороны проходила дорога, в данном случае к Волжскому перевозу.

В 1530-е годы многие русские города, в том числе и Ярославль, по приказу матери малолетнего Ивана IV Елены Глинской строят новые или укрепляют старые оборонительные сооружения. В это время углубляется ров и «насыпается» вал на границах посада, соединяя берега Волги и Которосли (по линии современного Первомайского бульвара) значительными для того времени оборонительными сооружениями, в том числе и проездными башнями. Каменными укреплениями и прочной высокой стеной обладал только Спасский монастырь. Городские же укрепления, в частности Земляного города, не являлись достаточно мощными и не обеспечивали в полной мере обороны города. Кроме того, местные власти не уделяли должного внимания и ремонту рвов, вала и тына (деревянной стены по верху вала).

К началу XVII века, в 1606 году, оборонительные сооружения характеризовались так: «В Ярославле есть крепость, довольно обширна, но слабая, каменных зданий нет, кроме одного монастыря, обнесенного каменной стеной, замок сгнил (Рубленный город), ограда его обвалилась... крепость обнесена низким валом». По словам Генриха Штадена, также побывавшего здесь в это время, «Ярославль – город и кремль – деревянный, без артиллерии».

В конце октября – начале ноября 1608 года Ярославль был сдан без боя войскам «тушинского вора» – Лжедмитрия II. Однако существует свидетельство того, что ярославцы пытались создать ополчение и даже вышли к Туговой горе навстречу противнику, но под влиянием жителей зажиточной части города вынуждены были вернуться в Ярославль. На это, по-видимому, повлияла жестокая расправа с ростовцами, когда «не давали никому пощады, истребили около 2-х тысяч народа и детей боярских». Ростов был «весь вырезан и сожжен». Ярославль дал захватчикам «откупного» – 30 тысяч рублей серебром и тысячу всадников «конно, людно и оружно» в Тушинский лагерь.

Но вскоре в Ярославле и других городах Заволжья начинает расти недовольство откровенно грабительским хозяйничаньем захватчиков. Весной 1609 года в Вологде было сформировано ополчение Никиты Вышеславцева, которое, освободив Романов (ныне Тутаев – где со времен Ивана IV жили служилые татары, татарские мурзы с воинством, активно поддерживавшие поляков), подошло к Ярославлю. 2-го апреля с радостью, хлебом-солью встретили ярославцы ополчение Вышеславцева. Поляки вынуждены были бежать за его пределы. Руководители ополчения понимали стратегическое значение Ярославля и поэтому сразу же «острог (крепость) почали делать». Земляной город был окружен восстановленными «рвом и валом с острогом» (в данном случае укрепление из заостренных сверху вала бревен, плотно, одно возле другого стоймя вкопанных в землю). Была восстановлена и укреплена Семеновская проездная башня, которая находилась в зоне современного пешеходного перехода линий Первомайского бульвара на Красной площади. Свое название она получила от находившейся неподалеку церкви Симе-

она-столпника (на месте современного «дома с аркой» и памятника В.И.Ленину).

После безуспешных попыток взять город в конце апреля 1 мая 1609 г. поляки смогли прорваться в город. В этот день основные силы защитников обороняли Власьевскую (Знаменскую) башню, где, как они считали, интервенты сосредоточили главные силы. Но в ночь на 1-е мая, воспользовавшись замешательством осажденных, тушивших пожары, служка Спасского монастыря — Григорий Каловский — «Семеновские ворота отворил и воров в острог пустил». Защитники города частью скрылись в укреплениях Рубленого города и Спасского монастыря, а частью пытались спастись на лодках, но были зверски перебиты поляками на берегу Волги.

Вновь оборонительные сооружения были востребованы в 1612 году, когда на 4 месяца (с конца марта до конца июля) Ярославль стал временной столицей всех русских земель, освобожденных от поляков. За это время существенно были усилены и укрепления Земляного города. Роспись города, составленная в 1658 году, свидетельствует о том, что «в Ярославле два города деревянные (Кремль или Рубленый город и Земляной город)... в одном Кремле городе две башни проезжие, да десять башен глухих... в большом другом городе 5 башен проезжие да двадцать башен глухих... и те оба города гораздо ветхи и погнили, и башни во многих местах обвалились, а иные башни и в прошлых годах, при прежних воеводах сгорели и бурею раскрыло и ноне и достальные башни от реки Волги пошатились и чают им развалитца вскоре...».

«Великий пожар» 1658 года уничтожил почти все укрепления Земляного города. Ярославцы активно занялись восстановлением своих жилищ и оборонительных сооружений. До конца 1660-х годов в городе по царскому указу было велено «восстановить городские укрепления и вместо деревянных башен на тех же местах построить каменные, стен между ними не делать, но повесить валы и углубить рвы». Было построено 19 каменных башен: 10 глухих и две проездные (Семеновская и Власьевская) – на валах укрепления посада; две глухие – по берегу Которосли, две проездные (Волжская и Подзеленская) – со стороны Которосли и три башни, одна проезжая – в Кремле. Но

все это строительство оказалось запоздалым и ненужным: история распорядилась так, что Ярославлю больше никогда не пришлось отражать нападения неприятеля.

В конце XVII–XVIII веков оборонительным сооружениям города уделялось все меньшее внимание. К концу XVIII века многие из них, кроме каменных, владели жалкое существование: ров давно не чистился и не обновлялся, а потому был похож на застоявшееся болото, его края обсыпались, превращая его берега в овраги, да и сам вал без восстановительных работ обваливался и уже не выполнял своих функций. Экономическое развитие города требовало иных подходов к его планированию и застройке, оставляя без внимания резко снизившуюся значимость оборонительных сооружений. Важное значение для развития Ярославля имела деятельность императрицы Екатерины II, отмечавшей его значительность и важность расположения, но неудовлетворительные постройки.

К началу XIX века большая часть оборонительных сооружений была скрыта (от Угличской башни до Знаменской). Вскоре после вступления в должность ярославский губернатор А. М. Безобразов предложил скрыть вал, засыпать ров и тем самым благоустроить эту часть города. В течение лета 1820 года вал был скрыт солдатами Нарвского полка, стоявшего в Ярославле. Но в результате ярославцы тех лет увидели огромное пустое пространство, раскинувшееся под Знаменской башней до берега Волги. Вариантов было много, в одном из самых «выгодных» предлагалось построить это место десятками домов, в том числе доходными (сдававшимися внаем).

Но молва приписывает А. М. Безобразову решение этой проблемы совсем по-другому. Вспомнили, что парижане после уничтожения своих крепостных стен разбили на их месте зеленые аллеи (такие посадки они называли бульварами). И вот Ярославль решил последовать этому примеру. Деревья (липы), обязательно уже подростшие, были взяты из сада близ Сретенской церкви (Депутатский переулок). «Сад под липами» был устроен как место отдыха горожан еще в конце XVIII века — сразу после завершения строительства комплекса присутственных мест и Дома призрения ближнего (совр. угол ул. Кирова и Андропова, где размещен физфак и приемная комиссия ЯрГУ). Таким обра-

зом постепенно появились три аллеи, начинавшиеся от современного театра. Они прерывались Семеновской площадью (совр. Красная), сооруженной на месте снесенной каменной проездной Семеновской башни. Со стороны Стрелецкой улицы (совр. Ушинского) образовалась территория, где решили не устраивать аллеи, а оставить площадку открытой.

Новый бульвар называли Стрелецким (по наименованию бывшей слободы и одноименной улицы, находившейся сразу же за рвом) или Казанским (в честь Казанского монастыря, находившегося рядом). В середине XIX века бульвар имел сложившиеся липовые аллеи, зеленые лужайки, кусты шиповника и сирени, создававшие впечатление настоящего сада.

Бульвар, несмотря на более чем серьезное монастырское соседство, вскоре превратился в одно из наиболее привлекательных мест отдыха ярославцев. Он являл собой и весьма выгодное место для расположения здесь коммерческих развлекательных структур. В частности, недалеко от театра была образована детская площадка, вскоре ставшая наиболее посещаемым местом бульвара с раннего утра. Здесь всегда в сопровождении гувернанток и нянь было много детей – посетителей простых аттракционов.

Пятого ноября 1850 года на бульваре тщанием «турецкого подданного В. В. Соломонского» открылся цирк. По его ходатайству городская управа разрешила устроить здесь временное деревянное сооружение сроком на 2 летних месяца. Когда время истекло, строение цирка, надо полагать, к немалому огорчению горожан, привыкших к нему, было разобрано.

Но это зародило традицию постройки здесь легких деревянных сезонных (летних) сооружений. Вскоре здесь появились беседки для продажи прохладительных напитков, эстрада для духового оркестра, а также временный ресторан.

В начале XX века участок бульвара, носивший название «сад при бульваре» (напротив совр. улицы Некрасова), взял в аренду у города немецкий предприниматель А. К. Бутлер. Вскоре это место прославилось своим рестораном и летним синема-тографом – кинозалом. Заведение это имело вид самый демократичный: на открытой эстраде крепилось полотно (экран), под навесом (на случай дождя) были устроены лавки с деревянной

будкой сзади, где располагалась проекционная аппаратура. Оно привлекало своей доступностью самую различную публику, чего нельзя было сказать о бульваре в целом.

Для прогулок по бульвару, как, впрочем, и набережной Волги, существовала негласная регламентация: гулять здесь могла лишь «почтенная» публика под бдительным надзором полиции. Вдоль бульвара были развешаны таблички: «По траве не ходить», «Собак не водить» (кстати, в Ростове Великом в это же время существовал городской парк, который имел при входе предостерегающую надпись: «Вход с собаками и мастеровым – запрещен»).

Вдоль бульвара по аллеям прогуливались купцы со своими женами, местные аристократки демонстрировали последние парижские моды, молодые офицеры высматривали себе невест...

В 1908 году уже знакомый нам А. К. Бутлер с разрешения городских властей устроил при своем ресторане стационарный летний кинотеатр (необходимо заметить, что «обустроить» бульвар на свой лад пытались и другие претенденты, в том числе хорошо известные в Ярославле Либкен, Окерблум и др., – но они почему-то так и не смогли получить разрешение). В это время город переживал настоящий бум, связанный с установкой электрических фонарей на основных улицах и площадях города. Были они установлены и на дорожках бульвара, и в саду при бульваре.

В 1910 году территория бульвара со стороны Стрелецкой улицы была украшена кованой оградой. Вход со стороны этой улицы оформили в виде ажурной арки, которая просуществовала до 1983 года, когда ограда была заменена обычным железным забором.

В этом же 1910 году в саду построили большую красивую эстраду с садовыми диванами перед ней. Специальным решением городской думы от 2 мая 1911 года здесь могли играть полковые духовые оркестры с первого мая до первого сентября в вечернее время с 17–18 часов до 22–23 часов за определенную плату. Это еще больше усилило привлекательность бульвара, куда после пешеходных прогулок по Волжской набережной и бульвару горожане приходили насладиться духовой музыкой, переку-

сидеть в павильонах, отдохнуть и хорошо, неспешно закусить дорогое вино в ресторане. Сад являл собой вид необыкновенный: яркие цветники, фонтаны, фонари по вечерам – всё это радовало глаз.

В 1914 году электрический синемаграф «Рекорд» в соответствии с соглашением был передан городу Бутлером безвозмездно, но в целях поддержания соответствующего порядка театр несколько раз сдавался в аренду, в т.ч. московским купцам. Арендуя, они вкладывали большие деньги в ремонт кровли, стен, планируя впоследствии выкупить его у города, но помешала революция, затем мятеж 1918 года, что привело к разрушению и запустению бульвара и сада при нем, где уже не было ни сада, ни ресторана Бутлера, которые сгорели. Исчезли цветники и фонтаны, и лишь эстрада одиноко стояла в стороне...

В 1928 году на бульваре, получившем весной 1918 года новое наименование – Первомайский (в честь демонстрации молодежи 1 мая 1905 г., разогнанной казаками), появился кинотеатр «Скиф». Бульвар постепенно был восстановлен с помощью субботников и воскресников: убрали мусор, провели электроосвещение, произвели посадку деревьев и кустарников.

Весной 1938 года здесь началось строительство огромного для того времени здания кинотеатра (с залом на 900 мест), получившего наименование «Летний», так как работал он только в теплое время года и был пущен в строй весной 1940 года. Этот кинотеатр пользовался огромной популярностью, потому что был «первым экраном» в городе для всех новых фильмов. В мае 1973 года его снесли, а вслед за ним и эстраду. Одновременно с этим «привели в порядок» и территорию бывшего сада при бульваре – убрали цветники, клумбы, посадили новые деревья. Однако вместе с этим была забыта и традиция, когда рядом с «Летним» устраивалось несколько павильонов сменяющих друг друга предлагаемых товаров и услуг, в результате чего была создана своя неповторимая зона отдыха...

До наших дней сохранилась лишь детская площадка с небольшим набором аттракционов, но в отсутствии соответствующей инфраструктуры она уже не имеет того значения, которое придавалось детскому отдыху ранее.

С 1974 года территория бульвара и сада опять стала пустой, и лишь в последние годы в летнее время запестрела палатками различных цветов, приглашающих угоститься прохладительными напитками, пивом.

Недалеко от детского городка на бульваре летом 2009 г. был открыт памятник святым Петру и Февронье. Это произошло через год после того, как в России 8 июля 2008 г. был официально учреждён День семьи в честь муромской княжеской четы Петра и Февроньи. Это стало своего рода русским ответом католическому святому Валентину.

В 2009 г. памятники этим русским святым одновременно с Ярославем появились ещё в 11 городах. С этого времени в Ярославле, как и во всей России, принято чествовать супружеские пары, которые прожили в любви и согласии не один десяток лет. В этот день, по уже устоявшейся традиции, в городе устраивается своеобразный фольклорный «микс», включающий в себя игру-экскурсию с традиционными для русских сказок Иваном да Марьей. По ходу игры они встречают гостей, ищут своё счастье, приглашая на поиск пера жар-птицы и выбор царевны в жёны. Также в этот день в городе можно принять участие в конкурсной программе «Ярослав и Ярославна», увидеть старинные свадебные обряды, участвовать в постановочных играх «Амур-тужур», «Семёновна», «Разгуляиха», а также выиграть на память об этом дне подарочную «февроньку».

А предыстория этого праздника такова. Современник Ивана Грозного – Ерма-Ерезм на основе устной легенды составил «Повесть о Петре и Февронье», ставшую памятником древнерусской литературы XVI века. В соответствии с легендой, в городе Муроме княжил Пётр и, спасая свой город, победил «коварного змея – неприязненного». Но вскоре Пётр покрылся язвами и очень тяжело заболел, да так, что ни один лекарь не мог излечить его. Вскоре до Петра дошла молва о том, что в Рязанской земле живёт искусная девушка, по имени Февронья. Она хорошо знала силу трав и снадобий. За обещание жениться на ней Февронья вылечила князя. Но, оправившись от болезней, Пётр забыл о своём слове, и болезнь вернулась к нему. Князь понял, что это наказание за обман Февроньи. Он опять нашёл

девушку и женился на ней. Но бояре, узнав о столь неравном браке (женитьба князя на простой крестьянке), решили избавиться от худородной княгини. Слух этот дошёл до Петра. Но князь так полюбил девушку, что даже отказался от своего княжества и ушёл с ней в «мир». Оставшись без князя, бояре и муромский народ одумались, покаялись перед князем и его женой и умолили Петра и Февронью вернуться на княжество. Легенда гласит, что Пётр и Февронья жили в любви и согласии. И лишь об одном они молили Бога – чтобы дал им умереть в один день. Так оно и случилось. Ещё при жизни Пётр заказал особый единый гроб для себя и жены, чтобы не разлучаться даже после смерти. Но в нарушение его последней воли самого Петра похоронили в Муроме, а Февронью, как простую крестьянку, за городом. Но уже на следующее утро после похорон произошло чудо: тела князя и княгини нашли внутри города в соборной церкви Пречистой Богородицы и в едином гробу.

На состоявшемся в 1547 г. церковном соборе Пётр и Февронья были причислены к лику святых православной церкви. До сих пор их мощи пребывают в Муроме, и каждый, кто мечтает о счастливой семейной жизни и вечной любви, просит покровительства у этих святых.

На месте бывшего кинотеатра «Летний» появилось здание современной архитектуры, которое достаточно хорошо известно ярославцам, хотя и неоднозначно ими воспринимается – развлекательный центр «Горка». Невысокое здание вытянуто вдоль бульвара – его крыша словно вырастает из аллеи. Его стеклянные стены отражают деревья, и кажется, что здание – часть парка. По крыше «Горки» молодые ярославцы могут кататься на скейтах, роликах, велосипедах. На земле лишь небольшая часть, а под землёй и боулинг на 8 дорожек, и ресторан на 220 мест. По мнению автора проекта Григория Дайнова, резервы для застройки центра Ярославля ещё есть, так как в нём довольно много свободного внутриквартального пространства. По его мнению, в исторической городской среде может и должна появляться современная архитектура. Кстати, Григорий Дайнов является автором знаменитой часовни в честь иконы Казанской Божьей Матери, которая установлена на берегу реки Которосль, напротив Спасского монастыря.

В середине мая 2009 г. находившиеся в Ярославле эксперты ЮНЕСКО особо отметили в своём заключении «как негативный пример строительства в историческом центре зданий из стекла и бетона – развлекательный центр на Первомайском бульваре».

Казанский бульвар. 1904 – 1909 гг.

Сад на Казанском бульваре. Фото начала 1900-х гг.

Эстрада и гуляющая публика на Казанском бульваре. 1890-1900-е гг.

Ресторан Бутлера в саду при Казанском бульваре в Ярославле. 1904–1909 гг.

Ярославль.

Ильинская улица бульварь.

Семеновская площадь. Вид на Дом офицеров (в центре) и бульвар справа.
Фото нач. XX века

г. Ярославль Волжский бульварь имени Н. А Некрасова.

Волжский бульвар им. Н.А. Некрасова от Красной площади до Волжской набережной. Открытка нач. XX века

Глава V

Первомайская улица

Первомайская улица (бывш. Казанская) соединяет берега Волги и Которосли и тянется вдоль линии бывших укреплений Земляного города. Ее застройка складывалась с начала XIX века, значительно обновившись к концу XIX – началу XX вв. Имеются на ней постройки и советского периода.

Недалеко от памятника Н. А. Некрасову с отступом внутрь квартала расположен бывший особняк Огняновых, живших там до революции (в настоящее время его занимает Международный университет бизнеса и новых технологий). Дом был построен во второй половине XIX века, его архитектура выдержана в стиле Ренессанса: фасады оформлены пилястрами, полуколоннами, рустом, лепниной, богатым карнизом. Все это и по сей день придает зданию определенное своеобразие, даже вычурность.

Хозяин особняка был единственным в городе (на 1904 год), кто занимался банковскими операциями. Но ярославцам было несвойственно посвящать себя только одному коммерческому направлению: многие стремились совмещать разные виды предпринимательства. Так и Михаил Кириякович Огнянов помимо банковских операций занимался – и весьма активно – торговлей чаем. Его сын Дмитрий Михайлович был женат на Серафиме Георгиевне, урожденной Лопатиной (владельцы подмосковных суконных предприятий), а по матери – Локаловой (основатели Гаврилов-Ямской текстильной мануфактуры). Такие родственные корни дали «взрывчатую» смесь — хозяйка дома пользовалась в городе скандальной известностью, имела скверный, взбалмошный характер. Одним из первых пострадал от этого муж, который на нервной почве частично лишился дара речи, да и дети (в семье было 8 дочерей и один сын) понимали, что прекословить матери было не только бесполезно, но и опасно. Поэтому они росли исключительно послушными (точнее запуганными). Все девочки закончили Мариинскую гимназию (совр. – банк «Югра» и исторический факультет ЯрГУ им. Демидова) с золотыми медалями (кроме самой младшей). Замуж удалось

выйти только старшей. Слухи о буйном нраве хозяйки доходили до горожан через прислугу, которая из-за издевательств, а иногда прямой угрозы жизни (разъяренная хозяйка могла запустить в «провинившегося» чем попало, что находилось под рукой) не выдерживала в этом доме более двух недель. Еще до революции усадьба Огняновых славилась своим парком. После революции он «принадлежал» одному из первенцев советского автомобилестроения – Ярославскому автозаводу. Автозавод Лебедева планировался к постройке еще в годы Первой мировой войны, но к 1916 году сложился как авторемонтные мастерские (в том числе и на базе эвакуированного в Ярославль из Риги подобного производства). С 1925 года он стал выпускать первые большегрузные советские автомобили, затем троллейбусы, а в годы Великой Отечественной войны — автоматы ППШ, детали к «катюшам», транспортные грузовики и т. д. С 1958 года завод превратился в моторный — завод по выпуску дизелей для большегрузных автомобилей.

Этот парк по традиции долго назывался Автозаводским, где днем играли дети, а по вечерам устраивались танцы для молодежи. Но постепенно, в 1970-80-х гг., он стал превращаться в танцплощадку «тех, кому за 30», поэтому и получил наименование среди горожан «Парк последней надежды» (кстати, это свое название он «перенял» от подобного парка, ранее располагавшегося в глубине квартала на Первомайском переулке, близ Казанского монастыря). А молодежь перешла в парк, находившийся рядом с самым популярным («модным») в 1970–80-е гг. кинотеатром в Ярославле — кинотеатром «Родина» (на месте современного ТЦ «Флагман»).

В 1990-е гг. Автозаводской парк был реконструирован и в нем установили «Камень Дружбы», перенесенный с площадки у Знаменской башни, в который вмонтированы капсулы с землей из городов-побратимов Ярославля: Ювяскюля (Финляндия), Пуатье (Франция), Эксетера (Великобритания), Касселя и Ханану (Германия), Коимбры (Португалия), Берлингтона (США). Здесь были посажены наиболее характерные для городов-побратимов породы деревьев, и с этого времени парк получил новое официальное название «Сад дружбы городов-побратимов».

В преддверии юбилея Ярославля камень был возвращён на площадку Знаменской башни, но уже без капсул с землёй городов-побратимов г. Ярославля.

На пересечении улиц Первомайской и Советской расположено очень представительное жилое здание, на первом этаже которого находится кафе «Босфор». Это название появилось совсем недавно, хотя и продолжило традиции еще дореволюционных времен, когда самые престижные (а иногда и не очень) «дома еды и отдыха» имели очень звучные заграничные названия. Строительство этого дома было закончено в 1941 году, накануне Великой Отечественной войны, завершив при этом оформление Красной площади.

Напротив находится Дом офицеров (ул. Первомайская, д. 11). Здание было построено в конце XVIII века помещиком Шубиным и первоначально имело два этажа (во второй половине XIX века оно было капитально перестроено, возведен 3-й этаж).

В начале XIX века здесь размещалось Дворянское собрание, где, пользуясь правом, данным им Екатериной II, собирались дворяне (для обсуждения своих проблем и отдыха). 24 июля 1812 года в Ярославле было созвано Дворянское собрание, где решался вопрос о численности ополчения (вместо предложенного одного из двадцати крестьян дворянство выделило одного из 25 крепостных) и избрали командира – полковника (в то время) Якова Ивановича Дедюлина.

Для формирования ополчения был создан «комитет Ярославской военной силы», который возглавил гражданский губернатор, князь Михаил Николаевич Голицын. Он являлся представителем крупного княжеского рода и владел имениями под Ярославлем – селом Богородицкое и усадьбой в селе Карабиха с винным производством. Военным руководителем ополчения был генерал-губернатор принц Георг Ольденбургский, женатый на родной сестре Александра I – Великой княгине Екатерине Павловне, которая слыла признанной красавицей и умницей и, как говорили при дворе царя, являла собой «смесь Петра Великого, Екатерины II и Александра I». Сразу же после свадьбы 18 апреля 1809 г. он был назначен генерал-губернатором трёх губерний – Новгородской, Тверской и Ярославской - и одновременно стал главноуправляющим путей сообщения.

26 июля 1812 года принц Ольденбургский с женой прибыл в Ярославль и остановился в этом доме, который стал называться «Малым дворцом». Здесь 14 сентября 1812 года и родился их сын Петр, который стал впоследствии крупным государственным деятелем, меценатом и никогда не забывал о том, что родился в Ярославле (оказывал помощь учреждениям образования и культуры города).

Екатерина Павловна была инициатором формирования собственного батальона ополченцев за свой личный счёт. Это предусматривало полное обмундирование и снабжение ополченцев в течение всей войны. Предусматривалось также недопущение расформирования батальона по другим частям с жёстким условием сохранения единства батальона.

«В Малом дворце» располагалась канцелярия генерал-губернатора и Комитет ярославской военной силы, созданный 27 июля 1812 года.

Накануне Бородинского сражения в Ярославле начали появляться представители богатых аристократических родов, а с 15 августа – приезжие из Москвы становятся обычным явлением. С 1 сентября, по воспоминаниям современников, по дороге, шедший в Ярославль, в 3-4 ряда ехали экипажи и шли пешком люди, с имуществом и детьми. Так Ярославль оказался переполнен беженцами, и даже сам губернатор Москвы Ростопчин со своей семьёй в течение двух месяцев жил в Ярославле в усадьбе городского головы С. П. Матвиевского.

Первомайская (Казанская) улица начала застраиваться. К концу XVIII-началу XIX веков относится дом Бушкова (ул. Первомайская, 15). Именно тогда он был оформлен характерными для раннего классицизма широкими угловыми лопатками, а прямоугольные ниши — филенками. В середине XIX века фасады дома были частично переделаны уже в стиле позднего классицизма, для которого характерны штукатурные наличники окон и сандрики над ними.

Следующий дом – по ул. Первомайской, 15 — получил неофициальное название «дом Синклера» (по владельцу). Раньше на нем была установлена мемориальная доска, говорившая, что в этом доме, в здании редакции газеты «Северный край» (не

путать с современным печатным органом), работал В. Р. Менжинский – видный деятель Советской власти (сам он снимал квартиру в доме во дворе). По воспоминаниям современников, помещение редакции, располагавшееся на втором этаже, было достаточно просторным. Эта газета начала выходить с 1 декабря 1898 года и вскоре стала популярной не только в Ярославской губернии, но и в соседних, вплоть до Петербургской и Архангельской. Сразу же она приобрела ярко выраженный либеральный характер. И в этом была заслуга не только сотрудников редакции — ярославцев, но и большого количества корреспондентов, в силу разных причин живших в этих губерниях (на поселении, высылке, в ссылке). Сам Вячеслав Рудольфович в начале XX века служил юрисконсультom на Северной железной дороге и по совместительству участвовал в работе местной социал-демократической организации. В редакции он заведовал так называемым военным отделом, который приобрел особую популярность в годы русско-японской войны (1904-1905). Будучи европейски образованным человеком (знал несколько иностранных языков), он широко использовал публикации с русско-японского фронта европейских корреспондентов, которые с завидной откровенностью и лихостью критиковали российское военное командование, публикуя свои заметки в европейских газетах и журналах. По действовавшему тогда в России положению о печати, материалы, уже подвергавшиеся цензуре или напечатанные в других изданиях, не проверялись на лояльность властям местными правоохранительными структурами. Со ссылкой на первоисточник (европейский, разумеется) переводные статьи давали объективную картину военных действий на Дальнем Востоке. Эти публикации в немалой степени способствовали не только расширению числа подписчиков и читателей газеты, но и формированию общественного мнения в отношении к этой войне.

Ярославские социал-демократы, среди которых был и В. Р. Менжинский, часто посещали салоны местной аристократии, где велись беседы о будущем устройстве России, проводились диспуты. Их отголоски доходили и до начальствующих лиц губернии, тем более что сам Д. И. Шаховской, чьи салоны были наиболее посещаемы радикальными элементами, не скрывал

своего родства с декабристами. Неоднократно заходила здесь речь и о введении конституции, которая должна была изменить жизнь народа к лучшему. Местная полиция, а с ее подачи даже сам губернатор, не на шутку встревожились этими фактами и даже причислили князя Д. И. Шаховского к самым радикальным элементам, стоящим во главе Северного комитета РСДРП. В.Р. Менжинский активно участвовал в общественной жизни города. Известно, например, что он был среди организаторов по подготовке первомайской демонстрации рабочих весной 1905 года, прошедшей в окрестностях города. Поэтому неслучайным кажется тот факт, что демонстрация учащихся, проведенная в лодках на Волге, отчасти продолжилась и на Казанском бульваре. Но она очень скоро была разогнана полицией и казаками, а ее участники вынуждены были скрываться от ударов нагаек и палашей в подворотнях и дворах близлежащих домов. Немалая их часть нашла свое спасение и в редакции газеты «Северный край». Позднее Вячеслав Рудольфович писал: «Помню первомайскую демонстрацию на бульваре, как раз против редакции. Многие из избитых были перенесены в помещение редакции. И там им была оказана помощь».

В Ярославль как в важный общественно-политический центр страны неоднократно приезжали с выступлениями лидеры различных партий. Был среди них и известный политический деятель России того времени П.Н. Милюков — один из самых авторитетных руководителей партии кадетов. В свой приезд в 20-х числах октября 1905 г. он не только читал лекции перед общественностью города (в течение 2-х дней), но и посещал редакцию, где в руководстве были и члены этой партии. Его не только удивляло, но и восхищало, что «в провинции могла существовать такая смелая газета».

В октябре 1905 года в редакцию газеты неожиданно зашел жандармский унтер. Когда он поднимался по лестнице, кто-то как обычно крикнул «жандармы!», что означало «спасайся, кто может». Но на этот раз унтер повел себя как-то по-другому и потому странно: он снял шапку в передней и проговорил: «Наконец-то свобода. Поздравляю!» Вскоре в редакции было собрано совещание всех сотрудников, где было решено, что в связи с возможными выступлениями «черной сотни» — наиболее ради-

кальной части ярославского отдела «Союза русского народа», возглавляемого знаменитым ярославским глазным врачом Кацауровым, необходимо охранять редакцию дружинами вооруженных сотрудников. Кстати, вооруженные дружины различных партий, особенно радикальных – социал-демократов и социалистов-революционеров, появились в Ярославле и губернии еще весной 1905 года, когда их члены проводили «учения» за городом, чем вызвали немалый переполох полиции и жандармерии. В это время – осенью 1905 года – некоторые члены редакции не расставались с револьверами и даже бомбами и приходили в редакцию «увешанные оружием», а иногда и свои заметки писали, не снимая вооружения. В конторе газеты был даже установлен пулемет на случай неожиданного нападения со стороны черносотенцев или силовых структур.

В этом же доме в начале XX века активно действовал общедоступный театр, работавший на профессиональной основе. Его возникновение стало возможным благодаря деятельности ярославского хорового общества, имевшего определенное влияние на администрацию и чиновников города и губернии. Совет старшин этого общества также помещался в доме Синклера, т. е. был соседом редакции «Северного края».

Соседний дом – ул. Первомайская, 17 – также входил в состав усадебного комплекса купцов Пеговых. По традиции того времени, при усадьбах, даже расположенных в черте города, обязательно имелся небольшой парк или сад, принадлежавший владельцам.

Дом 17 первоначально был двухэтажным (третий и четвертый этажи надстроены в советское время), его фасады украшали пилястры и капители, которые в настоящее время частично утрачены. Окна были обрамлены прямоугольными рамками, в простенках располагались фигурные ниши. Все это свидетельствует о времени постройки данной усадьбы — конец XVIII-начало XIX веков. Эти элементы декора до сих пор восхищают тонким художественным вкусом, которым обладал как заказчик, так и исполнитель. Поздние надстройки существенно исказили облик этого очень интересного памятника архитектуры эпохи раннего классицизма.

В начале XX века в нем находилось первое в Ярославле музыкальное училище. Здесь же помещалось ярославское отделение императорского музыкального общества. Перед ярославцами выступали солисты Большого театра Л. В. Собинов и Ф.И. Шаляпин, пианисты Н.Г. Рубинштейн и Е.Ф. Гнесина, скрипачи Л.С. Ауэр и Я.Кубелик, композиторы А.Т. Гречанинов и А.Н. Скрябин, кружок любителей игры на балалайке В. В. Андреева и другие, не менее известные в России и Европе деятели музыкальной культуры.

В наши дни музыкальная общественность Ярославля активно боролась за превращение комплекса зданий и прилегающей к ним территории (бывший сад Дома офицеров) в зону культурного и туристического отдыха (как сейчас принято говорить — культурно-туристическую рекреацию). Это мог быть городской центр духовной культуры, созданный на базе музея истории города, а сама территория — введена в культурный обиход и явилась бы значимым туристским объектом и центром организованного досуга, расположенного, кстати, в заповедной, охраняемой ЮНЕСКО территории города. Ярославль таким образом мог получить новый культурный многофункциональный объект, что позволило бы сохранить бывшую усадьбу Пеговых как исторический памятник, однако в настоящее время это пространство занято современным объектом — гостиницей, уходящей своей основной частью в глубину бывшего парка.

В мае 1609 года после неудачной осады польские интервенты вынуждены были оставить город, так и не заняв Кремль (территория современной Стрелки) и Спасо-Преображенский монастырь, героически оборонявшихся ярославцами. В память об этом знаменательном событии и в честь иконы Казанской Божьей Матери, спасшей город от захватчиков, на месте ныне действующего Казанского собора была заложена деревянная церковь. Деревянный храм был сооружен «на болотце» всем миром. Вскоре около церкви поселились 72 монахини из сожженного поляками Рождественского монастыря, который располагался близ церкви Богоявления. Эти события и положили начало истории Казанского женского монастыря.

Все первые постройки монастыря, включая стены, были деревянными. Только в 1649 году соорудили каменную церковь,

но большой городской пожар 1658 года уничтожил все деревянные постройки, существенно повредив и каменный храм, который вскоре был отстроен.

Монастырь был известен и в Москве. Царскими грамотами подтверждалось жалование «по 1 рублю в год старицам монастыря». За счёт дарений монастырь приобретал церковную утварь, иконы, колокола, обустроивал территорию. В 1750-60 гг. вокруг него построили каменную ограду. В 1770 г. из казны было получено 500 рублей для строительства дополнительных деревянных келий.

В соответствии с Указом Екатерины II того же (1770-го) года было запрещено хоронить в приходах городов, а монастырское кладбище размещалось за его стенами, близ современного Первомайского переулка, в связи с чем для захоронения насельниц Казанского монастыря отводилось место на кладбище Толгского монастыря. Исключения составляли лишь погребения настоятельниц, которые по-прежнему проводились в алтарной части собора.

К концу XVIII – нач. XIX вв. каменные монастырские постройки пришли в упадок: храмы потрескались, обветшали, а «каменная ограда с угловыми башнями обросла деревьями и склонилась к падению».

В течение первой половины XIX века монастырь отстроили заново: соорудили келейные корпуса, вместо старой «неблаговидной» каменной ограды возвели новую, по-прежнему с четырьмя башнями по углам. В 1845 году был освящен Казанский собор, построенный по проекту столичного архитектора А. И. Мельникова на месте одноименной каменной церкви, поставленной еще в 1649 году. Застройка монастыря продолжалась вплоть до I мировой войны. Рядом был сооружен Покровский храм (1828 г.). Значительный участок территории занимал трехэтажный корпус келий настоятельницы. К нему пристроили больничные палаты с домовою церковью Сретенья (1808 г.). Вдоль ограды стояло 5 каменных и 6 деревянных зданий келий. У западной стены трапезной Покровского храма была одновременно сооружена высокая (60 метров) 4-ярусная колокольня в классическом стиле. Позднее всех, в конце XIX века, соорудили восточный корпус келий. В западной части монастыря находил-

ся хозяйственный двор, на котором стояли конюшни, каретник, бани и другие бытовые постройки. К покоям настоятельницы с восточной стороны примыкал небольшой сад. Таким образом, на территории обители было очень мало свободного места, но расположение келейных корпусов по периметру стен создавало определенные удобства и строгий уют.

В 1764 году Казанский монастырь в соответствии с церковной реформой был причислен к трехклассному. В начале XIX века он становится общежительным (до этого насельницы всем необходимым, включая питание и жилье, обеспечивали себя сами). На его содержание тратилось 240 рублей из казны, а штат был утвержден в составе игуменьи, казначеи, 150 монахинь (с 1859 года добавились еще 150). Казанский собор являлся и приходским храмом, что позволяло не только благоустраивать территорию, но и довести число насельниц к началу XX века до 300 человек (по другим данным — до 400). Хозяйственная деятельность монастыря опиралась на большой участок собственной дачи за Волгой и мельницы на р. Лахости. Здесь были свои огороды, плодовые сады, строились даже каменные жилые дома.

Ярославская губерния славилась тем, что была на одном из первых мест в империи по грамотности населения. Свою лепту в дело народного образования вносил и Казанский монастырь. Еще в 1860-е годы при нем существовала школа грамоты, которая располагалась в юго-западном крыле (близ площади Волкова). Правда, в 1870-80 гг. здесь была устроена богадельня, но в 1896 году вновь начала действовать одноклассная, с 3-годовалным сроком обучения школа. В ней работали 4 педагога (хотя по уставу монастыря полагалось только два). Все они имели хорошую подготовку и происходили из уважаемых в городе семей. Так, например, Ольга Корсунская была дочерью известного ярославского краеведа Н. Н. Корсунского, преподавателя духовной семинарии (современный корпус ЯГПУ на Которосльной набережной, д. 46), редактора неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей».

Ученицы в возрасте от семи до двенадцати лет были разделены на 3 группы (отделения). Учебники и школьные принадлежности выдавались бесплатно. Занятия начинались в 9 часов — заканчивались в 14 (для двух младших групп) и в 15 (для

старших). Начало и конец дня знаменовались молитвой. Изучали Закон Божий, русский и церковнославянские языки, арифметику, чистописание. Девочки старшей группы обучались рукоделию. Плата за обучение не взималась.

Насельницы монастыря участвовали в патриотических начинаниях. Так, в Отечественную войну 1812 года обитель пожертвовала 300 рублей, насельницы – 300 рублей, а настоятельница – свое годовое жалование – 100 рублей. Монастырь принял беженцев из захваченных врагом территорий, в т.ч. игумений и монахинь московских монастырей.

Во время эпидемий устраивались крестные ходы, в храме выставлялась кроме своей чудотворной иконы также и Толгская богоматерь и другие. В результате «по молитвам заступницы избавление города от болезни происходило». Роковым в истории монастыря оказался 1918 год. Июльский мятеж сопровождался массированным обстрелом города, особенно колоколен, на которых были установлены пулеметы восставших. Крепость старинных стен церковей и соборов помогла им выстоять, но высокая колокольня получила много повреждений, что позволило городским властям заявить об ее «опасности для жизни горожан, возможным разрушением» и снести, хотя первоначально в ней предполагалось устроить обсерваторию.

Осенью 1918 года монастырь как таковой перестал существовать. Монахинь изгнали из его стен без предоставления какого-либо жилья. Часть из них вынуждена была покинуть Ярославль, другая перешла в Толгский монастырь, третья искала убежище у окрестных крестьян. После пожаров 1918 года город испытывал большую потребность в жилье, поэтому часть келий была отдана лишившимся крова горожанам.

С 1 сентября 1919 года до лета 1922 года территория монастыря была отведена под концлагерь. В нем находились люди, оказывавшие помощь восставшим, а также «нетрудовой элемент». Все они занимались разборкой разрушенных зданий, уборкой улиц от мусора и т.д. В это же время в соборе был организован склад церковных вещей, привезенных из разных церквей. В 1919-1921 гг. Покровский храм выполнял функции приходского и служил местом хранения святынь монастыря и церковного имущества. Впоследствии он был закрыт, а прихожане

стали посещать Крестовоздвиженскую церковь, куда было перенесено и церковное имущество. Но в 1931 году и эта церковь была закрыта, а судьба монастырских святынь и поныне неизвестна.

В условиях острой нехватки пригодных для жилья помещений городские власти использовали игуменский корпус со Сретенской церковью как казарму для частей ГПУ, а с 1923 года – под Дом крестьянина. Часть келий ещё раньше была отдана бездомным горожанам. Примечательно, что часть помещений келий, пристроенных к монастырской стене еще в конце XIX-нач. XX вв. со стороны театра им. Ф. Г. Волкова, отдали актерам этого театра. Даже известные актеры и актрисы Волковского театра подолгу здесь обитали, о чем свидетельствует, в частности, и мемориальная доска, установленная в честь жившего здесь первого народного артиста СССР в нашей области Г. А. Белова.

Северо-восточная стена монастыря (со стороны Первомайского переулка) обветшала к 1920-м годам, а в 30-е годы ее уже не существовало. В 1940 году это место занял 4-этажный дом (ул. Первомайская, 19).

В Покровской церкви (по ул. Трефолева) с 1930-года по лето 1948 года находилась центральная городская библиотека, а затем, вплоть до 2010 года, планетарий и провинциальный колледж. Большой переделке подвергся Казанский собор: он был разделен на этажи и с 1927 года до конца 1990-х использовался как главное архивохранилище области. Здесь же находился читальный зал, библиотека, а в цокольном этаже — фотолаборатория.

Стены монастыря постепенно исчезали, уступая место городским постройкам. В 1959 году по ул. Трефолева горком партии построил для своих сотрудников 4-этажный дом. Была снесена и восточная стена, чтобы открыть вид на улицу жителям восточного корпуса обитателей, перестроенного под квартиры. Вместе с ней снесли и северо-восточную башню. Юго-восточная «продержалась» до 1968 года. До нашего времени дошли только юго-западная и северо-западная башни, но они лишились своих купольных кровель и шпилей, замененных впоследствии на

обычные крыши. Они, зажатые другими домами, давно потеряли свой первоначальный «башенный» вид.

В 1997 году собор был передан в ведение приходской общины, а с 1 августа 1990 года в ответ на ходатайство архиепископа Михея патриарх Алексей II благословил открытие обители. Через 80 лет после того, как в 1918 году последние монахини ушли в Толгский монастырь, одна из его насельниц — Михаила – по благословлению игуменьи Варвары стала его настоятельницей. Постепенно монастырь обретает новые святыни. Владыка Михей передал в дар монастырю икону Казанской Богоматери, которую в начале XX века создали инокини этого монастыря. Икона была сохранена жительницей Ярославля Екатериной Бакаевой, которая в начале 1980-х годов и вручила её Владыке Михею.

2 ноября 2000 года в монастырь были переданы мощи святителя Агафангела, архиепископа и митрополита Ярославского и Ростовского (1913-1922 гг.), местоблюстителя Патриаршего Престола (1922 г.), активного борца против обновленческой церкви. Он был канонизирован в 2000 году как священноисповедник.

Возрождается и просветительская деятельность монастыря. В 2006 году на его базе была открыта первая православная гимназия имени Игнатия Бренчанинова, в которой кроме обязательных общеобразовательных дисциплин преподаются и православные, а среди преподавателей — доктора и кандидаты наук, ведущие специалисты в различных областях знаний.

Сегодня Казанский монастырь, сохраняя уголок старого дореволюционного Ярославля, являет взгляду тот облик, который сложился во 2-й половине XIX века, старого дореволюционного Ярославля. На территории монастыря был установлен памятный крест по всем погибшим в июле 1918 года, невзирая на их политическую принадлежность.

В начале XIX века за стенами Казанского монастыря было построено двухэтажное здание (совр. – ул. Первомайская, 25) – яркий образчик провинциального классицизма, характеризующийся округленным фасадом. (Скругленный угол появился из-за того, что здесь, на площади Волкова, смыкаются сразу 3 улицы – Первомайская, Трефолева и Максимова.) Рань-

ше, в советское еще время, на нем была помещена мемориальная доска, свидетельствующая о том, что в этом доме жил в начале XX века Н. И. Подвойский — выдающийся деятель коммунистической партии и советского правительства.

Николай Ильич Подвойский (1880-1948 гг.) начал свою революционную деятельность еще в 1898 году. В августе 1901 года ярославский комитет «Северного рабочего союза» (один из предшественников большевистской партии) принял его в свои ряды. Будучи студентом ярославского Демидовского лицея, Николай Подвойский сразу проявил себя как член социал-демократической партии. В частности, весной 1905 года он стал одним из организаторов первого в России Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, куда был направлен для усиления рядов местной социал-демократии как уже опытный партийный работник.

Осенью 1905 года Николай Ильич, вернувшись в Ярославль, вел активную работу не только в студенческой среде, но и в рядах железнодорожников (в главных железнодорожных мастерских) и текстильщиков ЯБМ. 18 октября 1905 года в актовом зале Демидовского юридического лицея собралось более 3-х тысяч человек. В числе главных ораторов, как позднее отмечала газета «Северный край», были Н. И. Подвойский, В. Р. Менжинский и Е. М. Ярославский, прибывший в наш город накануне 17 октября и сразу же включившийся в работу местных социал-демократов. Этот митинг охранялся сводной боевой дружиной рабочих и студентов. Черносотенцы и полиция в этот же день разогнали демонстрацию студентов и гимназистов. На следующий день — 19 октября — на демонстрацию вышли железнодорожники, сагитированные Н. И. Подвойским. Они прошли по центральным улицам города. По ходу к ним присоединилась и учащаяся молодежь. Это была первая в Ярославле массовая открытая политическая демонстрация. На углу Духовской (совр. ул. Республиканская) и Романовской (совр. ул. Некрасова) улиц произошло столкновение с «черной сотней» (представители крайне правой монархической партии), шедшей с иконами, хоругвями (церковные знамена) и портретами царя. Демонстранты, часть из которых была вооружена, дали им отпор, заставив обратиться в бегство. Но появившиеся казаки и полиция, скрытно

осуществлявшая наблюдение, напали на демонстрантов. Вскоре к ним присоединились и черносотенцы, которые с особой жестокостью стали избивать своих недавних обидчиков. В результате несколько десятков человек с обеих сторон серьезно пострадали, среди них был и Н. И. Подвойский, шедший впереди колонны демонстрантов. Несмотря на тяжелое состояние, его арестовали и доставили в полицейский участок. Но так как его состояние даже у полиции вызывало серьезное опасение, его отпустили домой. В целях конспирации после недолгого лечения он был отправлен в Кострому, где вскоре стал принимать активное участие в деятельности местных социал-демократов.

В октябре 1917 года он был председателем Военно-революционного комитета в Петрограде, непосредственно руководил штурмом Зимнего дворца, арестом членов Временного правительства. Фактически он был вторым человеком (после Л. Троцкого) в осуществлении Октябрьского переворота.

В первые годы советской власти происходила активная ротация партийных кадров. Н. И. Подвойский сначала уходит на второй, а потом и более дальний план. Он, в частности, руководил общественными организациями содействия армии и флоту (ОСОВИАХИМом и ДОСААФом). Это, возможно, спасло его и от беспощадного сталинского террора 20-30-х годов. Умер Николай Ильич в 1948 году и похоронен в Москве. Он многократно приезжал в Ярославль, выступал перед учащимися, в том числе школы № 16, носившей его имя (современное деревянное здание близ ж/д виадука через Московский пр-т). Его всегда сопровождала верная жена и соратница в революционной борьбе Нина Августовна, урождённая Дидрикиль (одна из самых активных участниц революционного движения в Ярославле в 1905 г.).

В конце XVIII века, убрав валы, к Знаменской башне с южной стороны пристроили усадьбу графа Салтыкова. В 1798 г. этот солидный, с аристократическим размахом особняк был выстроен для сиятельного вельможи екатерининской эпохи. Но собственностью графа усадьба была недолгой. Уже в начале XIX века граф вынужден был продать его бывшему своему крепостному – Семёну Соболеву.

Путь к своему богатству крестьяне Соболевы, как и многие другие «расторопные» ярославцы, судя по семейной легенде,

открыли ещё во времена императрицы Елизаветы Петровны. Именно тогда один из предков Соболевых, будучи крепостным графа Салтыкова, служил в обозе обеспечения своего барина. Закупая продукты и вино для своего хозяина, этот крестьянин хорошо познакомился с торговцами-немцами. Уже после войны, он, отпущенный баринем «на заработки» («в отход»), неоднократно выезжал в «неметчину», с лучшими изделиями ярославских производителей. Обрато он возвращался с грузом иностранных вин. Его потомки расширили этот бизнес. Графов Салтыковых постигла участь многих, в том числе ярославских, дворян: они разорились. Став зажиточными крестьянами, Соболевы смогли выкупиться на свободу. В 1806 г. Семён Соболев был привезён с семьёй в барскую усадьбу в Ярославле. Вскоре его восемнадцатилетний сын Василий смог записаться в купечество, а уже купцы Соболевы выкупили усадьбу своих бывших владельцев.

Об известности этой фамилии говорит тот факт, что за время с 1845 по 1860 г. Иван Семенович Соболев семь раз избирался иногородним купечеством директором работавшей во время нижегородской ярмарки временной конторы Государственного коммерческого банка, выборы которого проводились ежегодно. Василий Семенович Соболев избирался гильдейским старостой, купеческим заседателем в Приказе общественного призрения, а также трижды (с 1830 по 1833 г., с 1839 по 1842 г., с 1851 по 1854 г.) – городским головой. Он принимал приехавшего в Ярославль в 1831 году принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а в 1837 году братья Василий и Иван были удостоены чести вместе с виднейшими купцами города сопровождать в прогулке на лодке по Волге цесаревича Александра (будущего императора).

Дом Соболевых внушал уважение всем своим видом. Его внутреннее убранство, обстановка оценивалась в 5 тысяч рублей, что по тем временам равнялось капиталу иной купеческой семьи. Не меньшую ценность представлял обширный подвал, где ныне размещается два модных ресторана и студенческая столовая, который использовался как винный погреб. Количество и качество разнообразных заморских и отечественных «ренских напитков» (как именовались тогда все виноградные вина) внушало уважение современникам. Материалы о ярославских купцах Соболевых, «известных своим искусством в целой России», неоднократно пе-

чал авторитетный журнал «Вестник Промышленности». В публицистике и в художественной литературе XIX – начала XX века одно только упоминание «соболевского вина из Ярославля» являлось олицетворением особого шика.

Когда-то здесь располагались торговые «базы» купцов Соболевых, которые активно занимались винной торговлей не только в Ярославле, но и Москве, Санкт-Петербурге, на Нижегородской ярмарке.

В течение XIX века все торжественные мероприятия, связанные с посещением города и губернии высокопоставленными чиновниками, а также великими князьями и императорами, обеспечивались винной продукцией ярославских купцов Соболевых.

В конце XIX века Соболевы продали этот дом городу. Уже в начале XX века он был искажён новыми перестройками – появился третий этаж, существенно переделаны окна. Это здание, отданное под коммунальный банк, а затем под торговые и складские помещения, постепенно старело и ветшало. Но, несмотря ни на что, благодаря предприимчивости арендаторов, оно продолжает служить людям.

Этот дом в настоящее время занимает экономический факультет и общежитие ЯрГУ им. Демидова, а также разнообразные торгово-развлекательные заведения в виде ресторанов и кафе.

За домом Салтыкова расположен один из лучших памятников архитектуры Ярославля – Гостиный двор (ул. Первомайская, 10, 12). В конце XVIII века в пределах Земляного города были построены корпуса Гостиного двора по левой стороне современной улицы Первомайской, между улицами Кирова, Депутатской и Нахимсона. Но строили его быстрыми темпами, не всегда подготавливая должным образом площадку для строительства: оставляли незасыпанными остатки подвалов старых сооружений, просто насыпая сверху грунт, не задумываясь о пустотах.

На месте скрытых валов между Власьевской (совр. — Знаменская башня) и Угличской (северо-западная башня Спасо-Преображенского монастыря) башнями в конце XVIII–начале XIX веков возник так называемый самострой, характеризовавшийся отнюдь не первоклассными торговыми постройками, резко ухудшивший восприятие одной из главных площадей города.

В связи с этим Городской думой было принято решение о возведении нового Гостиного двора взамен старого, уже пришедшего в негодность. Авторство его до сих пор не ясно. Многие склонны считать, что двор был сооружен по проекту архитектора П. Я. Панькова, губернского архитектора, много строившего в этот период. В то же время трудно представить, чтобы архитектор-самоучка мог спроектировать столь яркое по своей индивидуальности сооружение. Оно очень напоминает проекты знаменитого Карла Росси, работавшего в то время в соседней Тверской губернии и построившего немало подобных сооружений. В 1813 году было принято постановление Думы: «В здешнем городе нет, особенно для торгующих, как здешних горожан, так и приезжих торговцев, Гостиного двора. Тогда как торговля и промышленность усиленно развивались, число торгующих умножилось, почему с недостатком лавок открылись неудобства». Позднее в «Ярославских губернских ведомостях» так описывалось начало этого строительства: «заложили прекрасный Гостиный двор, простирающийся в длину по лицевому фасаду к старому Гостиному двору на 124 сажени (около 250 м), а против линии постоянных дворов (на месте совр. ул. Комсомольской) на 116 саженей (около 230 м), имеющий в себе 155 лавочных номеров и окруженный со всех сторон широкою галереей с колоннами ионического ордера», очень распространенного в то время как в столице, так и в провинции.

В течение 5 лет (1813–1818 гг.) строился этот комплекс. Первоначально он включал в себя 4 здания – 2 боковых корпуса, центральную ротонду и административный корпус между северными и южными корпусами по ул. Б. Линия (совр. ул. Комсомольская); два боковых корпуса и центральную ротонду. Боковые корпуса нового Гостиного двора представляли собой замкнутые кварталы, со встроенными торговыми помещениями. Все они окаймлялись открытой галереей — колоннадой — по всему периметру улиц. Центральный павильон (ротонда), «который спроектирован был в виде полуовала, был также окружен колоннадой». На главном его фасаде находился треугольный портик, не сохранившийся во времени. Но, как это часто бывало в Ярославле того времени, двор этот неоднократно горел, хотя и восстанавливался сравнительно быстро, правда, каждый раз

приобретая новые, несвойственные его первоначальному замыслу очертания. Так, был разобран административный корпус с лавками после пожара 1835 года. О последствиях пожара 1848 года главная газета губернии — «Ярославские губернские ведомости» — писала: «Бывало... становилось сердцу тяжело, когда вступаешь на Рождественскую площадь (совр. — пл. Богоявления). Небольшая, она была в середине загромождена деревянными, наскоро, хотя и по нужде построенными балаганами, лавками... Из-за него, с северной стороны, наводили грусть печальные развалины Гостиного двора, разрушенного страшным пожаром. Далее во всю длину северо-западной окраины площади, лицом к лицу с этими руинами... выходят на две наилучших здесь улицы, отгороженные забором склады кирпичей, щебня, мусора и строевого теса... На этом фоне Спасский монастырь казался стражем пустыни».

К началу XX века Северная часть двора пришла в полную негодность и была заменена на новое, уже 3-этажное торговое здание (ул. Комсомольская, 5). В 1918 году, во время городского восстания (мятежа), двор сильно пострадал от артиллерии красных. Особенно досталось его южному крылу. Поэтому, простояв несколько лет в развалинах, южный корпус, как наименее сохранившийся, был разобран. Позднее на его месте соорудили здание государственного банка, а от всего ансамбля сохранилась лишь ротонда и восточная часть северного корпуса. В 1960-е гг. здания Гостиного двора были отреставрированы и сейчас производят яркое впечатление, а колонны восточной части северного корпуса являют собой яркий пример парковой архитектуры эпохи классицизма.

Историей Гостиного двора не заканчивается наше повествование. На углу улиц Первомайской и Депутатской находился известный всем ярославцам магазин «Военная книга», дом, построенный в сталинском стиле. До него здесь располагался доходный дом (с меблированными комнатами или квартирами, сдававшимися внаем). Он принадлежал брату нашего замечательного поэта-земляка Н. А. Некрасова — Федору. Напротив него находится здание постройки XX века. По легенде, бытующей среди современных обитателей дома — студентов театрального института, раньше здесь был бордель. Поэтому иногда по

ночам в поисках новых встреч бродят в этом месте призраки отдыхавших здесь людей. Конечно, больше это похоже на одну из популярных баек, которые придают дополнительный оттенок имиджу альма-матер театралов...

Если история здания театрального института полна легенд, то история театрального образования в нашем городе основывается на реальных фактах. В 1930-е гг. в Ярославле был образован театральный техникум, который в годы войны прервал свою работу. Но уже в 1945 году при театре им. Ф. Волкова была образована студия, среди отцов-основателей которой были известные театральные режиссеры И. А. Ростовцев и Е. Т. Асеев. Но и эта студия оказалась не столь долговечной.

В 1962 году по благословению руководства города и области, а также на огромном энтузиазме главного режиссера театра, народного артиста СССР Фирса Ефимовича Шишигина создано было Ярославское театральное училище. Оно готовило кадры для драматических и кукольных театров СССР. Авторитету учебного заведения, высокому профессионализму выпускников в немалой степени способствовало то, что руководителями актерских курсов стали ведущие мастера волковской сцены Ф. Е. Шишигин, Г. А. Белов, В. С. Нельский, С. К. Тихонов. Это были не только прекрасные актеры, но и замечательные педагоги, которые весь свой опыт вкладывали в воспитание и обучение актерской смены.

В 1980 году Ярославское театральное училище получило статус высшего учебного заведения и сейчас официально именуется Ярославским государственным театральным институтом. Вуз готовит актеров драматических и кукольных театров, а также режиссеров и художников (постановщиков и художников).

Уникальность этого театрального вуза продиктована его «корневой системой», уходящей в глубины русского национального театра, родившегося в середине XVIII века в Ярославле. В одном из своих выступлений ректор института В. С. Шалимов очень точно сформулировал главную цель работы вуза: «Мы не скрываем своей приверженности к подготовке актеров для русской провинции. Более того, мы считаем, что этот тип русского актера является основой сохранения и развития традиций отечественного театра, «золотым запасом», благодаря которому воз-

можно поиски и эксперименты, создание уникальных театральных коллективов, в том числе столичных, без утраты «родовой принадлежности» к русскому актерству».

На базе ярославской театральной школы проводятся фестивали дипломных спектаклей театральных учебных заведений России, в ходе которых работает театральная биржа «Будущее театральной России».

На углу улицы Первомайской и Нахимсона находятся корпуса бывшей кондитерской фабрики. Ранее на этом месте в соответствии с регулярным планом застройки Ярославля 1778 года располагалась часть гостиного двора. В 1780-е гг. была осуществлена его постройка в пределах современных улиц Первомайской, Кирова, Депутатской, Нахимсона, Революционной и Андропова. Комплекс гостиного двора состоял из замкнутых кварталов, которые по лицевой стороне улиц имели торговые ряды в виде двухэтажных зданий. Внизу была лавка с открытой галереей, укрывающей от дождя покупателей и товары, вынесенные для продажи на улицу. На втором этаже располагались квартиры купцов. Внутри квартала размещались склады. Пересекались кварталы переулками, которые чаще назывались проломами. Но по разным причинам, прежде всего из-за неудовлетворительного качества построек, эти помещения к концу XIX века пришли в полную негодность и были перестроены. Остались лишь фрагменты первоначальной застройки XVIII века по улице Нахимсона, 16. Поскольку кондитерская фабрика – одно из очень немногих производств, находившихся в центре города и сохранивших свое функциональное назначение вплоть до недавнего времени, рассмотрим ее историю более подробно.

В августе 1901 года умер ярославский купец Василий Яковлевич Кузнецов. Все свое состояние он завещал племянникам, так как собственных детей у него не было. Один из них – Василий Платонович Кузнецов – получил в наследство каменный дом по улице Б. Рождественская (современная Нахимсона). Новый собственник решил расширить владения и осуществить давнюю свою мечту – организовать собственное кондитерское производство. Вскоре состоялось открытие магазина Торгового дома «Наследники В.Я. Кузнецова» на Б.Рождественской (совр. Нахимсона), где продавались чай, сахар, сахарный песок и дере-

вянное масло (оливковое). Спустя некоторое время он приобрел имение разорившихся купцов – вдовы и сына Огняновых: двухэтажный дом с лавками и пустырь с садом, находившиеся рядом с домом В. П. Кузнецова. Это позволило ему в несколько раз увеличить свои земельные владения, получив площадь в глубине квартала близ Масляного пролома (проход на территорию современного Центрального рынка непосредственно с улицы Первомайской). Закладка будущей кондитерской фабрики состоялась в мае 1902 года, а в августе, после окончания строительства кондитерской мастерской, сразу же начались работы по ее расширению, устройству машинного отделения. Уже в первые месяцы своей работы она подтвердила наличие огромного производственного потенциала, который благодаря опыту, стремлению, настойчивости 36-летнего В. П. Кузнецова быстро сказался на результатах. Уже летом 1903 года продукция кондитерской фабрики, впервые принявшая участие в выставке Северного края (Ярославская, Архангельская, Костромская, Владимирская, Тверская и Новгородская губернии), получила Большую серебряную медаль Министерства финансов «За трудолюбие и искусство». В 1904 году небывалый успех принесли золотые медали, завоеванные на Венской, Антверпенской и Парижской международных выставках.

Ассортимент продукции предприятия Кузнецова не шел ни в какое сравнение с другими местными производителями кондитерских изделий. Новая фабрика выпускала, кроме традиционных монпансье, мармелада, пастилы, карамели, разнообразные виды печенья, халву и шоколад.

С 1905 года начались работы по строительству каменного трехэтажного корпуса фабрики, возведение второго и третьего этажей над бывшими одноэтажными лавками и домом Огняновых. Они характеризовались прочностью и рационализмом. Особенно это касалось здания, образующего второй ряд застройки, выходящей на площадь Богоявления. В этих зданиях были размещены склады сахарного песка, масла, патоки, кондитерских товаров, мастерские, упаковочные. Надежность и долговечность производственных помещений обеспечивали бетонные своды и асфальтовый пол. На первом этаже здания, выходящего своим фасадом на Б.Рождественскую, открылся фабричный кон-

дитерский магазин. Для создания собственной сырьевой базы В. П. Кузнецов построил в деревнях Тюмба и Овсяники Боровской волости Даниловского уезда паровой картофелетёрочный и паточный заводы, так как этот район издавна специализировался на выращивании и переработке картофеля. В 1909 году на базе кондитерской фабрики, паточного завода и магазина оформилась фирма «Г. Бельфор». Данное название, по воспоминаниям старшего сына В. П. Кузнецова – Василия Васильевича, предложили отцу его московские приятели: «... литограф, изготавливавший для отца оберточную бумагу, предложил назвать фабрику «Г. Бельфор». Это звучное название само могло привлечь внимание потребителя. Кстати, в это время очень широко стала проявляться тенденция увлечения иностранными словами и названиями в сфере производства и обслуживания. Так, в Ярославле в это время были ресторан «Прага», гостиницы «Бристоль» и «Неаполь», кафе «Мавритания», трактир «Петергоф» и т. д. Поэтому звучное название «Г. Бельфор» в честь небольшого городка на востоке Франции привлекло как деловых людей, так и покупателей.

В январе 1913 года В.П. Кузнецов стал единственным владельцем Торгового дома «Наследники В. Я. Кузнецова», так как его двоюродный брат Павел Онуфриевич проиграл в карты завещанные дядей капиталы.

За 16 лет своей деятельности (1902–1917 гг.) паровая кондитерская фабрика В. П. Кузнецова по уровню технического оснащения и квалификации работников, в связи с постоянно растущим ассортиментом продукции, оставила далеко позади всех своих ярославских конкурентов, которых насчитывалось в городе около десятка. У Кузнецова трудилась треть всех рабочих, занятых в кондитерском производстве Ярославля.

Постоянная модернизация процесса была главной заботой В. П. Кузнецова. Фабрика имела новейшее для того времени оборудование: карамельные вакуум-аппараты, меланжер, аппарат для варки ириса, паровые плиты, вальцовки, машины для выработки сахарной пудры, терки миндаля, паровые котлы для варки начинки, халвы, сгущения молока, пресс для выработки макарон, масла какао. Она являлась образцовой в городе и крупнейшей в Северном крае.

Для продукции кондитерской промышленности важное значение имела конфетная обертка. По уже сложившейся традиции она несла в себе многослойную информацию: просветительскую, образовательную, развлекательную, и в конце концов была носителем рекламы. Большинство конфетных оберток кондитерской фабрики В. П. Кузнецова «Г. Бельфор» отпечатывались в московских полиграфических предприятиях в технике литографии и лишь небольшая их часть – в ярославских – Е. Вахромеева, И. Лещенкова. Обязательной составной частью изображений на обертке являлся товарный знак, представлявший собой основу торгово-промышленной рекламы. Он, как правило, состоял из имени владельца фабрики, названия фирмы. Важная его часть — изображение наград, полученных на отечественных и зарубежных выставках. По традиции, на листке обертки помещалась яркая картинка, название конфеты или карамели, как правило, логически связанные друг с другом. Сладкая продукция фабрики ориентировалась на вполне конкретного потребителя, что являлось обязательным условием для сбыта продукции. Названия конфет и карамелей практически не повторялись. В целом, их ассортимент насчитывал до 300 наименований. Вот лишь некоторые из них: «Афинские», «Альпы», «Березовый сок», «Встреча счастья», «Золотой улей», «Идиллия», «Комета Галлея», «Куриное царство», «Стенька Разин», «Охотничья», «Современные танцы», «Сочинитель», «Семь блаженств холостых», «Устрицы», «Финиш» и другие.

Любая упаковка, а особенно конфетная обертка, была выполнена ярко, качественно, привлекала потребителя и оказывала влияние на формирование его вкуса.

Ко времени открытия фабрики в начале XX века в российском обществе сложилась весьма специфическая социально-экономическая, политическая и культурная ситуация. Все это оказало непосредственное влияние на ассортимент продукции, выпускаемой кондитерской фабрикой «Г. Бельфор». Одновременно с этим в начале XX века отмечались юбилейные даты важных исторических и культурных событий, которые традиционно праздновались повсеместно.

Среди конфетных оберток карамели есть наименование «Ротвизан». Современному читателю это мало что говорит. Но в

начале века, в условиях русско-японской войны (1904–1905 гг.), население знало, что в 1904 году стоявшие на внешнем рейде броненосцы «Ротвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины.

В годы Первой мировой войны особое внимание уделялось патриотическому воспитанию, привитию протестных настроений населения против немцев. Это касалось в том числе и поддержки союзников России — православных государств — Сербии, Черногории.

В их поддержку создавались различные благотворительные общества и организации, проводились лотереи «в пользу раненых и больных воинов, семей лиц, призванных на войну».

В учебных заведениях на патриотических вечерах звучала русская народная музыка, исполнялись гимны славянству «Братья славяне», бельгийские, французские и другие гимны союзников России в войне, хорватские песни. Одновременно с этим в Ярославле и губернии по примеру столиц рос протест против всего немецкого: проводился бойкот немецких товаров, погромы немецких фабрик и заводов. Конфетные обертки этого времени достаточно полно и оперативно отражали эти явления и процессы. В 1914–17 гг. были выпущены карамели «Ура», «Американская», «Адмирал сэр Джордж Каллаган», «Балканская», «Черногория»; конфеты «Герои славянской войны. Георг I (король греческий)», «Союзная», «Генерал А.А. Брусилов, оперирующий в Галиции и забирающий в плен австрийцев третью сотню тысяч». Как не обратить внимание на это последнее название, которое просто подкупает своим содержанием!

В самом начале войны была запрещена продажа спиртных напитков и даже пива. Как отмечали газеты, «сразу, совершенно неожиданно для всех и даже для самих себя гражданами России сделано то, о чем до сих пор мечтали. Великая Русь, которая исторически сплелась с пьянством, первая из всех стран в истории человечества сделала скачок в царство трезвости. В городах и сельской местности принимались резолюции о закрытии навсегда питейных заведений с крепкими и легкими напитками».

Это нашло свое отражение и на обертках фабрики «Г. Бельфор». Так, вскоре появилась карамель «Я не в силах

больше пить», где была изображена пьяная фигура у фонарного столба. В противовес пьянству населению предлагались различные меры культурно-нравственного характера: «устройство народных библиотек, народных домов, сельских и городских клубов, организация народных театров и т.д.». Все это успешно реализовывалось и в Ярославле и губернии. Так, в Бурмакине был создан и успешно действовал театр при активной поддержке артистов МХАТа (они периодически приезжали туда отдыхать и помогали местным энтузиастам). Важное значение приобрел и общедоступный театр в Ярославле, въехавший с 1911 года в новое здание — одно из лучших в российской провинции. В это время были популярны оперы «Кармен» Ж. Бизе, «Лакме» Л. Делиба, «Травиата» Д. Верди, оперетты «Маскота» Э. Одрана, «Гейша» С. Джонса, «Веселая вдова» Ф. Легара. Очень быстро почти все эти названия перешли и на конфетные обертки продукции кондитерской фабрики «Г. Бельфор».

Существенное влияние на оформление конфетных оберток оказывали различные художественные направления конца XIX – нач. XX вв. К традиционному русскому стилю добавился модный в западной Европе стиль модерн. И, как следствие, на обертках появляются «элементы растительного орнамента, изображения женских фигур и головок, фигурок ангелочков, птичек, бабочек, кошечек, собачек и прочих модных изображений». Фабрика «Г. Бельфор» активно включилась и в это начинание – появились карамели и конфеты «Модерн», «Русский стиль» и др.

В начале XX века широко и повсеместно отмечались крупные юбилейные даты в истории России. В 1911 году полувековой юбилей освобождения крестьян от крепостной зависимости был объявлен всероссийским национальным праздником. В Ярославле и губернии проходили разнообразные мероприятия, посвященные этому событию: торжественные вечера, заседания, концерты, конкурсы, чтения. Кондитерская фабрика начала выпускать конфеты «19 февраля 1861 г.» и карамель «Памятник Александру II».

Подготовка к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года началась заранее. Активно использовался для этого лубок – рисованная, гравированная печатная картинка с текстом

и изображением, иллюстрирующим этот текст. Выдающиеся русские художники (Венецианов и др.) поставили сатирический лубок на «военную службу» еще в 1812 году, а к юбилею в 1912 году вышла целая серия акварелей. На фабрике «Г. Бельфор» появилась своя юбилейная продукция: конфеты «Юбилейная. N (Наполеон)», «Юбилейная. 1812. Граф Ф. В. Растопчин», «Юбилейная. 1812 г. Князь П. И. Багратион».

К столетнему юбилею уже ставшего классиком русской литературы Н.В. Гоголя были выпущены конфеты «Юбилейные» с портретом писателя: «К юбилею Н.В. Гоголя в Москве. Ревизор». Кстати, последние были пронумерованы и являлись своего рода публикацией знаменитой комедии, так как на них был помещен фрагмент текста с иллюстрацией.

За заслуги перед городом купцу первой гильдии В. П. Кузнецову пожаловано потомственное почетное гражданство. Он был известной и влиятельной личностью: являлся гласным Городской думы, присяжным заседателем ярославского окружного суда, членом Совета общества фабрикантов и заводчиков Ярославского промышленного района. За свою службу, в том числе в должности члена учетно-ссудного комитета Ярославского отделения Госбанка, Императором Николаем II он был награжден орденом Святой Анны II и III степеней, орденом Станислава II и III степеней.

Во время ярославского восстания в июле 1918 года семья Кузнецовых покинула город. Вызвано это было тем, что возникла реальная угроза расстрела за поддержку восставших, но об этом вовремя было сообщено Василию Платоновичу одним из рабочих его фабрики. В течение продолжительного времени семья скрывалась в костромской глубинке, в Нерехте и ее окрестностях, откуда он был родом. Позже семья перебралась в Москву.

1 сентября 1919 года по постановлению Ярославского губернского совета народного хозяйства фабрика была национализирована. В первые годы советской власти ее работа отличалась нестабильностью из-за отсутствия ремонта машин, оборудования, нехватки сырья, падения курса рубля, конкуренции кустарей — производителей кондитерских изделий. В годы нэпа ее перевели на хозяйственный (коммерческий) расчет. Но без

надлежащего ремонта оборудования она вскоре превратилась в обычную кустарную мастерскую.

В сентябре 1922 года фабрика была закрыта, а в 1924 году – сдана в аренду товариществу «Сельпромторг» с центром в Москве. Это позволило сделать капитальный ремонт оборудования и корпусов. Но в 1925 году в связи с разорением товарищества ее передали в аренду Центральному рабочему кооперативу «Единение – сила», крупнейшему в стране. Вскоре фабрика стала прибыльным предприятием. 15 апреля 1926 года на общем собрании рабочих и служащих кондитерскую фабрику решили назвать «Путь к социализму». Среди продукции фабрики опять появилась карамель, монпансье, фруктовый сахар, варенье, пряники, печенье, фигурный шоколад, пастила, зефир, ирис, торты, рулеты, пирожные, кексы, пельмени, конфеты «Фруктовая помадка», «Крем-брюле», «Рококо», «Весна», карамель «Раковая шейка», «Фруктово-ягодная».

В годы Великой Отечественной войны в связи с демонстрацией кондитерского оборудования на ней выпускали противотанковые бахилы. После войны производство было восстановлено и фабрика приобретает статус предприятия республиканского значения, как, например, и «Бабаевская» в Москве. В 1990-е годы она стала называться «Ярославлькондитер» и по-прежнему является одним из ведущих кондитерских производств страны, получает дипломы, медали, знаки (за высокое качество продукции в различных номинациях).

В середине 2000-х годов после рейдерского захвата фабрика прекратила выпуск своей продукции, и в настоящее время все её помещения пустуют.

12 сентября 2009 г. на Первомайской улице, рядом с подворьем Алёши Поповича, была установлена скульптура медведя на валуне с надписью «Символ России – Легенда Ярославля». Инициатором этого «действия» стал председатель Совета меценатов Ярославии и по совместительству владелец расположенного с боку медведя квартала М. Крупин. Не лишним будет напомнить, что именно здесь незадолго до этого произошло уничтожение уникального культурного слоя, что вызвало судебное разбирательство.

С самого начала медведь воспринимается как туристический бренд, тем более, что каждый час издаёт звуки, призванные напоминать рычание этого животного. Сразу же были сочинены расхожие легенды по поводу воздействия его на туристов и самих ярославцев. Происхождение его связывали с точной копией работы Фаберже. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что часть гостей города, особенно североамериканских, всмотревшись в эту фигуру, отходит от неё явно сконфуженными. Оказывается, по авторитетному мнению охотоведов и лесничих, это североамериканский гризли, причём взрослое и даже умирающее животное (об этом свидетельствуют впалые бока, чего никогда не бывает у здоровых животных, предсмертная ярко выраженная худоба, сваливающаяся шерсть, признаки истощения усматриваются также по мускулатуре морды, туловища, торчащая во все стороны шерсть - признак тяжёлой болезни).

По информации Интернета, данное скульптурное изображение медведя привезено из Канады. По-видимому, скульптура была заказана для паркового частного ансамбля и, как невостребованная заказчиком, была продана на сторону. О случайности этой скульптуры свидетельствует и сам камень, не соответствующий композиции. Кроме того, под лапы приклеены «притопыши» из кусков гранита для устойчивого нахождения скульптуры на постаменте. И здесь становится ясно поведение некоторых туристов, хорошо знакомых с подобного рода скульптурами у себя на родине.

Для нас же, ярославцев и россиян, уже совсем по-новому читается «слоган», «украшающий» скульптуру – «Символ России – Легенда Ярославля».

На берегу р. Которосли расположена ц. Михаила Архангела. Этот храм имеет большую и славную историю. Он был построен еще ростовским князем Константином Мудрым в 1213 г. (освящен в 1216), то есть еще до сооружения каменного Успенского собора в Рубленом городе. С самого начала он был княжеским и дружинным храмом. Поэтому не случайно именно этот храм был вновь в 1294 году возведён в дереве княгиней Анной – второй женой ярославского князя Фёдора Ростиславовича Чёрного из рода смоленских князей.

О княгине Анне имеется много материалов, особенно в церковной истории, свидетельствующих о постройке ею новых и восстановлении старых храмов, благотворительной деятельности. Одним из первых храмов, возведённых на деньги, полученные в приданое (собираемые в качестве дани с 30 городов), – была церковь Михаила Архангела на берегу Которосли в Земляном городе.

В 1295 г. эта церковь была перестроена, причем княгиня Анна украсила ее главную икону Богоматери «златом, и серебром, и камением дорогим... поименовав эту церковь Соборною». Эта церковь стала дворцовой для ярославских князей второй династии, то есть потомков Федора Черного. Она была отстроена княгиней Анной в память об умершем сыне Федора Черного от первого брака - Михаиле.

В «золотом» для Ярославля XVII веке этот храм был отстроен вновь – но уже в камне. В течение 25 лет строился этот храм, средства на который собирались всем миром. Около 1680 г. строительство было закончено и произошло освящение храма. В XIX веке эта церковь вновь приобретает характер гарнизонного храма. Такая традиция продолжается и в наши дни: все требы военнослужащих ярославского гарнизона исполняются бесплатно, в том числе и церковные свечи (однако рядом с горками свечей и бумагой для написания треб всегда находится копилка для пожертвований). Сегодня ярославцы приходят в церковь Михаила Архангела помолиться о защитниках нашей родины, о своих родных и близких, которые служат в армии.

От площади Богоявления на правой ее стороне и до берега реки находится восточная стена Спасо-Преображенского монастыря. Это одно из самых древних в Ярославле культовых сооружений, являющееся свидетелем практически всей истории города за последние более чем восемь веков.

По данным исследователей церкви, уже во второй половине XII века за пределами городских укреплений с целью ликвидации места поклонения языческим богам и сооружения форпоста для защиты города с юго-запада был основан монастырь. К этому времени уже стало традицией в целях полного уничтожения даже памяти о местах прежнего поклонения языческим богам сооружать на их месте православные храмы. Более того,

прослеживается стремление приблизить чествование того или иного святого или по времени празднования, или по характеру поклонения православным святыням. Здесь также мы видим подобные «совпадения» – языческий день Велеса и день Преображения Спаса отмечались в одно и то же время – 6 августа. С севера город защищал Петровский монастырь, возникший примерно в этот же период в полутора километрах от кремля, вверх по Волге. Позднее именно в этом треугольнике – между кремлем, Спасским и Петровским монастырями – велась основная застройка города Ярославля.

На месте деревянных построек в начале XIII века ростовским князем Константином Всеволодовичем, по прозвищу Мудрый, была заложена «церковь каменная» в честь Преображения Спаса. Ростовские князья придавали большое значение Ярославлю, в том числе и возведено по своей инициативе княжеских форпостов.

Князем Константином еще до 1214 года было основано первое на северо-востоке Руси училище. Для этого имелась и необходимая база: здесь были собраны и хранились в монастырской библиотеке более одной тысячи только греческих рукописей. Существовал даже свой штат переписчиков и переводчиков. Здесь могло быть создано и знаменитое Спасское Евангелие начала XIII века, являющееся жемчужиной коллекции ярославского музея-заповедника. Окончание строительства Спасского собора происходило уже при ярославском князе (в 1218 году было образовано самостоятельное княжество) Всеволоде Константиновиче в 1224 году. Но монгольское нашествие на долгие годы прервало начавшийся блестящий расцвет богатого волжского города, о степени развития которого говорят последствия пожара 1221 года, когда только церковью сгорело 17. Как и многие другие города нашего края, Ярославль зимой 1238 года был захвачен, разорен и сожжен. Возвышение монастыря происходит в конце XIII века. В это время он превращается в княжескую усыпальницу. Раньше члены княжеской семьи захоранивались в Петровском монастыре на берегу реки Волги или в Успенском кафедральном соборе на Стрелке. Начиная с Федора Черного, представители ярославского княжеского дома, а также их потомки обретали свое последнее пристанище в стенах монастыря.

Первые деревянные и каменные здания монастыря не сохранились, но по результатам раскопок, производившихся в разное время на его территории, можно восстановить их месторасположение, внешний облик и хронологию сооружения. Очертания стен монастыря представляли собой неправильный пятиугольник, с башнями по углам и двумя воротами. Сам собор возводился в 1216–1224 годах, располагавшаяся рядом церковь Входа в Иерусалим - в 1218–1221 (до пожара). Монастырь окружал ров. С восточной стороны между укреплениями посада (Земляного города) и монастыря находился так называемый застенок.

В 1463 году, после очередного пожара, в подклети Спасо-Преображенского собора были обнаружены мумифицированные останки трех человек. Давно уже было замечено, что здесь, в соборе, на месте их захоронения происходили различные чудесные исцеления, причину которых так и не смогли понять. Пожар позволил обрести эти чудотворные мощи ставших впоследствии святыми ярославских князей Федора и его сыновей Давида и Константина.

Правление Федора можно назвать «золотым веком» в истории Ярославля и княжества. К концу 1250-х годов ярославский княжеский стол оказался без наследника по мужской линии. Дочь последнего ярославского князя Константина, погибшего в легендарной битве на Туговой горе в 1257 году, по существовавшей тогда традиции не могла наследовать от отца. Поэтому ее мать – Ксения из рода ростовских князей – решила найти себе зятя – человека знатного, но не очень богатого, чтобы он не присоединил ярославское княжество к своему. Выбор пал на родовитого, но владевшего небольшим Можайским княжеством Федора Ростиславовича Черного из рода князей черниговских. Главной ее целью было сохранить за собой реальную власть, а сам князь должен был выступить в роли, как теперь принято говорить, «биологического отца» – родить сына, управлять вместо которого до его совершеннолетия должна была теща — княгиня Ксения. Практически так оно и вышло. У князя Федора родились две дочери (в летописях их имена не упоминаются) и сын Михаил. По устоявшейся тогда традиции он подолгу «гостил в орде», вместе с ордынскими войсками во главе своей дружины участ-

вовал в покорении, как правило, южных племен (аланов на Кавказе). После смерти жены, тещи и сына он женился на дочери одного из влиятельных ханов Золотой Орды Менгу Темира, которая приняла крещение с именем Анна. Из-за огромного приданого (более 30 городов, вернее, дани с них), а также родства с ханом Ярославль становится одним из самых богатых и влиятельных городов на северо-востоке России. Вполне вероятно, что при дальнейшем благоприятном развитии событий наш город мог стать тем центром, вокруг которого формировалось бы новое государственное образование. Все окрестные князья с глубоким почтением относились к ярославскому князю. Но изменения в Орде и смерть самого Федора привели к резкому падению роли и значения княжества. Так, его дети Давид и Константин уже не были такими, как отец, — высокорослыми, красивыми, с крепко сбитым телом, а являли собой яркий образчик низкорослого татарского воинства. А это не в последнюю очередь влияло не только на имидж князя, но и всего княжества.

В течение XIV–XV веков Спасо-Преображенский монастырь становится обладателем многочисленных вотчин не только в Ярославском, но и в соседних уездах – Московском, Петровском, Романовском, Костромском. Это произошло за счет жертвований «на помин души» и дарений в честь чудесных исцелений, которые стали подробно фиксироваться в церковных книгах.

В 1501 году в Ярославле случился страшный пожар, который уничтожил Успенский собор на Стрелке и Спасо-Преображенский собор в монастыре. Позднее, в 1516 году, в монастыре возвели новый собор. На основании результатов современных изысканий известно, что построен он был итальянским мастером Иваном Фрязиным – строителем московского Кремля. Одновременно с этим возводились и каменные монастырские стены, и башни, в том числе Святые ворота.

После пожара 1536 года уже по повелению Елены Глинской началось возведение каменных оборонительных укреплений, которое продолжалось до середины 1550-х годов. Но из-за плохого качества уже к середине 1580-х годов стены совсем развалились, а монастырские власти «почали ограду новую дела-

ти». Правда, она простояла недолго. Бурные события начала XVII века принесли новые разрушения стен и здания монастыря.

Спасо-Преображенский монастырь сыграл важную роль в истории XVII века, в годы гражданской войны и польско-шведской интервенции. В мае 1609 года он выдержал 24-дневную осаду и отразил все приступы неприятеля. Слободы и Земляной город оказались в руках врага, свободными были только деревянный Кремль на Стрелке и Спасский монастырь. В конце марта 1612 года в Ярославль прибыло нижегородское ополчение, руководимое Мининым и Пожарским. В период его пребывания в Ярославле было создано временное правительство Русского государства – «Совет всея земли». Совет «чинил своим именем суд всей земли русской, определял награды и наказания», по его указу в Ярославле чеканили монеты, формировалось ополчение из населения освобожденных от поляков земель. Многие исследователи считают, что совет этот мог находиться в Спасском монастыре, от стен которого 27 июля 1612 года ополчение начало освободительный поход к Москве. Без сомнения, именно в монастыре проходили все торжественные молебны, освящение полковых хоругвей.

В Ярославле Дмитрий Пожарский весьма успешно сочетал политическое и военное руководство. В частности, для придания освободительной войне общенационального характера необходимо было создать и новое общерусское правительство, и административный аппарат. Именно с этой целью в Ярославле был сформирован Совет всея земли, куда вошли представители всех освобожденных от поляков территорий. Исполнительная власть имела свои приказы (министерства) - Поместный, Казанского дворца, Новгородской четверти и т. д. «Оскудевшие» (потерявшие свои земли и разоренные) дворяне наделялись новыми поместьями, регулярно собирались налоги. Был устроен даже собственный монетный двор, где чеканилась своя, ярославская, серебряная монета - копейка. На ней под изображением всадника значились буквы С/ЯР и имя Фёдора Иоанновича – последнего законного царя перед смутой («Царь и Великий князь Фёдор Иоаннович Всея Руси»).

В дни Ярославского стояния ополчение учредило свой символ льва. Большая земская печать изображала «двух львов

стоячих», а меньшая – «льва одинокого». На печатке князя Пожарского было помещено изображение двух львов, которые поддерживали щит с изображением ворона, клюющего голову врага. Под щитом был изображён поверженный, издыхающий дракон. По краю шла подпись «Стольник и воевода, и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Стародубсково». Печатка князя очень напоминала родовой знак самого Дмитрия Пожарского. Новая символика была необходима ополчению для того, чтобы отличаться от самозванцев, использовавших двухглавого орла – старый герб московских царей.

В это время сам воевода носил титул, который подчеркивал его общерусскую власть: «По избранию всей земли Московского государства всяких чинов у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Пожарский». Но руководителем земского ополчения был Козьма Минин.

Князь Пожарский разослал грамоты по русским городам с предложением прислать в Ярославль «изо всех чинов людей человека по два» для участия в «Совете Всея Земли». Этот Совет из «всех чинов и людей Московского государства» стал управлять освобождёнными от интервентов территориями и выполнял функции временного правительства.

В грамоте князя Пожарского, адресованной в Белозерск, этот орган назван «земский Всемирный Совет в Ярославле». Далее Пожарский просит о постоянной координации совместных действий: «И вы бы, господа, по-прежнему своему к нам, Всемирному Совету были с нами в любви и в соединении, о всяких делах с нами ссылались почаще».

Старшими членами Совета стали бояре, князь Андрей Петрович Куракин, Василий Морозов, князь Владимир Долгорукий и окольный Семён Головин. В Совет также входили князь Никита Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Троекуров, князь Дмитрий Черкасский, братья Шереметевы. В Совете «всея земли» участвовали духовенство, служилые дворяне, приборные люди, горожане, черносошные и дворцовые крестьяне.

Несмотря на свой титул, князь Пожарский проявлял большую скромность, не желая раздражать знатных бояр, съехавшихся в Ярославль для участия в работе Совета всея земли. Для него важнее местничества, т. е. строжайшего соблюдения

норм и правил очередности в отношении знатности происхождения, званий и титулов, было единство всех русских сил, чего придерживался и Кузьма Минин. В частности, это нашло свое проявление при подписании Соборной грамоты, отправленной во все города русского государства. Дмитрий Пожарский подписался там десятым, а Кузьма Минин даже пятнадцатым (кстати, из-за неграмотности последнего свою подпись за него поставил сам Дмитрий Пожарский). Но все отлично понимали, что не это было главным, а реальная власть над ополчением, и эту власть Д. Пожарский и К. Минин не отдали никому.

Князь Пожарский отлично понимал, что для успешной борьбы с интервентами необходимо хорошо вооруженное и обученное войско, состоящее из профессиональных воинов. Традиционно в него входили дворяне и стрельцы. Именно из них и формировалось ядро ополчения. Для этого необходимо было собрать, вооружить и обеспечить всем необходимым прежде всего дворян. С этого и начал Дмитрий Пожарский, а самоотверженная кипучая деятельность земского старосты Кузьмы Минина обеспечивала для этого необходимые средства. По прибытии в Ярославль Дмитрий Пожарский устроил смотр вновь сформированных дворянских отрядов. Но грустная то была картина... Только немногие из них имели хороших лошадей. А оружие – так и вовсе было крайне неоднородным по качеству и явно недостаточным по количеству. Да и одеты они были кое-как. По требованию воеводы земская изба тут же раздавала дворянам и «детям боярским» (выходцам из боярских и княжеских родов, со временем, как правило, «оскудевших») деньги на покупку коней, доспехов и оружия. Им было определено от 30 до 50 рублей жалованья в год в зависимости от «статьи» (положения, занимаемого в ополчении). По требованию Дмитрия Пожарского был составлен «мирской приговор», по которому горожане обязались обеспечивать войско всем необходимым.

В формировавшееся в Ярославле ополчение принимались также добровольцы из посадских, «даточные люди» из крестьян (податные), отряды казаков. В это время принципиально важным явился полный отказ от иноземных наемников. Их ненадежность в боях была хорошо известна Дмитрию Пожарскому, да и, кроме того, их содержание требовало непомерных

средств, которых, несмотря на добровольные пожертвования и «пятую деньгу» (одну пятую часть движимого и недвижимого имущества) с посадов и вотчин, руководители ополчения пока еще не имели. Кроме того, алчные, расчетливые и равнодушные наемники явно не укладывались в рамки всеобщего воодушевления, свойственного любой освободительной войне. Вот что, например, говорилось в ответе наемникам, пожелавшим поступить на службу в ополчение: «Наемные люди из иных государств нам теперь не надобны. Так, уповая на милость Божию, оборонимся и сами, без наемных людей».

В Ярославле ополчение предполагало выбрать царя на Земском соборе. Это важно было еще и потому, чтобы объединить его именем все ратные силы русского государства и обеспечить тем самым победоносный поход и борьбу с иностранными интервентами и примкнувшими к ней части русских – «воровских» людей. Но этому не суждено было сбыться.

В мае 1612 г. в Ярославле и округе, как уже отмечалось, свирепствовало «моровое поветрие» – эпидемия. «Тесно стало в Ярославле», – свидетельствует местное предание. Вследствие этого «открылась в городе заразительная болезнь – моровая язва, жертвами которой стали тысячи народа». Уже с 15 мая эпидемия приняла ужасающие размеры: мертвых не успевали хоронить на приходских кладбищах города и его окрестностях. Это создало реальную угрозу гибели, с одной стороны, всего населения Ярославля, а с другой – и собственно ополчения. Горожане и ополченцы стали спешно покидать город, дворяне разъехались по своим усадьбам. Но меры, принятые руководством ополчения, а также организация крестного хода («тогда к отвращению от подобного рода несчастий знали только одно средство – молитву») борьба с «моровым поветрием» существенно ослабила силы ополчения. Тем не менее уже в конце мая – начале июня 1612 г. Ярославль вновь стал заполняться и населением, покинувшим свой город, а главное – добровольцами в ополчение. В это время наиболее ярко проявились таланты организаторов у лидеров ополчения – Д. Пожарского и К. Минина. Именно они решились на отчаянный шаг – собирать дополнительные средства на нужды ополчения, в том числе и с тех, кто их уже внес.

К. Минин справедливо считал, что начинать надо с самых зажиточных ярославцев. Но, как оказалось, они уже внесли свой вклад в формирование ополчения еще в Нижнем Новгороде. Это прежде всего касалось Степана Лыткина - ярославского земского старосты, крупнейшего и авторитетнейшего купца Ярославля, бывшего по меркам того времени гораздо выше по своему статусу самого Кузьмы Минина. Еще весной внесли свои средства в Нижнем Новгороде и другие ярославские купцы - Григорий Никитников, братья Чистовы и т. д. Все вместе, да и каждый по отдельности, они могли дать отпор Минину, потягаться с ним, противопоставив свою волю его воле. Но победителем вышел Минин. У него хватило характера, чтобы добиться своего. Сначала он по-доброму убеждал торговых людей еще раз помочь войску, но когда это не помогло, распорядился взять их под стражу и отвести под конвоем к Пожарскому, одновременно предупредив о полном изъятии имущества в случае сопротивления и несогласия.

Пожарский также готов был довести начатое до конца, т. е. посадить их в тюрьму. Подобное унижение очень резко ударило бы по авторитету столь богатых и уважаемых купцов. Суровость руководителей ополчения проняла ярославскую купеческую верхушку, особенно то, что его руководители вовсе не считались с их высоким достоинством. Поэтому вскоре ярославский земский староста Степан Лыткин, а вместе с ним Василий Лыткин, Григорий Никитников, Михаил Гурьев, Елифаный Светешников, вынуждены были покориться. Внесли значительные средства на формирование ополчения и другие крупнейшие купцы.

Благодаря этому в Ярославле «было произведено верстание (награждение, наделение) денежными и поместными окладами дворян и детей боярских, ранее не верстанных, давались поместья лицам, ранее их не имевшим, назначались придачи за новые службы уже поверстанным, наконец, принимались по челобитьям потерпевших меры к возвращению старым владельцам поместий». Города поволжские, северские и поморские присылали в Ярославль свои отряды, чтобы вместе «стоять» за православную веру против польских и литовских людей. Ярославское

ополчение пополнилось военными силами из Вологды, Романова, Углича, Твери, Кашина, Торжка, Суздаля и других городов.

В Углич, Переславль-Залесский, на Белоозеро, во Владимир и Тверь были отправлены воеводы с дьяками. Это означало, что пошёл начальный процесс восстановления управления российскими территориями и началось возрождение законной национальной государственной власти.

Во время пребывания в Ярославле руководитель ополчения Д. М. Пожарский вел отсюда переговоры с представителями иностранных государств о возможности занятия русского престола с гонцами городов, занятых неприятелем. Все это было рассчитано на то, чтобы дать дополнительное время на формирование ополчения после страшного удара судьбы в мае 1612 г. Своих целей Дмитрий Пожарский достиг - время было выиграно.

«Совет всея земли» обличал атамана Зарудского как казнокрада, присвоившего деньги, собранные на нужды ополчений с подмосковных городов, и т. д. Подобных обвинений лихой атаман снести не мог. В Ярославль им были посланы убийцы, чтобы расправиться с Пожарским, как раньше подстроил гибель Прокопия Ляпунова. В то самое время, когда ополчение готовилось выйти в поход на Москву, в самом Ярославле появились два «засланных» казака - Обрезка и Стенька. Уже здесь они вовлекли в заговор смоленских стрельцов, боярского сына Ивана Доводчикова (с ним атаман сошелся еще на службе польскому королю Сигизмунду при осаде Смоленска) и рязанца Стеньку Жванова, который был холопом у самого Пожарского - жил на княжеском дворе на полном «коште» своего хозяина. Однако смоляне от участия в убийстве Пожарского отказались. Тогда Стенька и Обрезка все силы бросили на то, чтобы уговорить на убийство Жванова: проникнуть ночью в спальню князя и зарезать его. Но в последний момент Жванов отказался, струснул, так и не выполнив своего обещания. Казаки решили убить князя сами.

Поутру, побывав сначала в Съезжей избе у дьяка, Дмитрий Михайлович вышел оттуда, чтобы осмотреть пушечный набор, подготовленный для похода на Москву: два ряда пушек полковых и затинных (крепостных), всех, что были свезены из

разных мест, добытых в сечах, а также отлитых в Нижнем Новгороде и Ярославле, занимали чуть ли не весь двор. Вдоль рядов чинно похаживали знатоки-пушкари, за которыми увязалось немало ратников, слушавших с большим интересом их рассказы о меткости огненного боя, зарядах и свойствах порохового зелья. В эту толпу ратников и затесались Обрезка со Стенькой. Сам Пожарский, припадая на раненную в давней битве под Москвой ногу, шел между рядов, осматривал орудия, указывая при этом пушкарям, какие из них надо взять в поход. Народ тесно сгрудился вокруг князя, и этим попытались воспользоваться «засланные» казаки. Для этого они хотели использовать остро наточенные засапожные ножи, прикрытые полами зипунов.

Осмотрев наряд, Пожарский повернул к избе и стал протискиваться сквозь толпу. В это время князя поддерживал за руку казак Роман. Уже у самого крыльца Стенька выхватил нож из-за голенища, но в мгновение удара его толкнули под руку, и нож, изменив траекторию, вонзился в бедро Романа. Тот с громким воплем упал на землю. А Пожарский остался невредимым. Как сказано в летописи об этом событии, кого заслоняет десница Божия, того нельзя погубить. Тут же был найден брошенный нож и пойман сам злодей. На допросе с «пристрастием» Стенька выдал всех своих сообщников, в том числе и тех, кто отказался от задуманного. Некоторых из них отправили в соседние города в темницы, а остальных вместе со Стенькой и Обрезкой захватили с собой под Москву на обличение. Пожарский категорически запретил казнить кого-либо из них. Однако часть историков и публицистов утверждает, что все покушавшиеся были убиты, а некоторые при этом даже уточняют: сварены в кипящей смоле.

За время нахождения в Ярославле ополчение превратилось в общерусскую военную силу, которая насчитывала свыше 20 тыс. воинов. Эти войска представляли собой сильную, сытую, хорошо вооружённую и морально сплочённую часть русских людей, готовых на решительные действия по восстановлению национальной государственности и освобождению столицы от неприятеля.

В день праздника чудотворной Смоленской Богоматери 28 июля 1612 г. в Успенском соборе ярославским митрополитом Кириллом был отслужен последний молебен для ополчения Ми-

нина и Пожарского, и оно отправилось от стен Спасского монастыря освобождать Москву от интервентов.

В 1997 г. на бывшем Михайловом поле, откуда началось движение ополчения по освобождению столицы от поляков, была установлена часовня в честь этого события. Называется она часовня в честь иконы Казанской Богоматери и, несмотря на то, что является новоделом (современной постройкой), пользуется огромной популярностью, особенно у молодоженов и гостей города.

21 марта 1613 года в Ярославль из Костромы прибыл юный царь – Михаил Федорович Романов. Государь вместе с матерью, инокинею Марией Ивановной, направлялся в Москву, но весенняя распутица задержала их. Возможно, на это повлияло также то, что близ Ярославля, по дороге из Ярославля на Ростов, хозяйничали разрозненные банды «воровских» казаков. Государь с матерью избрали местом своего пребывания Спасский монастырь, где жили с 21 марта по 16 апреля. Именно из монастыря была послана в Москву 23 марта первая грамота, извещавшая Земский Собор о согласии Михаила Романова на принятие царского венца. 16 апреля, после благословления от архимандрита Феофила, они отправилась в Москву. В середине XVII века Спасский монастырь примыкал к западной стороне городского вала. Его окружала зубчатая стена с шестью башнями. Та монастырская ограда, с башнями, остатки которой сохранились до наших дней, была построена в основном в первой половине XVII века. Об этом говорят многочисленные царские грамоты, разрешающие монастырю льготный провоз строительных материалов (камня, извести, леса). Вначале стали перекладывать западную и южную стороны ограды, «где понужнее приступные места», т.е. где монастырь был открыт прямому нападению врага и не мог быть защищен фланговым огнем с городского вала. Новые стены выкладывались высотой от 7,5 до 10,7 метра при толщине около 3-х метров и завершались машикулями и зубцами. За зубцами с внутренней стороны стены имелся отступ, поддерживаемый аркадами, — боевой ход, перекрытый деревянной крышей. На нем во время боев находились защитники обители, стрелявшие через щели бойниц и поливавшие наступающих врагов кипятком и варом. Внизу между арками шел третий ряд бой-

ниц «подошвенного боя», а снаружи перед стенами проходил глубокий ров.

В 1622 году были закончены 2 башни со стороны Которосли – угловая и «новая», стоявшая на переломе южной стены. На северо-западном углу ограды на месте старой башни XVI века в 1623 году сооружена существующая в настоящее время квадратная Богородицкая башня, размером 6,4 x 6,4 метра, со сводчатыми перекрытиями. Выше зубцов ее покрыли тесовым шатром с дозорной вышкой.

Одновременно с постройкой башен заново перекладывались соединяющие их стены. В 1635 году к трем новым башням прибавилась и четвертая – Глухая – на северной стороне. По всей вероятности, она была перестроена из старой угловой башни, от которой прежде начиналась восточная часть монастырской ограды. Дело в том, что параллельно старой ограде шел городской земляной вал, называвшийся в описях «Большой осыпью». Между ними находился ничем не застроенный проулок, земля под которым принадлежала посаду. В 1635 году монастырь просил царя Михаила Федоровича прирезать этот участок к монастырской территории. За это монахи обязывались построить взамен существовавших тогда городских проездных башен — Угличской и Михайловской – новые каменные, которые, оставаясь по-прежнему городскими воротами, замыкали бы собой северо-западный и юго-восточный углы монастырской ограды. Таким образом, монастырь оказался непосредственно включен в линию укреплений Земляного города. В своей челобитной монахи доказывали, что перенос стены не только усилит оборону города, но и устранит для обители постоянную угрозу пожара от близости городских деревянных стен.

«Застенок» этот был невелик, его площадь не превышала половины гектара. Никаких посадских зданий здесь не располагалось. Однако из-за него завязалась упорная борьба между монастырем и посадом, не желавшим отдавать свою землю могущественному церковному феодалу, притеснявшему посад при всяком удобном случае. Но царь удовлетворил просьбу монахов. По мнению некоторых историков, одним из решающих доводов, вызвавших данное решение царя, был следующий: монахи жаловались, что с высоты земляного вала всякий желающий мог

подсматривать за внутренней жизнью монастыря, а это оскорбляло его жителей. Между 1635 и 1646 годами была сооружена существующая до сих пор каменная Угличская башня, принадлежавшая и монастырю, и городу, так как в ней находились городские ворота. В 50-х годах XVII века на юго-восточном углу была выстроена такая же проездная Михайловская башня, а в 60-х гг. достроена восточная часть ограды, поставленная на месте старого городского вала.

В монастырь въезжали через Водяные и Святые ворота, находившиеся в южной стене, которая шла параллельно Которосли. Водяные ворота, сохранившиеся до наших дней в развалинах, служили для повседневного пользования, так как через них ездили за водой на Которосль. Они были построены на месте старых, одновременно с перекладкой стены первой трети XVII века. В настоящее время это коридор-проезд, перекрытый цилиндрическим сводом, идущим от ограды внутрь двора и пересеченным арками, на которых ранее висело четверо железных ворот. В боковых стенах проезда были пробиты бойницы, устроенные так, что в случае прорыва врага через наружные ворота можно было со двора обстреливать проезд. Вплоть до начала XVIII века на воротах стояли две пищали – старинные пушки.

Святые ворота в XVI–XVII вв. служили главным въездом в монастырь. Они объединяли в себе крепостную башню с двумя проездами, надвратную церковь и дозорную вышку с часами. Была даже определена дата их первоначальной постройки – 1516 год, установленная по надписям в клеймах росписи, которой были украшены арки, своды и стены главного проезда. За свое более чем четырехсотлетнее существование Святые ворота подвергались многочисленным перестройкам, поэтому воссоздать их первоначальный вид очень трудно. Перед началом реставрации Святые ворота представляли собой трехъярусное сооружение с большими окнами в 3-м ярусе. В стене, разделяющей проезды, была скрыта лестница в палатку», расположенная в промежуточном ярусе над малым проездом. В этом же ярусе имела и другая палатка, окном на север.

Вход в нее был с западного фасада по наружной деревянной лестнице.

В нижней части восточной стены главного проезда видны две двери: одна ведет в маленькую сводчатую палатку, расположенную в северо-восточном углу башни, другая – в нижнюю камеру Дозорной вышки, откуда начиналась проходная шахта часовых гирь. Оба помещения темные, без окон.

В 1624 году монастырь купил старые часы мастера Христофора Галовея, висевшие на Спасской башне Московского Кремля до ее перестройки. Дозорная башня была переоборудована для установки этих часов. В частности, для гирь часового механизма на всю высоту башни устроили специальный колодец. В начале XIX века, когда звонница монастыря получила свое завершение с помещением для часового механизма, эти часы были на ней установлены, а дозорная башня осталась над святыми воротами с пустым колодцем. Впереди Святых ворот, отодвинутых внутрь монастыря на некоторое расстояние от существующей теперь монастырской стены, находился открытый дворик— «захаб». Он был окружен с 3-х сторон стенами, сообщавшимися как с боевой площадкой ворот, так и со стенами ограды. Наружные въездные ворота в «захаб» сделаны с восточной стороны. Как и у Водяных ворот, здесь в нижнем ярусе были устроены бойницы для обстрела внутреннего пространства «захаба» на случай, если бы врагу удалось прорваться в него через наружные ворота. Южная стена «захаба» обветшала, и в 1779 году ее разобрали, а сам дворик «захаба» укоротили и оградил новой стеной с въездными воротами с юга, обработанными наподобие триумфальной арки.

За стенами монастыря находились различные сооружения. Посредине монастырского двора стоял Спасо-Преображенский собор, с южной стороны его находилась церковь Входа в Иерусалим, ближе к Святым воротам — звонница, с маленькой церковью в нижнем этаже. С северной стороны к соборной паперти была пристроена розничная палатка, близ которой располагались еще две на подклетах (в одной помещался арсенал). Южную сторону площади перед собором занимало двухэтажное здание братской трапезной с церковью Рождества.

К трапезной, отделяясь от нее сенями, примыкали двухэтажные настоятельские покои, келарская и раздаточная. Здесь в 1613-м и в 1620-м годах останавливался царь Михаил Федоро-

вич. Но в XVII веке монастырские власти – архимандрит, келарь, казначей – занимали двухэтажные здания на западной стороне Соборной площади. Вдоль южной ограды, от Святых ворот к Михайловской башне и далее, параллельно восточной стене монастыря, тянулись каменные кельи братии, находилась больничная палата с церковью. У Водяных ворот стояла большая изба для работников и две отдельные каменные кельи для «старцев» – монахов, ведавших конюшней и мельницами. На монастырском дворе располагалось много хозяйственных служб: две поварни, восемь житниц, воскобойный амбар, три экипажных сарая, конюшни, баня, погреба и т. д. Таким образом, архитектурным центром монастыря являлась площадь перед собором, окруженная каменными зданиями. Она занимала вершину того пологого холма, на котором был расположен монастырь. Дорога, шедшая от Святых ворот к собору, имела, по-видимому, значительный подъем.

11 июня 1658 года в Ярославле случился один из самых страшных пожаров за всю его историю. В огне сгорело 29 приходских церквей, торговые ряды, 1480 домов. Пострадал и Спасский монастырь. В 1681 году ярославцы встречали возвращающегося из ссылки патриарха Никона. Он умер на струге, на котором плыл из Кирилова-Белозерского монастыря, направляясь в Москву. Тело его перенесли в Спасский собор и оттуда торжественно, на погребальной колеснице, отправили в Москву.

В монастыре были похоронены многие князья и бояре из местных вотчинников: Троекуровы, Львовы, Курбские, Козловские, Племянниковы, Елизаровы и др. Сюда же было привезено тело князя Львова, которого в Астрахани Степан Разин велел сбросить с колокольни. Петр I, много раз посещавший Ярославль, бывал и в Спасском монастыре. Он присутствовал при погребении своего любимого боярина – князя Федора Ивановича Троекурова, умершего от ран, полученных при осаде Азова.

С петровских времен государственное значение монастыря стало падать, а его феодальные права – урезываться, но экономически он продолжает еще представлять собой значительную силу. Только общая секуляризация (изъятие в пользу государства движимого и недвижимого имущества) всех монастырских имений, осуществленная в 1760-х годах Екатериной II,

и введение «штатов» – назначение монастырям определенного казенного содержания вместо отобранных в казну вотчин и прочих недвижимостей – подорвали его хозяйственную мощь.

Спасо-Преображенский монастырь в течение почти 6 веков являлся оплотом стабильности как в Ярославле, так и во всем Ярославском крае. Важное значение он имел и для русских земель. Это выразалось прежде всего в постоянной духовной поддержке сначала великих ростовских князей, потом владимирских и московских, а затем и русских царей. За это он многократно получал различную финансовую поддержку. Так, Иван Грозный особо покровительствовал монастырю, пожаловав ему 55 дарственных грамот. Поводом для этого послужило исцеление от тяжелого недуга его первой и самой любимой жены – Анастасии Романовны – в монастырской обители у мощей ярославских Чудотворцев – Федора, Давида и Константина. Сын Ивана Грозного – Федор Иоаннович пожаловал 12 дарственных грамот, а первый Романов – Михаил Федорович – 18. Это позволило монастырю стать крупнейшим церковным феодалом-вотчинником. Об этом свидетельствует и дворовая перепись от 1678 года. В ней указывается число приписанных к нему дворов – 4049, что позволило монастырю стать третьим после Троице-Сергиева (20131) и Кирилло-Белозерского (5250) монастырей. Ко времени упразднения за монастырем было 13980 душ крестьян, свыше 30 сел и 500 деревень, не считая своих дворов в Ярославле и слобод в его окрестностях. Архимандриты монастыря играли важную роль не только в Ярославле и крае, но и в жизни всей страны. Нередко они присутствовали на собраниях общегосударственного значения, например, «спасской из Ярославля старец Мисайло» был в числе тех, кто избирал на царство Бориса Годунова 1 августа 1598 года. Архимандрит Сергей участвовал в суде над патриархом Никоном в 1666 году. За это Спасским архимандритом грамотой Ростовского епископа Ионы Сысоевича было дозволено «божественную службу служить на ковре с рипидами и с осенением вещным».

В 1701 году в штате монастыря было 155 человек братии. Кроме них насчитывалось еще 230 человек бельцов (лиц, освобожденных от городских налогов) – «вотчинской администрации и технической рабочей силой». Это были стряпчие, которые

отстаивали права монастыря в различных спорных ситуациях, приказные – дьяки и подьячие, канцелярские служки, служебники, составлявшие собственный штат иконописцы, столяры, кузнецы, портные, повара. Была и еще одна зависимая от монастыря категория людей – конюхи и слуги, дворники, которые состояли при рогатой и мелкой скотине, «крестьянские детеныши...» «для посылок». На всех обитателей монастыря – 385 человек – тратилось в год 1300 рублей. Но их плата колебалась от 50 копеек «крестьянским детенышам» до 40 рублей самому архимандриту – управлявшему монастырем. Часть этих денег – 100 рублей, по данным за 1710 год, – монастырь получал из царской казны.

Но в начале XVIII века монастырь постепенно лишился многих своих постоянных доходов. Это было, в том числе, связано и с Северной войной, которая требовала больших финансовых вливаний. Финансовая слабость монастыря отразилась, например, в письме архимандрита (дело в том, что пожар, случившийся 25 июня 1714 года, нанес большой ущерб монастырю).

«На церквах кресты и главы и кровли и всякие деревянные строения погорело все без остатку, а ныне церкви и кельи строят непокрыты и от дождевой мокроты сводом чиниться повреждение немалое, а того строения строить не на что; понеже в монастыре никаких доходов нет и государство денежного жалования им не идет для тех, что дачию монастырь их в табели ни в которой в губернии не написан, а с монастырских крестьян всякие окладные и не окладные денежные доходы собирают в ярославской канцелярии (т. е. в пользу государства)». «На бедность» в 1719 году монастырю вместе с «богаделенными нищими» было выплачено 877 рублей.

В соответствии с екатерининской секуляризацией, 26 февраля 1764 года Спасо-Преображенский монастырь был отнесен к первому классу. За этим последовало лишение его всех вотчин. Необходимо добавить, что в результате огромного пожара в 1763 году обитель очень сильно пострадала. Но средств на ремонт и восстановление не было. Будучи через 2 года в Ярославле проездом из Ростова, где при ней перекладывались мощи Св. Дмитрия Ростовского в начатую еще по приказу Императрицы Елизаветы Петровны серебряную раку, Екатерина II, сочув-

ствуя бедственному положению монастыря, оказала ему «милостивое внимание» на «возобновление» 20-ю тысячами рублей из казны. Это был последний крупный вклад в дело благоустройства монастыря.

В 1777 г. Ярославль стал центром наместничества (с 1796 – губернии). Это сопровождалось необходимостью сосредоточения в Ярославле не только светской, но и духовной власти, что привело к переводу из Ростова архиерейской кафедры. Одновременно был упразднен и сам Спасо-Преображенский монастырь. В 1786 году древний Великий Ростов, хотя с сожалением, должен был расстаться с архиерейскою кафедрой, которая находилась в нем почти 9 веков. Местные причины: возрастающее народонаселение Ярославля, который уже прежде был почтен титулом губернского города; прекрасное его местоположение; величественная Волга, издавна несущая пропитание и богатство; наконец, упадающая слава Ростова — внушили мысль Екатерине Великой перенести кафедру в Ярославль. Ростовский архиепископ Арсений получил позволение именоваться Ярославским и Ростовским (через 10 лет после перенесения кафедры, 19 июля 1796 года, архиепископы стали называться Ярославскими). «Для сего в 1788 году в третий день июля (по другим данным — 29 мая), именным высочайшим указом, данным генерал-губернатору Ярославскому и Вологодскому Алексею Петровичу Мельгунову, велено упразднить Спасский монастырь в Ярославле, обратив оный в дом архиепископский, а бывших в нем архимандриту Иоилю, по старости и болезням его уволенному от управления тем монастырем, производить по смерти его жалованье». Так писал об этом событии протоиерей Иван Троицкий в церковно-археологическом описании Ярославской епархии.

Вскоре началась перепланировка всей территории бывшего монастыря. Были снесены старые сооружения, на месте которых построили новые. Существенные изменения произошли и во внешнем облике зданий. На территории монастыря появились новые сады, цветники и оранжереи. Образовались как бы два двора – архиерейский и семинарский (в 1747 году там, где сейчас исторический отдел, было открыто переведенное в Ярославль из Ростова училище). Границей служила небольшая ка-

менная стена, шедшая от собора к воротам на современной площади Богоявления. Для удобства новых обитателей и их гостей были устроены крытые переходы. Сооружались новые храмы, а в старых обновлялись интерьеры. Для собственных нужд архиерейского дома возвели новые или переоборудовали старые жилые и хозяйственные постройки.

В 1803 году была разобрана «по ветхости» (из-за подтоплений при разливах Которосли) старая восьмигранная Богоявленская башня. На ее месте построили круглую — в соответствии с духом времени. Позднее, в 1819 году, на ее нижнем этаже стала располагаться книжная лавка, а с 1909 года — мебельная мастерская, в 1920-х гг. здесь уже было жилье для рабочих, реставраторов. На месте северной «глухой» башни была сооружена сначала кузница, а затем, в начале XIX века, устроен арочный проем с воротами, который вел на территорию хозяйственного двора монастыря.

В 1778 году Угличская башня из проездной была превращена в обычную. В 1835 году в ней расположилась лавка скобяных товаров. Для этого разобрали свод над вторым ярусом, расширили внутреннюю площадь за счет уменьшения толщины стен башни.

В 1818 году по тем же причинам, что и Богоявленская башня, была перестроена, причем в весьма заниженном «виде», часть крепостной стены «от Водяных ворот до семинарской библиотеки». Современники утверждали, что сделали это с намерением открыть для архиереев вид на Которосль и на все заречье, заслонявшееся громадной стеною. В 1820-30-х гг. по проекту губернского архитектора П.Я. Панькова вдоль наружной стены от Угличской до Богородицкой башни были построены в классическом стиле, с колоннами и портиками, торговые ряды. Они стали принадлежать «железным королям» — братьям Пастуховым.

В 1896 году в Богородицкой башне была обустроена Троицкая часовня. Посвящалась она пребыванию в монастыре весной 1613 года только что избранного «на царство» Михаила Федоровича Романова. В это же время монастырские стены на северо-востоке и западе оказались окруженными торговыми лавками. Современники отмечали, что это вызывало неодно-

кратное обращение к Ярославской управе с просьбой о снятии наружной рекламы и объявлений торговых людей.

В 1670-90 гг. на месте прежней восточной стены монастыря, которая была перенесена на бывшие городские укрепления, соорудили каменные двухэтажные братские кельи (совр. отдел «Древнерусское искусство» и фонды краеведческого музея).

В XVIII веке к западу от Спасо-Преображенского собора были построены два двухэтажных братских корпуса. Возведенные еще до упразднения монастыря «кельи каменные и столь огромные, что не только архимандрит с братиею и со всеми монастырскими служителями свободное пребывание имеют, но и все по нынешнему стату[су] присутственные места до выстроения новых (на совр. Советской площади) помещены». Находились они здесь в течение 10 лет. Позднее, в 1807 году, «старые и неуклюжие хоромы» были разобраны. Несмотря на упразднение монастыря, монахи по-прежнему продолжали здесь жить.

После жесткого подавления ярославского городского восстания летом 1918 года (по образному выражению одного из очевидцев — «Ярославль скушал 75 тысяч снарядов») советская власть закрыла Архиерейский дом. Сам Спасский монастырь понес огромный урон и был передан госкомхозу. Правда, на его территории еще продолжали «жить три монаха, хранители ценностей ризницы». Но это не спасало сокровища монастыря от разграблений. Современники отмечали, что в его знаменитую библиотеку, в которой в 1795 году был найден список «Слова о полку Игореве», «ходили приезжие любители старины без охраны и много книг было расхищено»...

В 1918 году в монастыре расположились реставрационные мастерские. В это же время помещения занимали и заключенные в концлагерь губернской ЧК активные (и не очень) противники советской власти (помещение совр. Исторического отдела). Из Петрограда в монастырь были привезены экспонаты эвакуированного в Ярославль Артиллерийского музея. Но в отсутствие какой-либо охраны, при наличии неприспособленных помещений имущество его беспощадно расхищалось. Например, бумага шла на конверты и другие канцелярские нужды, а мун-

диры Фридриха Великого из-за качественного сукна обращены... в портянки. В 1924 году в губернской газете «Северный рабочий» была опубликована заметка, автор которой обращал внимание городских властей на брошенные на берегу Которосли бесхозные медные пушки.

В 1920-х гг. на базе монастыря была даже зарегистрирована обновленческая православная община. За счет прихожан частично отреставрировали церковь ярославских чудотворцев (у современного входа в музей). Силами реставраторов отремонтировали стены звонницы «от зияющих брешей с удалением торчащих в стенах снарядов». Келейный корпус был приспособлен под жилье «с населением до 150 рабочих и служащих разных учреждений», в том числе приехавшим на смену «подмочившим» свою репутацию в июле 1918 года бывшим партийным советским и хозяйственным руководителям города и губернии.

В здании бывшей семинарии (переехала в новое помещение в 1875 году на Которосльскую набережную, а на ее месте оставалось духовное училище) разместили губернский архив, позднее переведенный в Казанский собор. Мастерские и общежития для рабочих, реставраторов разместились в настоятельских покоех. В 1919–20 годах реставраторы, которым в немалой степени «помог» своими разрушениями артиллерийский обстрел красных войск, обнаживший заделанные детали и части древних построек, освободили от поздних наслоений здания монастыря. Таким образом, многим постройкам был возвращен первоначальный вид. Но по чьему-то злому умыслу реставрационную комиссию упразднили в 1930-м году, и все работы остановились.

Монастырь поступил в ведение Ярославского краеведческого музея, главное управление и экспозиция которого находились в южном корпусе присутственных мест на Советской площади (сейчас там банки, редакция газеты «Золотое кольцо» и т.д.). В этой связи уместным будет вспомнить обращение жителей города, напечатанное в 1924 г. в газете «Северный рабочий» в заметке «Пора убрать!». Здесь сообщалось, что «на берегу реки Которосль уже лет пять штук пятьдесят (!) пушек, весом от 50 до 100 пудов, которые представляют большую ценность, так как большинство из них медные и имеют историческое прошлое, так

что не помешало бы их поместить в музей». Но, несмотря на это, многие из его зданий по-прежнему использовались под жилье, а также занимались различными учреждениями. Кстати, по некоторым данным, то ли в шутку, то ли из-за отсутствия фантазии, сам монастырь имел весьма оригинальный почтовый адрес: 2-я Линия Социализма. Дело в том, что одна из главных торговых улиц города до революции называлась Большой Линией, затем – Линией Социализма (современная ул. Комсомольская).

Часть монастырской территории была отдана спортивному обществу «Динамо» под тир (со стороны Богоявленской башни) «с гарантией, что не будет порчи зданий от стрельбы». Весьма агрессивно вела себя и армия в отношении «захвата» зданий монастыря. Так, в августе 1931 года в ответ на просьбу военкомата музей на 1,5 месяца предоставил помещения монастыря «для проведения кампаний по проверке состава запасных». Но и после окончания означенного срока аренды военные не думали уходить оттуда. Более того, договорившись «через голову» администрации музея с горсоветом остаться в монастыре на правах бесплатной аренды, военные даже «начали выселение жильцов из занимаемых ими помещений, угрожая выбросом их на улицу». А для вящей убедительности у главных в то время ворот со стороны церкви Богоявления поставили пост, где вход был только по пропускам. Для своих нужд военные построили деревянные хозяйственные помещения, сараи. Эта неравная борьба закончилась в пользу военных, которые вплоть до 1949 года занимали территорию монастыря.

В 1950-е годы на территории размещалась Ярославская средняя сельскохозяйственная школа. Здесь же находилась и редакция областной газеты «Северный рабочий», жилье для простых ярославцев. Различные комиссии неоднократно обследовали состояние стен и зданий монастыря, предлагая здесь устроить «музейный городок». Но все было напрасно. В это время территорию монастыря передали в ведение Управления главного архитектора города, а затем — на баланс Ярославской реставрационной мастерской. Это дало новый импульс для больших планомерных реставрационных работ. В то время в провинции по примеру ВДНХ в г. Москве устраивались свои выставки достижений. Из монастыря были удалены все учреждения, переселе-

ны в другие места постояльцы. В глазах областного начальства выставка должна была иметь огромное воспитательное значение. Для этого ярославский совнархоз выделил большие средства на ремонт, реставрацию и благоустройство территории и зданий монастыря. В торжественной обстановке в 1958 году состоялось открытие выставки. Но уже через год она закрылась, большинство экспонатов осталось на открытом воздухе, подвергаясь влиянию атмосферных осадков. По мнению краеведов-современников, за «своевременное обоснование времени начала Ярославля –1010 год» монастырь со всеми зданиями и сооружениями был наконец отдан под экспозицию и фонды краеведческого музея, который и располагается здесь до настоящего времени.

Ярославль – город с древней историей. Он неразрывно связан все века своего существования с монастырями, которые являлись форпостами, призванными отразить нападение противника на подступах к городу. Не случайно образ монаха-воина стал традиционным в фольклоре и русской литературе. Вспомним хотя бы знаменитых героев Куликовской битвы — воинов-богатырей Пересвета и Ослябю, которые были иноками Троицкого монастыря и благословлены на битву самим Сергием Радонежским. В нашем крае такой былинный герой – это богатырь земли Ростовской Александр по прозвищу Попович, в народных преданиях превратившийся в хитреца Алешу Поповича. Совсем недавно ему был установлен памятник в поселке Борисоглебский, автором которого является широко известный своей благотворительностью и монументальными произведениями Зураб Церетели.

Первые известия о подземных ходах, темницах носят, как правило, легендарный характер и связаны именно с монастырями. Наиболее распространена легенда о существовании подземного хода, проходившего якобы от Спасо-Преображенского монастыря под Которослью вплоть до Туговой горы. Это известие является частью легендарной «Повести о битве на Туговой горе» 3 июля 1257 года. Подавляющее большинство историков-краеведов не согласны с реальностью существования данного хода. Для этого имеются весьма веские причины. Во-первых, до сих пор не выявлена возможная цель

подобной постройки — столь грандиозного для средневековья проекта. Поэтому сама его целесообразность вызывает большие сомнения. Во-вторых, маловероятно, чтобы техника и технология XIII века позволили не только «прорубить» данный ход, но и, самое главное, предотвратить попадание в него вод реки Которосли и грунтовых вод в то время очень заболоченного правого берега реки. Есть и еще одна, третья причина сомневаться в существовании данного хода: его необычная направленность. Традиционно ходы вели или к крутому берегу реки, или в заросший лесом район, где могли бы спокойно спрятаться или уйти от погони «сидельцы» монастыря, а также его защитники ввиду явной угрозы возможного захвата. Однако легендарный подземный ход от Спасского монастыря к Туговой горе заканчивался в районе старинного торгового тракта, места отнюдь не заброшенного, а, наоборот, активно посещаемого.

Тем не менее полностью отрицать существование подземного (или подземных) хода из Спасского монастыря не следует. Общеизвестно, что подобные ходы существовали в различных укрепленных сооружениях и выходили они, как правило, из глухих (непроезжих) башен к источнику воды. Такие башни были и у монастыря, поэтому выход на берег Которосли или к ручью, протекавшему у западной стены монастыря, реально мог существовать. Кроме того, имеются свидетельства очевидцев о существовании подобного хода в начале XVII века. В конце апреля – мае 1609 года Ярославль подвергся нападению поляков, которые после захвата слобод и основной части города — посада — осадили Рубленный город и Спасский монастырь. Несмотря на трехнедельные попытки захватить защитников монастыря, поляки были вынуждены уйти из Ярославля. Сами осаждавшие отмечали, что совершенно неожиданно для них ярославцы нападали с тыла и столь же стремительно исчезали. Поляки и примкнувшие к ним воровские казаки предпринимали неоднократные попытки найти выходы городских подземелий, но безуспешно.

Можно допустить с большой долей уверенности, что монастырь был связан с Земляным городом, границы которого проходили по линии современной улицы Первомайской, а так-

же и с «загородьем» – слободами, прежде всего Богоявленской. Это могло быть осуществлено через выходы к рядом стоящим церквям, монастырю (Рождественскому) или часовням. Подобная практика была широко распространена как на Руси, так и в странах Западной Европы. При этом даже сами священнослужители зачастую могли не знать о том, что из их храма ведет такой ход.

Косвенными подтверждениями существования подземного хода из Спасского в Рождественский монастырь (был сожжен поляками и не восстанавливался) послужили находки во время сооружения памятника Ярославу Мудрому в 1993 году. Для установки фундамента строителями была пробита дыра, которая «попала» в неизвестное подземелье, шедшее предположительно из угловой Богородицкой башни Спасского монастыря в сторону Главпочтамта. Памятник основателю города строители были вынуждены перенести на несколько метров в сторону. Можно предположить, что реально существовавший в свое время подземный ход (или его часть) использовался, как это очень часто практиковалось, для обустройства городских коммуникаций. Поэтому и музейные работники вполне справедливо утверждают, что найденный ход является всего лишь водосточными коммуникациями.

Ярославские подземные ходы, располагавшиеся как в самом Спасском монастыре, так и в Рубленном и Земляном городах, имели и чисто практическое значение. Они вместе с древними валами и рвами составляли особую дренажную систему центра Ярославля, при необходимости отводили в ров, а от него в Волгу или Которосль избыток воды.

Спасский монастырь был известен и другими своими «тайными делами», которые до сих пор привлекают внимание исследователей. Речь идет о монастырских тюрьмах, или «порубах», «мешках» (подземные тайники), и погребах. Известно, что во время междоусобных княжеских войн, а позднее – ордынских набегов на Москву в них прятали казну как Ярославского княжества, так и всей России. Сохранились описания подобных подземных мешков. Так, в частности, известно, что они представляли собой «нору», площадь которой обычно была две квадратных сажени (4,5 кв. м), а высотой — примерно в

рост человека – 2,5 аршина (1,78м). В подземельях монастыря находились и тюрьмы. Их функции выполняли глубокие подвалы, «подклети». Известно, например, что уже начиная с XIV века в них находились в заточении противники ярославских князей. Но эти тайны крепко хранили надежные союзники князей – архимандриты монастыря.

В январе 1435 года под Ярославлем, недалеко от села Карабиха, был разбит Василий Косой – противник великого князя московского и его союзника князя ярославского. Пленные дружинники и бояре содержались в Ярославле. В связи с этим многие исследователи считают, что, возможно, уже в XIV–XV веках в Ярославле существовал тюремный острог. Но наиболее опасных узников власти по-прежнему держали в каменных мешках монастырей. В 1470-м году Иван III помог ростовскому епископу Вассиану подчинить своей власти Кирилло-Белозерский монастырь. Арестованные монахи-бунтовщики были посажены для «покаяния» по монастырям Ростовской епархии. Так в Ярославле появился новый вид заключения – «крепкий начал». В этом случае узник, чаще всего духовного звания, не считался обычным арестантом, хотя мало чем от него отличался. Он содержался в особой келье, часто без окон, под постоянным надзором. Целью этого было «рассмотреть» арестанта: если его поведение признавалось «дурным», то его переводили в разряд «воров» (преступников), а при «примерном» поведении он приводился к покаянию и освобождался из камеры «под надзор».

В 1492 году за неповиновение властям в Ярославль были высланы в опалу два брата – князья Мезецкие. В 1542 году, в связи с арестом в Москве боярина Вельского (ярославского княжеского рода), его ближайший сторонник князь Петр Щенятев был сослан в Ярославль. Так наш город становился местом ссылки русской аристократии.

Ярославль стал «ближней тюрьмой» Ивана IV, где находились неугодные для государя лица. Здесь содержалась репрессированная родня потомка ярославских князей Ивана Кубенского, казненного по обвинению в подготовке бунта в армии. По свидетельствам очевидцев, в Спасском монастыре тщательно скрывались неизвестные узники, с которыми мог

разговаривать только сам царь Иван IV. Необходимо отметить, что в Ярославле он бывал довольно часто проездом из одной своей «любимой» подземной тюрьмы (в Чертолье) в другую (Вологда). Иногда вместе с ним под охраной привозили таинственных арестантов, которых тщательно скрывали от всех. Это послужило основой для складывания различных мифов и легенд, создания ореола таинственности вокруг самих стен монастыря.

Во времена активной борьбы с расколом в одной из монастырских тюрем содержался известный всей России Капитон Даниловский. Он был у истоков самоубийственных смертей в русском расколе, считая, что только самосожжением можно спастись от Антихриста, приход которого предполагался в 1666 году. Кстати, его последователи очень часто применяли самосожжение, оставляя при этом в живых «наставника» для проповеди среди будущих последователей учения. В нашей области находится немало населенных пунктов с наименованием «Гари». Это связано с местами самосожжения, которые унесли тысячи жизней.

Источником других мифов и легенд, например о кладах, служат захоронения знатных ярославцев в подклете Спасо-Преображенского собора, одного из старейших в городе. В XVII–XVIII веках здесь хоронили и не титулованных, но очень зажиточных ярославцев, о чем сохранились доказательства в виде мемориальных досок, находящихся в фондах музея.

Сами стены зданий и сооружений монастыря, особенно наиболее древних из них, такие как трапезная, кельи, также были свидетелями тайной истории монастыря. Внутри стен существовали, например, люки, по которым из подклета-поварни подавалась еда в верхнюю трапезную. В первом этаже корпуса настоятельских покоев были погреба, другие подсобные помещения. По мнению еще дореволюционных краеведов, они являли собой не что иное, как перепрофилированные поздними переделками монастырские подземные тюрьмы.

Явный интерес вызывал у исследователей и корпус келей, возведенный в XVII веке на месте бывших крепостных сооружений. Внутри келейного корпуса существовали «внутренние лестницы», многочисленные ниши – стенные шка-

фы, тщательно продуманная система отопления – «внутристенные воздуховоды». Все это порождало слухи о тайных сокровищах, хранящихся в монастыре. Иногда они подтверждались официальными заявлениями. Речь идет об уникальной находке рукописи «Слово о полку Игореве», которая вызвала к жизни сохранявшуюся с древних времен легенду о существовавшем в монастыре подземном книгохранилище, из которого и было извлечено это знаменитое сочинение незадолго до его официального приобретения. Следуя легенде, предполагали: подземное книгохранилище было построено для «сбережения» наиболее ценных икон и рукописей от пожара и разграбления. Это тем более представляет интерес, что, по мнению современных исследователей, «автором ярославского собора был итальянский (возможно венецианский) архитектор. Очевидно, он был одним из многочисленных итальянских мастеров, прибывших в Россию в начале XVI века». А это, в свою очередь, заставляет нас вспомнить и о не найденной до сих пор тайной библиотеке Ивана IV, для которой итальянскими же мастерами было построено специальное, сверхсекретное помещение.

Большинство монастырских «нор», «мешков» и других «тайных» мест было уничтожено в конце XVIII – начале XIX веков в связи с переносом центра епархии из Ростова в Ярославль и превращением монастыря в архиерейский дом. Это, возможно, нарушило баланс грунтовых вод, стекавших в Которосль, что могло привести к обрушению части южной стены монастыря и башен (Михайловской и Богоявленской), а также коренной его перестройки. С целью дальнейшего недопущения просадки стен башен и зданий были засыпаны оставшиеся «норы» и «мешки». Возможно, часть из них была перепрофилирована в хозяйственные помещения.

В середине XIX века, в связи с уничтожением подземелий Спасского монастыря, исчезли и сведения о ярославских тюрьмах, часть которых сохранилась до наших дней, в основном в виде городского фольклора. Так, например, ярославский краевед XIX века К. Д. Головщиков неоднократно вспоминал, что слышал от отца (1792 года рождения) о существовании подземного хода от монастыря к Туговой горе. То же самое в своих работах утверждал и В. Лествицин, отмечавший, что в

1830-х годах он слышал от 70-летней старухи, мещанки Евдиной, рассказ о том, как во время нашествия французов (1812 год) она сама вместе с другими жителями убирала свое имущество в это подземелье. Краевед утверждал также, что устройство «тайника» относится к «эпохе дохристианской». По-видимому, он связывает это с культом Велеса, место поклонения которому находилось на современной территории монастыря, и местом захоронения на Туговой горе, которое уже существовало при угро-финнах – предках ярославцев. Конечно, весьма трудно поверить в эту версию, но В. Лествицин славился подобными неординарными высказываниями.

В наше время — в начале XXI века – легенда о знаменитом подземном ходе из монастыря на Тугову гору продолжает существовать. Так, один из современных исследователей утверждает, что и ныне здравствующий житель города в годы своего отчаянного отрочества — в 1950-х годах – лично пробирался по подземному ходу из Спасского монастыря на Тугову гору.

г Ярославль Казанский женский монастырь.

Казанский женский монастырь. Нач. XX. века

Казанский монастырь. Вид со стороны бульвара. Фото 1880-1890-х гг.

Казанская улица. Фото 1895 – 1904 гг.

Гостиница Кокуева и Знаменская башня. Фото 1890-1900-х гг.

Ротонда Гостиного Двора. Фото 1919 года

Казанская улица возле Спасского монастыря. Фото 1890-х гг

Глава VI

Комсомольская улица

Территория к западу от Спасского монастыря была освоена уже в XIII—XIV вв. в связи с заселением посада и выходом поселений за пределы земляных укреплений. К этому времени это место являлось связующим звеном между Которослью и Волгой, а в результате роста ремесла и торговли, превращения Ярославля в крупный торговый центр, в том числе и в торговле с Западной Европой, особое значение приобретает торговый путь Москва–Ярославль–Вологда–Архангельск. В Ярославле часть этой дороги проходила за земляным валом и рвом, за пределами земляного города, и потому называлась вологодской.

В 1553 г. Московское государство заключило торговый договор с Англией. В соответствии с ним иностранцы начали вести активную торговлю через Белое море и Северную Двину с Поволжьем, Москвой, а также и с Азией. Ярославль в это время становится одним из крупнейших городов Московского государства.

Это объяснялось тем, что он стал узловым пунктом, перекрестком, где сходились все пути, связывавшие север, юг, запад и восток Московского государства. Прямая, самая населенная дорога шла из Москвы в Ярославль. Здесь, на берегу Которосли, она разделялась на три пути: путь на Вологду, которой впоследствии связал Москву со всем Поморьем, к западу шла дорога на Обонежье и Приладожье, на восток через Среднее Поволжье. Именно выгодность расположения и, как следствие, рост богатства города стали, по мнению ряда историков, причиной включения Ярославля в опричнину при Иване IV Грозном. В нее прежде всего входили крупные городские посады ради больших с них сборов. Так, например, Ярославль в конце XVI века платил 1200 рублей в год одних только торговых пошлин. По отзывам иностранцев, посещавших в это время Московское государство, Ярославль того времени - это многолюдный и оживленный центр, один из самых красивых русских городов. И вполне естественно, что это влияло не только на обустройство дороги, шедшей по Которосльной набережной от Медведицкого

оврага до восточной стены Спасского монастыря к проездной Михайловской башне, но и на окружающие территории.

Становление одной из главных дорог Ярославля на Волгуду в основном завершилось к XVII столетию. Она мостилась деревом. Слева от нее располагалось большое количество различных постоялых домов. Традиционно это была дешевая гостиница с комплексом жилых и хозяйственных построек для временного проживания или краткой остановки путников вместе с повозками. Постоялый двор состоял из дома с комнатами для приезжих, кухни, буфета, иногда общего зала, а также конюшен, амбаров, сеновалов, колодцев. Здесь постояльцам предоставлялось питание и ночлег, а животным — фураж и водопой. Жилые комнаты, как правило, были разного комфорта, а потому и цены на них существенно колебались, но приносили стабильный доход владельцам.

Дорога проходила через современный створ улицы Большая Октябрьская мимо церкви Святого Власия (сейчас на этом месте торгово-офисное здание, бывшая гостиница «Ярославль»), вдоль современной улицы Ушинского до Красного спуска (бывший Семеновский взвоз). Постоялые дворы занимали территорию современного торгового центра «Старый город». Через них проходили сложившиеся к этому времени слободские улицы. Такой, например, была Никитская (современная Салтыкова-Щедрина), доходившая до стен земляного города.

Это время – XVII век – заслуженно считается «золотым» веком Ярославля. Самых богатых купцов из провинции приглашали в столицу в «гости». Так, например, только в начале XVII века было приглашено в Москву из Ярославля 6 человек. Но, даже находясь вдали от родины, ярославские купцы не думали порывать связи с городом. Среди них был Григорий Никитников, городской голова и, пожалуй, самый авторитетный человек в городе в период Смуты. Он был жестоко наказан князем Пожарским — закован «в железа» и посажен в острог за нежелание дать «пятаю деньгу» на ополчение. Дело в том, что еще на этапе формирования ополчения в Нижнем Новгороде он уже пожертвовал 500 рублей. Сумма для тех лет немалая, но, конечно же, не составлявшая 1/5 части всего его имущества. Только после того, как купец понял, что будет наказан, невзирая на ав-

торитет и состояние, он отдал на нужды Ярославского земского ополчения все, что необходимо, и был отпущен. Это не осталось не замеченным новым царем Михаилом Романовым, который пригласил его в Москву. Тем не менее Никитников продолжал владеть в Ярославле более 20 лавками и другими торговыми заведениями, хотя в это время он уже вел крупную торговлю в Европейской части России, а также Сибири, Средней Азии, Персии. Основу его богатства составляла торговля пушниной. Кроме этого он строил различного типа суда для перевозки хлеба, соли и других товаров, в том числе изготовленных на территории нашего края.

После 1614 года, когда ему было пожаловано звание «гостя», он с 30-х годов XVII века активно вкладывает свои деньги в солеварение. Только в Соликамском уезде ему принадлежало более 30 солеварниц, где работали свыше 600 человек.

Свои ряды для продажи соли он имел во многих городах – Вологде, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, Астрахани, Москве и Ярославле. В нашем городе он владел обширным двором, принадлежавшим еще его предкам. Эта усадьба со временем стала превращаться в один из торговых центров города, куда доставлялись и где продавались товары из всех мест, с которыми он торговал. Двор купца находился неподалеку от Спасского монастыря. На своей земле Никитников поставил деревянную церковь Рождества Богородицы. Рядом с Богородицкой и Угличской башнями монастыря проходили сложившиеся к этому времени слободские улицы.

Рядом с Богородицкой и Угличской башнями располагались усадьбы владельцев постоянных дворов. Они были обнесены высокими заборами из острого тына. Главные ворота, как правило, были вычурной работы. Дома и постройки рубились из толстых сосновых бревен. Стояли они на деревянных, иногда каменных подклетьях и достигали в высоту двух-трех этажей. По мере необходимости пристраивались и другие помещения, иногда соединенные галереями или переходами. Верхние помещения в домах назывались горницами (от «горний» — высокий). Помещения с хорошим освещением из окон звались светлицами, но были комнаты и без окон – повалуши, спальни, сонники. Рамы и «окончены» часто имели деревянный или из тонкого желе-

за переплет, куда вставлялись пластинки слюды. Стекло было большой редкостью, хотя в XVII веке ярославцы иногда вставляли и цветные стеклышки.

Наличники окон расписывались изображениями птиц, цветов, украшались деревянной резьбой.

В постоянных дворах полы в хороших комнатах настилались «штучно», а стены обивались тесом. В домах традиционно сооружались большие печи, иногда причудливых форм с карнизами — колонками, нишами — печурками и облицовывались изразцами. Зеркала у ярославцев считались иноземным соблазном, а потому были греховными, да и стоили они очень дорого. В темное время комнаты освещались восковыми свечами или жирниками (плошками с жиром и фитилем) и лучинами в светцах (железные держатели). Для сидения использовались лавки и скамейки, иногда стулья, которые в это время начинают появляться как нововведение. Пищу принимали за «столами дубовыми», за «скатертями браными». Ели очень много. Преобладала обильная тяжелая пища.

Пили квас, мед, пиво, всякого рода водку, вина фряжские. Сервировка стола состояла из деревянной и глиняной, иногда оловянной посуды.

Внутри города, особенно в загороде, располагались небольшие «заводы», представлявшие собой ремесленные мастерские по производству клея, кож, сала. В жаркое время года их испарения делали воздух невыносимым. К уличной грязи добавлялся шум и гомон пьяных людей. Это было вызвано тем, что торговое движение требовало большого количества различного работного люда: грузчиков, бурлаков, извозчиков, а целовальники кабаков, в силу своей присяги, стремились к возможно большей продаже «питей», громко зазывая посетителей. Поэтому здесь часты были толпы пьяного рабочего народа, с песнями, руганью, драками, несмотря на поучения церкви, царские запрещения дурного поведения, кнут и батоги.

На Руси «питие» было всегда распространено. Хорошо известен факт, что уже в X веке Великий Киевский князь Владимир Святославович произнес фразу, которая впоследствии прочно вошла во все учебники истории: «Питие на Руси — веселие есть...» И в этой связи хотелось бы обратить внимание на

«маленькую историческую сенсацию», по выражению ярославского краеведа А.В. Бородкина. По его словам, «русская водка» на самом деле не русская и не водка. То есть она, конечно, водка, но была изобретена, по одной из версий, в Голландии в XV–XVI вв., по другой – в Северной Франции, по третьей — евреями-корчмарями (трактирщиками) в Белоруссии и называлась «горилка». Потребители этого напитка проверяли его крепость на «горение». Водкой ее стали называть позднее, после того как она попала в Россию, и свое название напиток получил из-за быстроты «исчезновения» (как вода). Поэтому можно заключить, что ярославцы познакомились с ней уже в XVI веке — времени становления города как центра торговли.

Вплоть до начала XIV века ярославцы ублажали себя медами различной выделки и крепости. Из-за высокой доходности княжеская знать стала вводить пошлины на их изготовление. По одной из версий, так и возникло выражение «княжеские меда», которое вовсе не означало какой-то особый вкус изделий из меда, а лишь констатировало княжескую монополию на изготовление данного продукта.

В XIV-XV веках в Ярославле варили прекрасное пиво из ржи и ячменя. Только в XVI веке стали «курить вино». Именно так первоначально называлось производство водки. Постепенно за ней закрепилось и другое название — хлебное вино. Принято было употреблять его только дома или в «братчинах» — собраниях по роду ремесла, или, как теперь принято говорить, корпоративных вечеринках. Интересной, а потому и поучительной особенностью данных мероприятий было то, что оставшиеся «в форме» его участники (а иногда и назначенные по очереди) помогали погрузневшим коллегам добраться до дома. В те времена считалось, что потребление водки «на людях» или «на публике», а тем более появление в нетрезвом виде на улице — верх неприличия, даже бесчестия. Но время многое изменяет, в том числе и нравы, основанные еще на «Домострое» — своде норм и правил жизни в допетровской Руси.

При Иване IV на Руси появились первые кабаки. Первоначально они не пользовались большой популярностью. Дело было и в традициях пить дома, и в том, что в них запрещалась

продажа съестного. Сделано это было не случайно, а для скорейшего опьянения посетителей, которые, не зная меры, зачастую могли оставить в кабаке свои последние деньги. Сами кабаки принадлежали государству и служили одним из основных источников пополнения бюджета, казны. А их содержатели получили в народе не очень понятное нашим современникам прозвище «целовальники». Объяснялось это тем, что, заступая на должность, они «целовали крест», то есть клялись служить казне честно и не воровать.

Большой доход приносила система винных откупов, т. е. право производить водку или торговать ею, платя при этом государству небольшой процент. Это была одна из важнейших составных частей доходов ярославского купечества.

В начале XVII века (1606-1608 гг.) в Ярославле находились депортированные поляки, среди которых были Марина Мнишек, вдова Лжедмитрия I, и ее отец Юрий Мнишек, каждый со своим двором — всего 375 человек. Избалованным заморскими винами польским шляхтичам не пришлись по вкусу местные кабаки. Особенно просвещенных европейцев шокировала страшная грязь и невозможность употребления хороших напитков. Поэтому одним из условий содержания поляков в Ярославле (а жили они совсем недалеко от описанного места на территории соседней Богоявленской слободы) было снабжение их пивом и вином.

Кабаки при первых Романовых выполняли функцию и поощрения за службу, заменяя тем самым государственную награду.

В 1645 году боярин А.М. Львов был награжден «за услуги», оказанные царю, «кабаком на ярославском посаде». В 1686 году серебряным ковшом был пожалован Р.А. Еремин за «прибор» (выполнение плана) кружечного двора, то есть за сбор налогов.

Документы свидетельствуют, что первыми нарушителями казенной монополии в Ярославле были иностранцы, которых очень привлекали огромные прибыли, получаемые от торговли спиртными напитками. В нашем городе были арестованы «двое литовских людей», которые торговали «из-под полы» самогонным (неказенным) вином. Они были посажены в городскую

тюрьму, а затем высланы из Ярославля. Не забыли при этом конфисковать весь их «воровской товар». В приговоре суда указывалось, что «бочку с вином посекали». Но, думается, вряд ли столь чрезмерное по строгости наказание, особенно для любителей спиртного, было исполнено тогдашними блюстителями порядка — людьми, тоже не безгрешными.

В связи с расширением торговли, превращением Ярославля в «складочный пункт» росло и число питейных заведений. Уже к концу XVII века в городе числилось 73 складских амбара и большое количество закусовых и кабаков.

На современной Богоявленской площади было большое торжище. Место от Угличских ворот вдоль стен Спасского монастыря так и называлось — «обжорка», или «обжорный ряд». Здесь, в грязи и нечистотах, торговали самыми дешевыми продуктами, а главное — отвратительной по своему качеству водкой. Впрочем, и сама Богоявленская площадь была очень насыщена кабаками и харчевнями. Основными потребителями, кроме обслуживающего торговлю персонала, ключников, поденных рабочих, были и жители ближайших слобод.

Как известно, ярославцы с древних времен славились своей находчивостью и смешленостью. Поэтому вскоре вино заняло прочное место в ярославском экспорте. По таможенным документам видно, что в 1694 году ярославцы производили и экспортировали кагор в Устюг-Великий, а выходец из Углича И. Тимофеев торговал этим напитком даже со Швецией. В том же году ярославцы вывезли на продажу в Москву несколько бочек рейнского вина. Современники даже не задумывались над тем, откуда в Ярославле в XVII веке взялись кагор и рейнвейн, причем в количествах, достаточных для вывоза за рубеж.

В XVIII веке произошел окончательный перелом в «питейном» сознании горожан. Они стали пить больше и чаще. Одновременно с этим в городском фольклоре появились и соответствующие поговорки: «Пей — пропивай», «Поживем — еще наживем». В это время кабаки становятся обязательным атрибутом городской жизни.

В результате петровских преобразований Ярославль превращается из торгового в промышленный центр. Произошли изменения и в составе лиц, посещавших расположенные в этом

районе кабаки. Вместо пришлых, сезонных рабочих явились постоянные. Ставшие уже почти «традиционными» пожары превращали деревянный Ярославль, особенно загородье, в пепел. А именно здесь и находились описываемые постоянные дворы и обязательный их атрибут — питейные заведения. Наиболее запомнился современникам пожар 3 мая 1711 года, когда от огня пострадал Спасо-Преображенский монастырь и его округа. Еще больший урон нанес пожар 25 июня 1768 года. Среди прочего имущества в огне погибло разных напитков — 11 298 ведер (2 759 рублей), «вотки слаткой» — 95 штофов (118 рублей), меду и прочих припасов — на 3 579 рублей, пивоварня с принадлежностями — 1 (850 рублей), постоянных дворов — 39, питейных домов с ледниками — 5 (250 рублей).

Владельцы сгоревших строений стремились как можно быстрее восстановить утраченное, поэтому данная территория по-прежнему располагалась к западу от улицы Богородицкой. Эта улица начиналась от современного Богоявленского спуска, проходила по западной стороне площади Богоявления, мимо церкви Рождества Богородицы (снесена в 1930 г.), сквозь современный Главпочтамт, вплоть до Власьевской площадки.

В 1778 году Ярославль получил новый регулярный план застройки города. Данная улица стала именоваться Вологодской. Располагалась практически там же, где была Богородицкая улица, и продолжалась вдоль оборонительных сооружений (рва и вала) вплоть до Семеновской (Красной) площади. Она являлась частью прежнего Московско-Вологодского тракта и в просторечье имела другое название – Постоялой улицы, так как, несмотря ни на какие бедствия, здесь всегда располагалось самое большое количество постоянных дворов, трактиров с местами для ночлега и конюшнями для лошадей.

В соответствии с «Положением о заведениях трактирного промысла» от 1821 года, а также последующих регламентирующих продажу «питий» документах, расширялось число владельцев этих заведений — кроме купцов их могли открывать и мещане.

Однако для последних требовалось еще и «свидетельство о беспорочности», т. е. лояльности властям.

В условиях российской действительности это привело, даже по сугубо официальным оценкам, к «полному развращению администрации по питейному делу», вследствие многочисленных злоупотреблений заинтересованных лиц: чиновников казенных палат, откупщиков, лишившихся основной части своих доходов, и др. В результате продавцы бессовестно манипулировали ценами и сортами вин, обмеряли покупателей, занижали предписанную крепость водки при полном попустительстве местного начальства.

В исключительных случаях сведения о нарушениях законодательства доходили до высоких инстанций и начиналось следствие о злоупотреблениях местных чиновников. При этом зачастую просили не привлекать к расследованию местную полицию. Прибывавшие из Петербурга чиновники путем «подсыла» (контрольных закупок) и последующих показаний под присягой местных обывателей — мастеровых, солдат — самостоятельно устанавливали факты нарушений. В ответ на обвинения виновные сами, в свою очередь, обвиняли проверявших в провокациях и сборе показаний у «не заслуживающих доверия лиц». Иногда в «дело» вовлекались подкупленные завсегдатаи этих заведений, которые под руководством или по инициативе владельцев вызывали своеобразные «народные волнения». Это считалось грубейшим просчетом контролеров, приводило к их полному поражению и вынуждало без каких-либо результатов вернуться в столицу.

Ярославскому обывателю днем и ночью (торговать по ночам разрешалось распоряжением министра финансов от 1838 года) был гарантирован кабак или раскинутый полотняный шатер в виде колокола, украшенный сверху елкой, где можно было получить свою чарку водки. Среди горожан даже укоренилось выражение «зайти под колокол» или «к Ивану Елкину».

Российское законодательство в угоду доходам казны продолжало традицию либерального отношения к пьянству, заложенную еще Петром I. Свидетельством этого являлись и «Положения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года, которые в соответствии со ст. 112 не всегда признавали опьянение отягчающим обстоятельством. Говорилось в ней буквально следующее: «За преступление, учиненное в пьянстве, когда

доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление, определяется высшая мера наказания за то преступление, в законах положенное. Когда же, напротив, доказано, что подсудимый не имел сего намерения, то мера его наказания назначается по другим сопровождающим преступление обстоятельствам».

Таким образом, обвинению самому еще предстояло доказать, что виновный привел себя в подобное состояние именно с намерением совершить преступление, а это было достаточно трудно и практически невозможно.

Другие статьи того же кодекса, даже посвященные политическим преступлениям и «оскорблению величества» в виде «дерзких оскорбительных слов или уничтожения портретов», напротив, облегчали наказание, если виновный действовал «по неразумению, невежеству или пьянству».

Правда, одновременно, едва ли не впервые в российском законодательстве, осуждалось публичное появление в нетрезвом виде: «кто, предаваясь пороку пьянства, будет в публичных местах или многочисленных собраниях являться в безобразном, противном приличию или даже соблазнительном (?) виде или будет найден на улице, или в другом общепубличном месте пьяным до беспамятства, тот за сие подвергается: аресту в первый раз на время от 1 до 3 дней; во второй — аресту от 3 до 7 дней; а в третий раз — на время от 3 недель до 3 месяцев».

В духе типичной для николаевской эпохи регламентации всех действий чинов полиции была разработана инструкция с перечнем степеней опьянения для составления протоколов: «бесчувственный, растерзанный и дикий, буйно пьяный, просто пьяный, веселый, почти трезвый, жаждущий похмелиться».

При такой юридической базе любители хмельного чувствовали себя вполне вольготно. Кстати, об этом же свидетельствует весьма любопытный архивный документ, вышедший из-под пера нашего земляка: «Любезная супруга Александра. За чинимые мною вам бесчеловечные побои и показываемые в сожитии несоответственные не только что супружеству, но даже и самому человечеству, наглые и бесчинные мои поступки по принесенной вами словесной просьбе господам городскому

голове (...) и частному приставу (...) через команду сего последнего за таковые свои поступки и устранин я для безопасности и самой жизни вашей из дому вашего, каковые устранин почувствовал я сам не только что справедливым, но и необходимым, признаю себя совершенно виновным и не заслуживающим даже по самому брачному союзу не только что иметь с вами сожитие, но и наименование мужа.

Ныне же по 20-дневному моим с вами разлучении совершенно почувствовал всю гнусность моих прежних неистовств, оставя и само рукоприкладствование меня к этому пьянству, изготовляю перед вами совершенное извинение и раскаяние и прошу принять меня в дом ваш с таковым уверением, что я не только что как прежде до сего какие-либо производить могу бесчинства и наглые поступки, а и еще того менее побои и тиранство, но напротив, буду вести себя соответственно обязанности супружеской, доставлять вам возможность пропитания и спокойствия. Остаюсь с сердечным расположением муж ваш Дмитрий Ив. 28 октября 1828 года».

Надо полагать, так как ответа в архиве обнаружить не удалось, что обиженный «сиделец» в очередной раз был прощен и возвращен домой. Да и как могло быть иначе в России того времени, когда муж всегда и во всем был прав, а развод даже по такой причине был весьма редок.

После очередного пожара, уничтожившего все находившиеся здесь деревянные строения, площадь значительно преобразилась, когда в 1850 годах ярославский купец-миллионер, «король железа» А. М. Пастухов построил один из крупнейших частных домов в Ярославле. Это здание перекрыло бывшую улицу, приблизив ее к уже отстроенным к тому времени корпусам гостиного двора. Размещение в столь выгодном месте сразу же сделало дом очень заметным городским явлением. Не случайно поэтому единственная городская и губернская газета того времени «Ярославские губернские ведомости» в своей неофициальной части восторженно писала: «Там, где до пожара стояло до десятка, если не более, домов, теперь стоит один, небывалый в Ярославле. Исполинского роста, он гордо выступает флангами на две улицы, занимает чуть ли не целый квартал и тенью покрывает половину площади.

Это дом коммерции советника и кавалера А. М. Пастухова». В газете также подчеркивалось, что «тот дом стал вполне достойным соседом Гостиного двора».

Для провинциального Ярославля середины XIX века такие восторженные слова были вполне объяснимы. Подобные дома тогда казались исполинами среди сравнительно небольших строений, находившихся по соседству. Первый этаж огромного дома Пастуховы заняли магазином железо-скобяных изделий производства своих металлургических заводов, расположенных на Урале, Каме, в Ростове-на-Дону и других местах. На верхних этажах размещалась гостиница. Именно в ней останавливался Н. А. Некрасов, для которого постоянно бронировался № 1, как самый лучший в гостинице.

В 1857 году в Ярославле побывал известный романист Александр Дюма. Будучи восхищён этим строением, он и о его владельце написал как о «дважды или трижды миллионере, разбогатевшем на невероятно бойкой торговле железом, что поставило всю Россию в зависимость от этого человека». Популярный романист ради красного словца несколько преувеличил размеры пастуховского капитала в тот период. Так, по подсчётам исследователей истории семьи Пастуховых, он составлял один миллион семьсот пятьдесят тысяч рублей. В Ярославле в это время не было купца богаче. Своё звание «железных королей» Пастуховы носили заслуженно, так как постоянно были крупнейшими скупщиками железа на Нижегородской ярмарке.

Как уже говорилось, на втором и третьем этажах была устроена огромная гостиница, А. Дюма и здесь не остался равнодушен, отметив: «считается, что в Ярославле лучшая во всей России гостиница, единственная, возможно, где, за вычетом двух столиц, можно найти настоящие постели». Классик, наверное, опять несколько преувеличил, но читать об этом, согласитесь, ярославцам было приятно.

Боковыми фасадами дом Пастухова выходит на «пробитую» в соответствии с регулярным планом улицу Большая Рождественская (современная Большая Октябрьская) и на Большую линию постоянных дворов (современная Комсомольская), как она называлась до начала XX века.

Ярославские губернские ведомости отмечали в 1856 году: «В последнее время вся так называемая Большая линия, от угла до угла, каменная, сплошная, без переулков, и почти вся трехэтажная, испестрилась двухсаженными вывесками с аршинными золотыми буквами, которые извещают о поселившихся тут магазинах различного содержания, мастерских и гостиницах. Большую линию можно было бы назвать Кузнецким мостом Ярославля, если бы на ней рядом с модными галантерейными и другими магазинами не помещались постоянные дворы». Легко понять автора этой корреспонденции в его преувеличении как размаха строительства, так и производимого впечатления. Очевидно, что улица совсем не так велика, поэтому и построено было всего лишь несколько домов. Ясно другое, что улица эта действительно радикально преобразилась, оформив собою один из центральных кварталов. Постоялые дворы теперь уже не располагались «по красной линии», как прежде, а были «спрятаны» внутри квартала. Но доступ к ним по-прежнему был весьма легким — через арки, которые, кстати, сохранились и до настоящего времени. В XIX веке в Ярославле насчитывалось 57 трактиров, 21 постоянный двор, 44 винных погребка, 20 портерных, 3 винных лавки, 2 винных склада и несколько клубов. За последнее десятилетие XIX века Ярославль «осилил» 10 миллионов литров (почти по 8 литров) «сорокаградусной» в год на каждого жителя, включая стариков и грудных детей.

«Питейный дом» пореформенной поры подробно описан современниками. «Грязная, почти без мебели комната, вся в дыму от курения, с драгоценным прилавком на видном месте, за которым пребывал для пьяниц самый приятнейший человек — целовальник. На прилавке стоял деревянный бочонок с водкою, наливавшейся через кран, единственный, кажется, предмет в мире, от которого не отрывал глаз посетитель, как бы он пьян ни был. Для закуски на тарелках лежала кислая капуста, огурцы, кусочки черного хлеба.

Кабачные посетители входили, выходили, знакомились, спорили, сплошь и рядом дрались. В последнем случае у целовальников были всегда наготове постоянные пропойцы, дежурившие день и ночь, которые тотчас же «помогали» подрав-

шимся оставить заведение, а за свое усердие получали одобрение и «стакан жизни».

Если посетитель был человек надежный, целовальник с охотой отпускал питье в кредит, но делал это с большой осмотрительностью, видел своих посетителей насквозь, знал, кому можно верить, а кому нет. Для последних во многих кабаках висела надпись: «Сегодня на деньги, а завтра в долг».

Иначе выглядела портерная. Обычно она занимала одну или две комнаты. В первой располагалась стойка буфетчика и столики со стульями, во второй – только столики и стулья. За буфетом – полки с папиросами, подносами и кружками. Столики либо просто деревянные, либо железные с мраморными досками. По стенам развешаны плохонькие картины из журналов «Нива», «Живописное обозрение» и т. д. На окнах тюлевые занавески и иногда – цветы. Пиво подается или бутылками, или кружками — по желанию. В виде закуски можно получить черные сухарики и небольшие кусочки сыра бесплатно, а за особую плату – вареных раков, колбасу, яблоки или апельсины. Кружка пива здесь стоила от 3 до 5 копеек, бутылка – от 7 до 10 копеек, в зависимости от разряда портерной, так как были портерные как простые, так и отделанные с роскошью, хотя и аляповатой: с расписными стенами и потолками, с резными буфетами и с позолотой.

Сами владельцы питейных заведений цинично заявляли относительно своих постоянных посетителей: «Много мы положили труда в это дело, нелегко удалось приучить к пьянству и разорить их, но в конце концов труды наши окупились с лихвой».

В конце XIX века была введена государственная монополия продажи спиртного – монополюшки. Существовали особые правила: «Вино и спирт должны отпускаться только на вынос и в казенной посуде, опечатанной красной печатью. Торговля питьями в будние дни должна производиться с 7 часов утра до 10 вечера, а в субботние и предпраздничные дни – до 6 часов вечера. В Пяток Страстной недели, в первый день Пасхи и в первый день Рождества торговля не производится. В винных лавках должна соблюдаться чистота и опрятность. В лавках

должны находиться икона, часы и настоящие правила. Запрещается вывешивать на стенах всякого рода картины. Продавец должен обращаться с покупателями вежливо, отпуская требуемые пития без задержки, в случае причитающейся сдачи денег производить ее толково, с точностью до полукопейки, не удерживая в свою пользу и доли копейки и не отговариваясь недостатком разменной монеты. Покупатели обязаны при входе в казенную винную лавку снимать шапку, не раскупоривать на месте посуды с вином, не распивать вина, не курить и оставаться в лавке не более того времени, сколько нужно для покупки питий».

Специальные казенные винные лавки — «казенки» помещались на тихих улицах, во дворах, вдали от церквей и учебных заведений, как того требовали полицейские правила. Имели они вид непритязательный. Обычно в первом этаже частного дома, над дверью, размещалась небольшая вывеска зеленого цвета с государственным гербом, двуглавым орлом и надписью «Казенная винная лавка». Внутри нее была перегородка почти до потолка, по грудь — деревянная, а выше — проволочная сетка и два окошечка. Торговали двумя сортами водки — «с белой и красной головкой». Бутылка водки высшего сорта с «белой головкой», очищенная, стоила 60 копеек, с маленькой «красной головкой» — 40. Продавались бутылки емкостью четверть ведра — «четверти» — в плетеной щипной корзине, полбутылки называлась «сороковка», то есть сороковая часть ведра, сотая часть ведра — «сотка», двухсотая — «мерзавчик» (с посудой он стоил 6 копеек: 4 копейки — водка, 2 копейки — посуда), а ведро вмещало 12 литров.

В лавках «сидельцами» назначались вдовы мелких чиновников, офицеров. «Сиделец» принимал деньги и продавал почтовые и гербовые марки, гербовую бумагу и игральные карты. Вино подавал в другом окошечке «здоровенный дядька», который мог утихомирить любого буяна. В лавке было тихо, однако рядом, на улице, царило оживление, стояли подводы, около них — извозчики и любители выпить. Купив посудинку с красной головкой, что подешевле, они тут же сбивали сургуч, легонько ударяя бутылкой о стену. Неудивительно поэтому, что вся штукатурка у дверей подобных заведений была в крас-

ных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка. Пили из горлышка, закусывали или принесенным с собой, или покупали здесь же у стоящих баб горячую картошку, огурцы. В крепкие морозы оживление у казенок наблюдалось значительно большее.

Колоритными фигурами были бабы в толстых юбках, сидящие на чугунах с горячей картошкой, заменяя собою термос и одновременно греясь в трескучий мороз. Полицейские разгоняли эту компанию от винных лавок, но особенного рвения не проявляли, т. к. получали «угощение» от завсегдатаев «казенки». Вокруг таких заведений с 7 утра до 10 вечера собирались любители выпить, в самой лавке распивать водку и продавать ее пьяным было категорически запрещено. Поэтому большинство покупателей, купив бутылочку, распивали водку тут же, на улице, и возвращали опорожненную посуду, получив за нее деньги, покупали в соседней лавке булку и, наскоро закусив, шли дальше.

При каких-либо нарушениях спокойствия «лавочный сиделец» вынимал свисток и вызывал городского для наведения порядка.

Свидетельством большого количества алкоголя, выпиваемого ярославцами, были материалы, помещенные даже в задачниках по арифметике для народной «начальной» школы. «В Ярославле в приюте для алкоголиков принято за 3 года 2967 мужчин и 271 женщина. Из них имели: пьяницу-отца 1544 мужчины и 157 женщин, пьяницу-мать 176 мужчин и 25 женщин; пьяниц – обоих родителей 1176 мужчин и 84 женщины. У скольких алкоголиков оба родителя были трезвыми?»

В Ярославской губернии «казенки» открылись с 1 июля 1901 года, начав для жителей новый, XX век. В городе было открыто 30 казенных лавок, в Рыбинске – 15, в уездах – 249. В Ярославле и Рыбинске построили специальные винные склады. До сих пор поражают их размеры: в 1913 году там хранилось около 8 млн литров водки и спирта. Все попытки торговли безакцизной водкой и самогоном пресекались самым решительным образом.

Сельское население Ярославской губернии, с давних пор не удовлетворенное малой доходностью земли из-за «ску-

дости почвы», практиковало уезжать на заработки в отход. Маршруты – различны: от уездного города своей губернии, самого губернского города – Ярославля до столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее доходным и в полной мере отвечавшим менталитету ярославцев был трактирный промысел. По воспоминаниям современников, здесь им не было равных, они практически монополизировали этот вид деятельности по большинству питейных заведений России.

На Большой Постоялой улице – так раньше называлась Комсомольская улица – кроме уже упоминавшихся трактиров располагался и ресторан «Берлин» (этот вид заведений был характерен для Ярославля). В конце XIX-начале XX веков в непосредственной близости от него находились гостиница и ресторан «Бристоль» (современный угол улиц Кирова и Андропова). Напротив мэрии сохранилось здание, где был расположен ресторан и гостиница «Царьград» с роскошными балконами. Эти балконы, кстати, были любимым местом проведения свободного времени как местных, так и командированных в Ярославль офицеров стоявшего неподалеку полка, который располагался в Спасских казармах (современный военный госпиталь). Отсюда ими велось наблюдение за фланировавшими по улице девицами, которые в погоне за модой иногда даже зимой носили соломенные шляпки. Рядом находились гостиница и ресторан «Китай» (угол улиц Андропова и Нахимсона), а на месте современного театрального вуза – трактир «Лондон», владельцем которого был ярославский купец Гребенщиков. В помещении, где сейчас находится общежитие студентов театрального вуза, располагались гостиница и ресторан «Варшава», впоследствии поменявший свое наименование на более благозвучное с точки зрения владельца – крестьянина Егора Анкудинова – «Италия». Неподалеку полной жизнью жил «Петербург» и т. д. Все это было неудивительным, т. к. центр города по-прежнему оставался торговым, где останавливались купцы, приказчики и прочие гости города.

Несмотря на жестокость порядков для обслуживающего персонала этих заведений, умельцы-ярославцы, служившие здесь, отмечали, что «хоть у нас хозяин строгий, да и я-то ведь не пень». Это они доказывали своей каждодневной работой в

ресторане, явно не оказываясь «пнями», когда чувствовали прямую выгоду от постояльцев или посетителей. И здесь как нельзя кстати подходит присказка, сложенная про ярославцев, которые и «кошкой замячат» ради своей выгоды. Для этого использовалось все, даже «французское наречие», которое нашим сверхгалантным землякам давалось даром. Уже с молодости они овладевали этой ресторанной техникой. Вот, например, образчик диалога опытного полового с начинающим коллегой:

— Что на первое хорошему гостю подашь?

— Суп «потофэ» в горшочке, — рапортовал новичок.

— Еще какой?

— Суп «тортю» можно...

— А что за тортю?

— Ящерица с шелухой азиатская... (Ответ ученика сопровождался гримасой ужаса и брезгливости, но плюнуть получивший «образование» боялся, зная, что за это дерут за вихры).

— А еще что?

— Перед супом салат ливелье.

— Дурак, оливье салат.

— Оливье я и хотел сказать.

— А какой соус к холодной осетрине?

— Паравансаль.

— Провансаль, дурак!

— А что такое бланманже?

— Белое пирожное, которое из молока с жарлатином и дрожит.

— Дурак, с жалатином, из пузыря рыбьего с клеем. А пломбир?

— Сладкое на третьем или пятом, перед кофеем.

Легендарной личностью среди трактирщиков всей России стал ярославец Пётр Кириллов. Его имя вскоре сделалось нарицательным и даже вошло в своеобразную моду. Свидетельством этого является куплет из песенника «Ярославский половой», который весьма точно определяет характер и поведение нашего героя:

«Петр Кириллов» нынче в моде,

И хоть строг хозяин наш,

У буфета, при народе, часто марок не отдашь.

Ведь хозяин-то не бедный,

Что жалеть его карман.

Мне же всякий грошик медный

Дорог, словно талисман.

Хорошо знал его известный журналист и публицист В. А. Гиляровский: «Об этом продукте охотного ряда слышится иногда при недобросовестном отпуске товара: «Ты мне Петра Кириллыча не заправляй!»

Петр Кириллов, благодаря которому были введены в трактирах для расчета марки, увековечил себя не только в Москве, но и в провинции. Даже в далекой Сибири между торговыми людьми нередко шел такой разговор:

– Опять ты мне Петра Кириллыча заправил!

Практика «честного обмана» с «методикой» Петра Кириллыча — подлинного законодателя моды на «ярославский счет» — была следующей: «Если гость пьяненький, он получал с него так: выпил, положим, гость рюмки три водки и съел три пирожка. Водка в графине размерена, буфетчик сразу определит, сколько выпито, а пирожки отпускает по счёту. Значит, за три рюмки и три пирожка надо сдать в буфет 60 копеек, а наш гость носом поклевывает и торопится уйти:

– Сколько с меня?

– С вас-с... вот, извольте видеть, — загибает пальцы Петр Кириллыч, считая, — по рюмочке — три рюмочки, по гривенничку — три гривенничка — тридцать, три пирожка по гривенничку — тридцать, три рюмочки — тридцать. Папиросок не изволили спрашивать? Два рубля тридцать.

– Сколько?

– Два рубля тридцать!

– Почему такое?

– Да как же-с? Водку кушали? Пирожки кушали? Папирос-сигарет не спрашивали, — и загибает пальцы, считая: по рюмочке — три рюмочки, по гривенничку — три гривенничка — тридцать, три пирожка по гривенничку — тридцать, три рюмочки — тридцать. Папиросок не изволили спрашивать? Два рубля тридцать.

Бросит ничего не понявший гость трешницу... иногда, ошалелый, и сдачу не возьмет.

И все знали, что Петр Кириллыч обсчитывает, но никто не мог понять, как именно, а товарищи-половые радовались: «Вот молодчина!» И учились, но не у всех выходило.

Купцы потехи ради ловили Петра Кириллыча, но он всегда выходил победителем.

По всей стране о смышленных в трактирном деле ярославцах ходили легенды. Слагались истории о трактирных знаменитостях. Одним из таких героев был ярославский крестьянин Василий Максимович Федоров, который произвел настоящую революцию в трактирном деле, а его опыт стал достоянием трактирных служителей во всем мире. Клич «Пойдем к Федорову» был хорошо известен в столицах. Что же так прославило нашего земляка?

Знаменит был ресторан Федорова на Малой Садовой в Москве, который славился своей стойкой. Не раздеваясь, там можно было получить рюмку водки и бутерброд с бужениной за 10 копеек. Посетители сами набирали бутерброды, а затем расплачивались. По вечерам здесь постоянно была толпа, и поэтому всегда находились те, кто платил за один бутерброд, а съедал больше. Один буфетчик не мог за всеми уследить, несмотря на свою расторопность. Он и так в обеих руках держал по бутылке водки, наливая одновременно две рюмки. Он же получал деньги, сколько называл посетитель. Многие отмечали, что кое-кто из недоплативших за бутерброды по стесненным обстоятельствам, когда выходил из кризисного положения, посылал на имя Федорова деньги с благодарственным письмом.

Не менее известен был трактир «Бочка» «у Елисеева» (всемирно известного владельца лучших гастрономов в Москве и Санкт-Петербурге, тоже ярославца) в переулочке, куда вела неказистая дверь в очень своеобразный ресторан. Такого более нет и не будет. Он был создан гением торговли. Что мешает людям посетить ресторан? Мало денег, нет времени! Федоров уничтожил все эти препятствия! Все эти «нет»!

В ресторанчик входили прямо с улицы, не раздеваясь, в дождь, пургу, когда и шапка, и воротник, и спина шубы за-

валены толстым слоем снега. Швейцар только прикрывал дверь, если ее небрежно бросили.

Небольшой зал и вдоль всей стены стойка с умопомрачительным количеством закусок и яств. В верхнем ряду — рюмки с «крепительным»: зубровка, зверобой, вишневка, спотыкач, рябиновки, березовки, калан-корень. Солидные бокалы для сухих вин и средние пузатенькие рюмки для хереса, мадер, портвейна. Ну и коньяки, правда, одной марки, так как рюмки уже налиты... Закуски рыбные, колбасные, ветчинные. Буженину надо было спросить, так как она подавалась теплой! Селедка, семга-балык, тешка-холодец, осетрина (на блюде), мясо жареное, мясо пареное, холодное, можно заказать и горячую котлету... Тут же найдется ломтик оленя или медвежатины для людей «сверхсерьезных» и знатоков. И даже «мясо по-киргизски» – деликатес эпохи Батяи или Чингизхана. Сколько? Парень в белой рубашке говорит – 35 копеек. Рядом стоящий человек вопрошает: «Сколько?» Парень не задумываясь отвечает: «Семнадцать копеек». За ним какому-то скромному старичку говорит: «Восемь копеек» – и следит за двумя или тремя посетителями, протянувшими руки к балыку, семге и зубровке.

Один из столичных очеркистов восторженно писал по этому поводу: «Гений», я никак не могу назвать иначе! «Коперник, Ньютон, Галилей и сам Менделеев в молодости» называет без ошибки суммы 7-8 едокам, за которыми он следит. Его товарищи «Даламберы и Лавуазье» следят и подсчитывают за своими посетителями, а вот как они распределяют между собой «алчущих и жаждущих» – это такая же тайна, как мозг дельфина, пчелы, муравья или стрекозы!

Ярославцы! Они из одной деревни и родня Федорова – лишнего не возьмут! Деньги бросают в ящик без кассир! Пять минут – и каждый продолжает свой путь по Невскому». Так описывал в своих воспоминаниях посещение подобных мест В. Милашевский, художник, родом, кстати, тоже ярославец.

Для проведения этих и подобных им «операций» хватало того уровня грамотности, которым почти поголовно обладали все крестьяне-отходники. Вот как об этом писал М. Е. Салтыков-Щедрин: «Школы в селе не было, но большинство крестьян было грамотные, или лучше сказать полуграмотные, так как между

ими преобладал трактирный промысел. Умели написать на клочке загаженной бумаги: «Силетка адна, чаю проц (надо понимать процеженного): адна и ище порц.: румка вотки две румки три румки вичина» и т. д.»

Среди трактирщиков-ярославцев находились и такие, кто свой редкий досуг посвящал своего рода «культпросветработе». Например, один из них, Н. В. Булавкин, создал даже целый трактат «Мысли и суждения трактирщика-ярославца, написанные в часы досуга», опубликованный в 1881 году в Ревеле (совр. Таллин). Среди прочих высказываний этого трактирщика-моралиста, желавшего воспрепятствовать падению нравов в среде своих коллег по буфетной стойке, были и такие:

Куда стремишься, ярославец, Зачем покинул кров родной? Почто семью и дом бросаешь, Бежишь в далекий край чужой? Нажива легкая прельщает, Вскружила голову тебе. Но помни – больше погибает Людей с фортуною в борьбе.

Настольной книгой для всех ярославских трактировладельцев стал ежемесячный журнал, издававшийся опять же нашим земляком, уроженцем Пошехонского уезда Н. Г. Поздняковым-Ухтомсковым «Ресторанное дело» (который, кстати, не потерял бы своего значения и в наши дни).

Ярославские трактирщики, как можно было убедиться, являлись людьми редкой людской популяции. Они вполне заслуживают этих строк еще дореволюционных авторов, отмечавших, что они – «удивительный народ»:

«Ярославцам честь и слава – Удивительный народ».

В начале XX в. Большая Линия по-прежнему сохраняла свое важное торгово-коммерческое значение. Она была популярна не только среди жителей, но и среди гостей города. Характерен такой факт: многие путеводители, как региональные, например «Наш Север», так и местные, неоднократно отмечали шум, грязь и недостаточный уровень сферы услуг трактирных домов и гостиниц. Прежде всего речь шла о ресторане с гостиницей «Берлин» ярославского купца Е. А. Полякова и трактире мещанина Михаила Смирнова. Также в путеводителях особо подчеркивался широкий выбор товаров и услуг, предоставляемых магазинами, расположенными на Большой Линии. Однако подчеркивалось, что в Ярославле часть товаров, особенно «ту-

земного» или местного производства, имеет весьма завышенную цену. Читателей предупреждали, что им могут продать товар по высокой цене, а иногда и явно низкого качества (например, прямо говорилось о гнилом товаре). Поэтому потенциальные покупатели наших ярославских магазинов обращались в Кострому и Плес за полотняным товаром, а в село Красное — за изделиями из серебра и золота.

В начале XX в. первые дома на этой улице подверглись существенной перестройке.

В их числе — дом № 3, который был построен еще в начале XIX в. графом Салтыковым, а потом выкуплен у него бывшим крепостным, впоследствии — купцом Соболевым. В это время принято решение о возведении дополнительного третьего этажа, что значительно ухудшило архитектурное восприятие дома. Он был передан в ведение местного банка, но его подвалы по-прежнему служили «базой купца Соболева», одного из крупнейших виноторговцев Российской империи.

Дом № 5 также претерпел значительные изменения. В 1912 году он был существенно перестроен по проекту ярославского губернского архитектора Н. Ю. Лермонтова и приобрел новый, совершенно непохожий на первоначальный, вид (ранее он выглядел как восточная часть Гостиного двора, расположенного по улице Первомайской). В связи с открытием трамвайного движения один из маршрутов стал проходить по Большой Линии. Это сделало более доступными магазины, расположенные на улице, так как сюда могли уже добраться жители далеких для того времени окраин — с Большой Московской улицы, с Корзинкинской мануфактуры (ныне Красный Перекоп), Всполья и Волжской набережной.

Дом № 6 на Комсомольской улице, расположенный на правой стороне, обращает на себя внимание каждого пешехода (он выделяется стеклянными эркерами, поэтому в обиходе его зовут «стеклянный дом»), был построен в начале века ярославским купцом-миллионщиком Д. А. Карпычевым. Вместе с Пастуховыми они являлись одними из крупнейших торговцев железными изделиями не только Ярославля, но и всей России. В этом здании у купца находилась контора. Сами же предприятия располагались как в Ярославской губернии, так и за ее преде-

лами. По семейному преданию, когда в 1861 году Дмитрию Александровичу исполнилось 10 лет, при освобождении от крепостной зависимости барин подарил ему золотой рубль, который к 1917 году, благодаря прекрасным организаторским способностям купца, превратился в миллионы.

Основной доходной частью Д. А. Карпычева была так называемая рассеянная мануфактура, базировавшаяся на традиционном для бурмакинских крестьян железоделательном промысле. Более половины всех кустарей Бурмакинской волости работали на него. За это он снабжал их железом, обеспечивал прочий «сервис». В частности, весьма распространенным явлением в то время стал товарный обмен. Поэтому в волости имелось несколько лавок, где в обмен на сданный железный товар приобретались предметы повседневного спроса. Здесь верили на слово, поэтому товар отпускался в долг, а для постоянных поставщиков железных изделий еще летом давались товары в счет зимней отработки. В 1901 году только в Бурмакине, не считая волости, было 46 кузниц и около 100 кузнецов, что делает понятным происхождение капиталов Д. А. Карпычева. Железный и медный товар из волости шел через Дмитрия Александровича в Москву, Петербург, Ригу, Сибирь. Он завел тесные связи с тульскими мастерами, которые также поставляли ему свои изделия. Но главным источником его дохода необходимо считать государственный заказ на «металлические приборы» для артиллерийской и кавалерийской упряжи, на балки, рельсы – что являлось исключительно выгодным в условиях мощного железнодорожного строительства в империи. Здесь хотелось бы напомнить нашим читателям, что на изделия бурмакинских кузнецов обратил свое внимание еще Петр I, с именем которого стал ассоциироваться постоянный государственный заказ на изготовление металлической фурнитуры для конской упряжи вплоть до 1950-х годов, когда в уже Советской армии произошло резкое сокращение кавалерийских войск.

В 1912 году Бельгийское акционерное общество — владелец ярославского трамвая — предложило соединить Власьевскую улицу (совр. Свободы) через Знаменскую башню с Екатерининской улицей (современная ул. Андропова). Подобное решение предполагало пустить трамвайную ветку под Знамен-

скую башню, которая, как известно, достаточно узка в своем проходе, и потому возник вопрос — сохранить ли пешеходный проход или же отдать его для трамвайного движения. Совмещения здесь быть не могло, так как в случае нахождения пешехода в проходе Знаменской башни одновременно с трамваем мог произойти несчастный случай. Кроме того колебания почвы от движения трамвая наносили бы ущерб как самой башне, так и зданиям, расположенным на данной улице.

Во время Ярославского антисоветского восстания в июне 1918 г. в гостинице Пастухова (совр. Главпочтамт) первоначально располагался штаб восставших. Именно в этом направлении и велась основная «артиллерийская работа» красных батарей, расположенных в том числе и на Туговой горе, что позволяло бить прямой наводкой по центру города. Наиболее серьезные разрушения оказались в южном крыле Гостиного двора, примыкавшего к гостинице Пастухова. Один вид этих развалин вызывал чувство значительной утраты одного из лучших памятников архитектуры Ярославля начала XIX века. Ввиду невозможности восстановления территория, занимаемая бывшим Гостиным двором, была расчищена, на ней построили одно из первых в стране зданий Государственного банка.

Вид Государственного банка прочно ассоциируется с монументальностью, надежностью, респектабельностью и даже вечностью. Практически он представляет собой целый комплекс. В его структуре предполагался не только банк со всеми необходимыми технологическими и вспомогательными помещениями, куда входил буфет (или чайная, как принято было тогда именовать подобные структуры), помещение для работы с обязательными комнатами для заседания месткома — профсоюзного комитета. Последнее было необходимым условием для многих административных зданий, так как в то время профсоюзы должны были восприниматься как школа коммунизма, которую должны пройти все работники страны Советов.

Для более успешного руководства и функционирования банка был предусмотрен жилой комплекс, который пристраивался с южной стороны и выходил на Богоявленскую площадь. Это было двухэтажное здание. На его первом этаже предполагались четыре квартиры по 30 кв. м каждая для технических

служащих. Эти квартиры имели общую прихожую на две квартиры (по обе стороны центральной лестницы), и каждая — кухню-столовую и жилую комнату, примерно одинаковые по площади. Пол был деревянным. Квартиры второго этажа, а их предполагалось две — для руководства банка, находились по обе стороны от центральной лестницы, каждая из этих квартир равнялась по площади двум на первом этаже, что означало весьма существенный приоритет начальствующего состава банка над техническим. Здесь полы были паркетными. Вход в жилой корпус предполагался через внутренний двор, то есть без самостоятельного выхода на Богоявленскую площадь.

Внутри комплекса банка был сформирован большой двор с каменными вспомогательными помещениями — сараем, каретником, русской кухней, где готовилась пища для жильцов дома, прачечной и шестью отдельными сараями с погребями — по числу квартир. На свободной территории двора разбивались газоны с площадкой для тенниса. Там, где не было стен домов и хозяйственных построек, с внешней стороны участок двора ограждался железной оградой на бетонном цоколе и каменными столбами. Особенность этого комплекса была в том, что здесь, в отсутствие общегородской канализации, была оборудована биологическая станция очистки.

Здание банка имело выразительный интерьер. Перегородки, отделяющие кабинеты от коридоров и операционного зала, были выполнены остекленными панелями. Внутренние стены и потолки высотой 3,6 метра были оформлены карнизами и филенками. В помещении банка были мозаичные полы из мраморной крошки с медными шлифованными перемычками.

В 1920-е годы Линия Социализма (так с апреля 1918 года стала называться бывшая Большая Линия) вновь стала одной из главных торгово-промышленных улиц Ярославля. Она являлась сосредоточием различных контор и учреждений, торгово-промышленных заведений, которые, как правило, располагались в Новом гостином ряду. Нетрудно догадаться, что большая часть спиртных напитков располагалась в бывшей «базе» купцов Соболевых, находившейся в глубоких подвалах его дома на этой улице. Здесь, например, складировалось спиртное «Государственных подвалов вин Армении, Дагестана», распо-

лагался оптово-розничный магазин вин Московских государственных подвалов и т. д.

Линия Социализма вместила в себя также и различные конторы кооперативов, имевших широкое распространение в то время. Это были Ярославский союз сельскохозяйственных и кредитных кооперативов, Ярославский губернский союз кустарно-промышленной кооперации («Кустпромсоюз»), Ярославский союз молочной кооперации, Первая кооперативная артель вязальщиков, Контора Ленинградского товарищества ответственного труда и т. д. Кооперативы не обходили своим вниманием и торговлю, в частности пивом. Здесь, на этой улице, успешно функционировал пивной склад Костромского центрального рабочего кооператива «Северянин».

Судя по адресным книгам того времени, все магазины писчебумажных и канцелярских товаров Ярославля были сосредоточены именно здесь, на Линии Социализма. Это магазин № 36 ЦРК (Центрального рабочего кооператива) «Единение – сила», который был одним из крупнейших в СССР, магазин товарищества «Сотрудник», магазин «Волков В. С.» и др.

Большое распространение в Ярославле в этот период приобрела книготорговля, которая в основном была сосредоточена на Линии Социализма: магазин ярославского кооперативного объединения «Книгоноша», магазин «Вопросы труда», а в доме Карпычева располагался главный книжный магазин Госиздата.

Не обошлось на этой улице и без предприятий швейной промышленности. Среди них – ремонтно-сборное депо Гостреста «Госшвеймашина». По всей вероятности, именно из него и возникло впоследствии швейное производство, располагавшееся во дворах вплоть до строительства ТК «Старый город».

При чтении адресной книги создается впечатление, что вся банковская деятельность была сосредоточена только здесь, на бывшей Большой Линии. Это Ярославские отделения государственного банка, всероссийского кооперативного банка (Всекомбанк), Моссельбанк, Ярославский сельхозбанк и т. д.

Продолжая дореволюционную традицию, Линия Социализма изобиловала гостиницами. Так, в бывшем доме Полякова (угол Свободы и Комсомольской) находилась гостиница № 1

Губкоммунотдела. Рядом, в доме Карпычева, – гостиница «Берлин», напротив современного здания банка во дворе бывшей гостиницы Пастухова — постоянный двор Мохова. Все это убедительно показывает, что в первые годы советской власти эта улица жила в прежнем, напряженном трудовом ритме, являясь одной из самых значимых, судя по расположенным здесь учреждениям, организациям и структурам, улиц города.

Современная улица Комсомольская сохранила черты старой дореволюционной Большой Линии. Сравнительно недавно на нее вернулись различные вывески. По-прежнему здесь средоточие самых разных торговых заведений — от продажи продуктов до суперсовременной техники. Присутствуют здесь также и различные конторы, но расположены они, как правило, во дворах или на верхних этажах зданий.

ЯРОСЛАВЛЬ. Вологодская улица (Бол. линия). Торговые ряды

Вологодская улица и торговые ряды. Справа видна часть южного корпуса Гостиных рядов, уничтоженного в 1918 г. Фото 1900-1912 гг..

Ярославль. Большая линия и гостинный двор

Улица Большая Линия и Гостиный Двор. Вид после 1912 года

Восточное крыло «Пастуховского» дома на Вологодской (Комсомольской) улице. Фото 1890-х гг.

Вид на гостиницу «Европа» (из створа Знаменской башни) на углу ул. Большая Линия (совр. ул. Комсомольская) и Власьевской площади (совр. ул. Свободы) Фото 1900-х гг.

Глава VII Улица Ушинского

Улица Ушинского, следующая за площадью Волкова, является одной из самых древних в Ярославле. Первоначально на этом месте располагалась древняя дорога на Вологду, огибавшая оборонительные сооружения земляного города. Позднее, в XVI–XVII веках, здесь возникла новая стрелецкая слобода, которая играла важную роль в жизни города. Поэтому представляется необходимым более подробно рассмотреть, кем были стрельцы, их занятия и роль в оборонительной системе Ярославля.

В Московском государстве главную часть вооруженных сил составляло ополчение служивых людей. Они жили в своих поместьях, а на воинскую службу являлись «конны, людны и оружны», по первому требованию великого князя или царя. Но это служило и существенной помехой в тех случаях, когда необходимо было срочное принятие мер на случай мятежей, бунтов. Кроме того, ополчение служивых людей, живших в большинстве своем в деревнях, в том числе весьма отдаленных, мало любило и еще меньше знало военное дело. Их девизом, по словам современников, было: «Дай бог великому государю послужить, только бы саблей из ножен не вынимать». Длительные войны Московского государства первой половины XVI века особенно убедительно указали на недостаток в русском войске обученной военной силы.

В 1550 году Иван IV (Грозный) утвердил уложение о воинской службе дворян и детей боярских. На основании его было учреждено постоянное стрелецкое войско. Царь Иван приказал тогда набирать в городах и уездах вольных «гулящих» людей, которые жили, не платя податей, и потому не приносили государству никакой пользы. Из этих «гулящих» и были сформированы отряды вооруженных пищальными людьми, которые поступали в распоряжение начальников городов и должны были находиться всегда под ружьем. Эти новые постоянные отряды, в отличие от пищальников, которые собирались лишь на время войны, стали именоваться стрельцами. При Грозном стрельцов насчитыва-

лось до 12 тысяч человек, а к концу царствования Алексея Михайловича, отца Петра I, их уже было свыше 20 тысяч.

В образованном стрелецком войске впервые в России были введены воинские звания. Среди них: десятник, пятидесятник, сотник, полуголова (пятисотенный голова, или полуполковник, он же подполковник), воевода — начальник стрелецкого отряда, стрелецкий голова (начальник, руководивший всеми стрелецкими частями города или уезда). Звание сохранялось только на время службы в стрелецком войске. С образованием стрелецких полков им стали жаловаться знамена большого размера (одно на полк) и малого размера (по одному на каждую сотню).

Стрельцы разделялись на стременных, московских и городских, или окраинных. Стременные составляли особый полк в 2000 человек, постоянно находившийся при государе, или, как тогда говорили, при стремени государя. Они сопровождали государя при всех его выездах и походах, являясь своего рода лейб-гвардией, отборной стражей. Московские стрельцы отличались от городских только тем, что жили в Москве. А устроены они были так же, как и городские. Правда, жизнь в столице давала им некоторое отличие, как войску парадному. В мирное время московские стрельцы несли караульную службу по городу, отбывали некоторые полицейские обязанности. Иногда они назначались на службу в городах. Там, как и в Москве, стрельцы жили особыми слободами. Если в городе, куда назначался стрелецкий гарнизон, не оказывалось свободного места в посаде для стрельцов, то жителям приказывали переселяться на новые места по своему усмотрению. На место их дворов ставили дворы стрелецкие. Часть стрельцов, не получившая в силу различных причин дворов в городе, селилась в ближайшем пригороде в слободах, как правило, недалеко, а чаще всего в непосредственной близости от городских укреплений.

Дворы стрельцов были сравнительно небольшими - всего 15-30 квадратных сажен. Это означало, что при них не было огородной земли. Сами стрельцы и члены их семей занимались в свободное от службы время различными ремеслами, мелкой торговлей. Кроме того, они получали от казны оружие, жалование деньгами, хлебом и материей для формы. Стрельцы не платили

никаких податей, они принимались на службу лишь из свободного состояния «молоды и прожиточны и из самопалов стрелять горазды».

Стрельцы несли гарнизонную, караульную и полевую службу. Они выполняли поручения по конвоированию арестантов, поимке разбойников, сопровождению отправляемой в Москву казны, посольств, строительству барок и других судов для казенных надобностей. Состояли на службе пожизненно, до глубокой старости, пока сил хватало.

В 1646 году в Стрелецкой слободе в Ярославле проживала «ратная сила» из 211 воинов (185 стрельцов и 26 пушкарей). В 1698 году воинский гарнизон в слободе увеличился, когда после подавления стрелецкого бунта в Москве Петром I сюда были высланы непокорные стрельцы с семьями.

В Ярославле в то время существовала территория, прозванная Зарядье (между современными улицами Свердлова и Свободы и в районе Бутусовского парка). В Москве на основе раскопок тамошнего Зарядья было установлено, что район, возможно, представлял собой полигон для учений и стрельбы. Это толкование можно применить по аналогии и к ярославскому Зарядью. Здесь традиционно проходили учения. Для этого в поле за Стрелецкой слободой выезжал обоз, нагруженный балками, бревнами, тесовыми щитами. По прибытии на место стрельцы в определенном порядке, по очереди подходили к возам и разгружали их. По команде брались за топоры, лопаты, взметывали кучи земли, и вскоре выросло деревянное укрепление - «гуляй-город», из которого стрельцы открывали учебную стрельбу. Тесовые щиты ставились иногда на колеса или полозья, и отряд стрельцов продвигался вперед на воображаемого противника, двигая щиты перед собой. Отдельные части «гуляй-города» были заранее пригнаны одна к другой, и поэтому устройство этого подвижного укрепления происходило довольно быстро.

В начале XVIII века с введением рекрутского набора стрельцы были распущены. По переписи 1717 года бывшие стрельцы как не участвовавшие в мятежах и бунтах значились солдатами ярославской гарнизонной роты. Часть дороги, шедшей через эту слободу, стала называться Стрелецкой улицей,

которая в 1918 году была переименована в Красную, а в 1946 году – в улицу Ушинского.

В Ярославле, как и во многих других городах, стрельцы жили не только в слободе, получившей название Стрелецкой, но и по всему городу. Это означало, что при них не было огородной земли. В посаде, как и в слободе, их дворы находились вперемешку с другими, а сами стрельцы, их семьи, занимались, как правило, теми же ремеслами, что и остальные ярославцы.

На содержание стрельцов собиралась со всего государства особая подать, так называемые «стрелецкие деньги». Одеты стрельцы были в длинные, ниже колен, суконные кафтаны с отложным воротником, с петлицами на груди и небольшим разрезом сбоку. Шапки у них были в XVI веке железные, круглые, а потом, со времен царя Алексея Михайловича, суконные, опущенные мехом, со склонявшейся в сторону мягкой верхней частью. При этом каждый полк стрельцов был одет в кафтаны и шапки только этому полку присвоенного цвета. Так, например, стреленные стрельцы носили кафтаны красного цвета с белыми петлицами и белой кожаной перевязью через плечо, называвшейся берендейкой. Берендейку носили, перекинув через левое плечо. На ней висели «зарядцы с кровельцами», то есть патроны, выдолбленные из дерева, оклеенные темной кожей. Кроме зарядцев на берендейке висели «сумка фитильная, сумка пулечная и рог пороха или патруска». Рога и патруски делались из дерева, кости, перламутра, серебра и имели крышку с пружиной. Кроме берендейки и сабли у каждого стрельца была пищаль или мушкет с ложем красного цвета. Пищаль стрелец держал в руках, нося ее на правом плече. На ремне за спиной у него висел бердыш — топор с широким лезвием в форме полумесяца с вытянутыми концами. Когда стрельцы выстраивались для парада, то ружье держали правой рукой на правом плече, а левая придерживала бердыш, обращенный острием от фронта. Изготовившись к стрельбе залпом, стрельцы все враз, ловким ударом, укрепляли перед собой бердыш в земле на заклепу топора (в месте крепления к дереву), ставя дуло пищали, и, целясь, ждали команды офицеров. Без помощи бердыша или особой подставки — «посошка» — тяжелую стрелецкую пищаль было бы трудно

удержать на прицеле, хоть и стреляла она маленькой пулей. Бой ее был не из сильных.

Для того чтобы зарядить пищаль, требовался ряд действий, происходивших, как правило, по команде офицера. В книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», одним из первых руководств для вооруженных сил, был указан следующий порядок заряжания мушкета: «Ступи правой ногой отдельно наперед. Стой кротко (не двигаясь). Ступи левой ногой. По(д)неси мушкет к правому боку. Сними фитиль с курка. Положи фитиль на место. Подыми мушкет ко рту. Сдуй с полки. Возьми пороховой зарядец. Опусти мушкет вниз. Посыпь порох на полку. Поколоти немного мушкет. Закрой полку. Страхни. Сдуй. Поверни мушкет на левую сторону. Положи порох и пульку в него и пыж на полку. Добей забойником порох и пыж. Воткни забойник на место. Возьми мушкет правой рукой и подыми вверх.левой рукой подшошек изготвь. Положи мушкет на вилки. Стань на прежнее место. Поди, имеючи подшошек в руке».

Начальниками стрелецких полков назначались всегда люди заслуженные, знатного рода дворяне. Сотниками — люди менее образованные и родовитые. Простые рядовые стрельцы могли дослужиться только до десятника или пятидесятника и назначались на эти должности по выбору полковника из людей «добрых и безупречных». Офицеры стрелецких полков носили ту же форму, что и рядовые стрельцы, но вооружены были только саблями и как знак достоинства имели в руках палку (трость). Часть стрельцов иногда не имела мушкетов, а была вооружена длинными копьями, которые считались лучшей защитой против атак кавалерии. При появлении неприятельской конницы первый ряд копейщиков падал на землю и, оперев тупой конец копья в землю, наклонял острие в уровень груди скачущей конницы. Второй ряд копейщиков устанавливал свои копья так, чтобы стоя каждое копье этого ряда приходилось между двумя первого ряда на той же длине и уровне, но несколько выше.

Все стрелецкое войско состояло в Стрелецком приказе, который аккумулировал деньги, собираемые на содержание стрельцов, вел документацию и хозяйство и делал назначения на офицерские должности. Внутреннее хозяйство каждого полка

полностью лежало на «голове» и от него зависело. Порядок получения назначения был следующий – определенный стрелецким «головой» дворянин являлся в Москву в Стрелецкий приказ. Здесь он получал письменный наказ, или «память», которая утверждала его в должности. Здесь же предписывалось, что он может делать, а чего нет. На месте назначения вновь назначенный начальник требовал именные списки стрельцов. Прежний начальник сдавал новому все дела – судные приговоры, поручные (поручительские) записи по стрельцам, деньги, военные запасы, оружие, знамена, барабаны, трубы. Приняв все имущество, он устраивал смотр личному составу, при этом осматривал обмундирование и вооружение каждого. Если при смотре оказывался недочет в стрельцах, то на место умерших и выбывших он набирал новых. Желających служить в стрельцах можно было найти всегда. Это было связано с тем, что служба давала много льгот и преимуществ.

В стрельцы годились только те, кто «собою были добры молодцы и резвы, и из самопалов стрелять горазды». Удостоверившись в этих достоинствах кандидата, начальник должен был «впрямь доведаться», кто такой кандидат, не беглый ли он холоп, не сбежавший ли с посада посадский, не покинувший ли свое тягло крестьянин, так как принять такого являлось прямым убытком казне. Крестьянин и посадский имеют подати, а станет человек стрельцом — от всех податей ему свобода. Если у служащих стрельцов были дети, братья, племянники, дальние родственники, захребетники, то есть жившие в его доме «за его хребтом», и кто-то из этой родни являлся к стрелецкому начальнику и просился на службу, то и тут принимали только «молодцов добрых и прожиточных». Если же они оказывались «молоды и непрожиточны», то не принимались на службу. В таком случае их оставляли жить в стрелецкой слободе до тех пор, пока не подрастут, а «молодые с животы (имуществом) посберутся». А пока за ними присматривали и никуда не пускали. Записав «новииков» в стрельцы, начальник призывал к себе старших надежных стрельцов и заставлял их давать «крепкие поруки з записьми» на «новииков» на тот случай, если, храни бог, «новик» убежит со службы и унесет с собою царскую пищаль. Поручители отвечали за беглеца своим имуществом, должны

были платить казне за все, что беглец испортит или унесет с собой. Кроме того, «поручники» должны были искать беглеца «неоплошно». Когда поручители оказывались не в состоянии уплатить за вред, причиненный казне беглым, то весь недобор взыскивался с самого начальника – не бери худой поруки.

При раздаче жалованья начальник брал с подчиненных расписки, в которых те ручались, что царского жалованья не пропьют и со службы не сбегут. Руководство стрельцов в городах или уездах наблюдало за их жизнью, в частности смотрело, чтобы те не пьянствовали, не играли в азартные игры, не уходили без разрешения из слободы. Отвечал начальник и за «службу». Он должен был часто проводить смотры команде, упражнять стрельцов в стрельбе из пищали, следить, чтобы они на эту учебную стрельбу казенного пороха не тратили, а жгли бы свой, «на то и жалованье казна платит» – говорилось в одном из наказов стрелецкому начальнику. Эта экономия на всем приводила к тому, что обучение строевой подготовке не шло дальше некоторых основных поворотов и построений при действии полком. Стрельцы обучались поворачиваться по команде, развернуться в шеренгу, ходить строем и делать на ходу различные построения.

Стрелецкий начальник наказывал своих провинившихся подопечных батогом или кнутом, был первым и единственным над ними господином.

Кроме гарнизонной, караульной и полевой службы, стрельцы выполняли и другие поручения — конвоирование арестантов, поимка разбойников, сопровождение отправляемой в Москву казны, посольств, строительство барок и других судов для казенных надобностей и так далее. Стрельцы состояли на службе пожизненно, до глубокой старости, пока сил хватало. За свою службу, как уже говорилось, стрелец получал жалованье деньгами, хлебом и землей. Каждый стрелец получал от казны двор с усадебной землей в слободе и, кроме того, мог пользоваться лугами и пахотной землей, отведенной для стрельцов возле их слободы. Пашней и лугами стрельцы пользовались сообща, делили эту землю, как и крестьяне в общине, по дворам и душам.

Во второй половине XVI века казна платила каждому стрельцу по полтине в год. В XVII веке этот оклад был сначала

увеличен, а потом правительство решило и вовсе упразднить денежное содержание и платить стрельцам только землёй. Объяснялось это просто: «выдача ежегод денежного и хлебного жалования составляет большую потерю казне». На одежду получали сукно от казны.

Стрельцы пользовались различными, в том числе большими преимуществами в торговле, которой могли заниматься, имели льготы при платеже судебных пошлин и так далее. Они могли беспошлинно торговать своими изделиями вразнос или в палатках на торговой площади своей слободы, поэтому почти все стрельцы были и ремесленниками — сапожниками, портными, оружейниками, шорниками и так далее. Эти занятия при беспошлинной торговле приносили им иногда немалый доход. Но если стрелец заводил большую торговлю, открывал лавку в городе и сидел в ней, то он должен был платить налоги наравне со всеми торговыми людьми.

Стрелецкая слобода не всегда являлась для горожан и соседей желанной. Зачастую стрельцы, пользуясь своим правом беспошлинной торговли, подрывали тем самым торговлю горожан. Более обеспеченные, они обладали большим свободным временем и, как следствие этого, производили частые буйства, драки с горожанами. Отмечались случаи грабежа и насилия горожан, особенно молодыми стрельцами. Иногда виновными в этом были сами стрелецкие начальники, которые удерживали стрелецкое жалование и хлеб, принуждали стрельцов и особенно членов их семей работать на себя.

Ярославский стрелецкий гарнизон, будучи неплохо вооружен, при необходимости мог отразить наступление неприятеля или, по крайней мере, существенно сдержать его. Так, в Ярославле, по данным 1678 года, имелось 100 стрельцов. Кроме них было еще и ополчение земских людей «с боем». В городе насчитывалось 3720 человек жителей. На их вооружении было 778 пищалей, 1918 копий и бердышей. Ярославский арсенал насчитывал 76 орудий и 41 карабинную пищаль. При этом существовал свой весьма немалый боезапас — 11 тысяч различных ядер, 5 тысяч пуль, 36 пудов пороха.

В конце XVII века обострилось противостояние наследников последнего царя Алексея Михайловича. Особенно прояви-

лось это в борьбе царевны Софьи с царем Петром. Стрельцы при этом принимали, как правило, сторону Софьи. Царю Петру «не раз приходилось испытывать великую досаду». Во время его отъезда за границу «в великое посольство» стрельцы возмутились снова, но были разбиты, схвачены и отданы под суд. В июне 1698 года 130 стрельцов повесили, а около 2000 сослали по разным городам и монастырям. Спешно возвратившись из-за границы, Петр I в день имени царевны Софьи 17 сентября начал новый «розыск», поразивший современников своей беспредельной жестокостью.

Было расформировано (раскассировано) 16 московских стрелецких полков, стрельцов разослали по разным городам и там записали в посадские люди. Было запрещено принимать их в солдаты. Скоро Петр I ликвидировал и сам стрелецкий приказ, дав начало новому принципу формирования русского войска – рекрутскому.

В правление Петра I бывшая Стрелецкая слобода, по некоторым данным, одно время называлась Солдатской. Это, по-видимому, объяснялось двумя причинами: во-первых, чтобы стереть из памяти все, что было связано со стрельцами, так активно противодействовавшими Петру на стороне его сестры Софьи. Во-вторых, в это время уже всюю формировались и полки нового строя – рекрутские.

Реформы Петра I, а также основание и строительство им новой столицы – Санкт-Петербурга (к 1712 году столица из Москвы была официально переведена на берега Невы) крайне негативно сказались на развитии многих городов, особенно Ярославля. Это прежде всего касалось торгового статуса города, ранее являвшегося одним из самых крупных в этом отношении городов русского государства.

В связи с резким сокращением торговли через Архангельск и закреплением выхода России в Балтийское море основной поток грузов был переориентирован на новую столицу, Ярославль стал лишь транзитным городом. Это очень болезненно сказалось на экономике Ярославля: весьма существенное сокращение торговых оборотов ярославского купечества, а также лишение работы всех слоев населения, связанных с обеспечением торговли через Архангельск, – ремесленников-

посадских, живших за счет участия в работах по перевалке, погрузке, складированию, хранению грузов, обеспечивавших инфраструктуру – питание, жилье, торговые принадлежности, одежду для лиц, приходивших в Ярославль на заработки во время навигации. Кроме того, специальным указом Пётр I запретил на некоторое время каменное строительство во всех городах России, сосредоточив все материальные и людские ресурсы на возведении новой столицы.

В соответствии с жесткими указами Петра I в город на Неве свозились отовсюду мастерские люди различных строительных специальностей, а также даже рыбные ловцы. Так, например, кузнецы и плотники направлялись для работы на определенный срок, а каменщики и кирпичники вместе со своими семьями приписывались к новому месту навечно. Уже в 1710 году из Ярославля в Петербург были направлены 680 каменщиков, а на следующий год – 1711 – около 300 мастеров по судовому делу. Это привело к тому, что в первые десятилетия XVIII века каменное строительство в Ярославле прекратилось.

Кроме того, огромный ущерб городу нанес страшный пожар 1711 года, который уничтожил большую часть Ярославля, в том числе и основную часть деревянных построек и Стрелецкой (Солдатской) слободы. Кстати, погибли и все «начинания» Петра I по строительству «государевых мануфактур» в Ярославле – оружейный, суконный и шляпные дворы, часть из которых были возобновлены, но уже на основе частной, а не государственной инициативы.

Все это привело к падению и политического значения Ярославля, которое он имел в XVII веке, постепенно превращая наш город в обычную провинцию. В 1722 году население города, согласно переписи, составляло 10345 «душ мужеска полу».

До конца XVIII-первой половины XIX вв. застройка бывшей Стрелецкой слободы была по преимуществу усадебной. Правда, в отличие от других территорий города, эти усадьбы имели характер небольших участков земли, застроенных, как правило, жильем, хозяйственными постройками и практически без огородной земли. Дома строились по красной линии, бывшей Вологодской дороге, за крепостным валом и рвом. Последний в это время превратился из-за полного отсут-

ствия ремонтных и очистных работ в скопище мусора и стоячее болото, распространявшее зловоние на всю близлежащую территорию. Внутри жилых массивов сохранялись традиционные выгоны для имевшегося у большинства жителей скота, как правило, мелкого.

Петр I активно поддерживал развитие местной промышленности. На территории бывшей слободы были созданы небольшие производства кустарного типа, направленные обычно на переработку местного сырья, кож, а также «солодовни и вары» (специальные «компоты» для их выделки), а также текстильные, веревочные и т. д. Это были, как правило, мелкие производства, рассчитанные на реализацию произведенных товаров среди местного населения и ближайшей округи.

Каменное строительство в этом районе практически не велось. Лишь в 20-30 годы XVIII века неподалеку на Семеновской площади (современной Красной) были построены теплая (зимняя) и холодная (летняя) церкви Семиона Столпника (снесены в советское время, а на их месте стоит дом с аркой и памятник В. И. Ленину).

В 60-е годы XVIII столетия по территории бывших слобод называли и основные улицы. Так, улица Вологодская стала именоваться Стрелецкой. Она была одной из самых широких в Ярославле — до 30 метров. На это, по-видимому, повлияло соседство со рвом и валом, создававшее впечатление простора.

В 1768 году в Ярославле произошел один из самых страшных пожаров за всю его историю. Практически полностью была уничтожена огнем и бывшая Стрелецкая слобода. Ее население, в основе своей горожане, имевшие сравнительно небольшие доходы, а также мелкие купцы и лавочники, быстро восстановило свои дома и усадьбы на пепелищах. При этом была сохранена по преимуществу старая застройка. Эта территория по-прежнему являлась зоной бывшей средневековой слободы, где «дворовые места» деревянной застройки чередовались с огородами и пустыми землями. По лицевой стороне улицы или по узким межевым переулкам усадебные участки были небольшими и даже мелкими.

По настоянию А. П. Мельгунова план 1769 года был заново переработан, причем привязка к местности осуществля-

лась при помощи губернского архитектора Э. М. Левенгагена. Решение планировки загорожья было прежним, как и в плане 1769 года, — радиально-прямоугольным. Улица Стрелецкая, как и подавляющее большинство других, по новому плану практически не изменила своего прежнего расположения, лишь была несколько подвинута ко рву и валу, которые предполагалось выровнять.

Одной из составных частей плана застройки города Ярославля, в том числе загорожья и Стрелецкой улицы, стала усадебная застройка. Она была необходима для формирования кварталов и поддержания красных линий улиц. В этих целях регламентировали новый тип и городских усадеб, который вследствие жесткого подхода А. П. Мельгунова к реализации нового плана был обязательным для всех городских сословий. Это, например, предусматривало строительство основной постройки или главного особняка усадьбы по красной линии. За ней планировался двор с флигелями и различными хозяйственными постройками, за которыми размещался сад и иногда огород. Для Ярославля, ранее «славившегося» своими «миазмами» — дурнопахнущими издержками производства и выделки кож, мыла и других товаров не менее экологически вредных производств, это было очень важно. Сады и огороды, находившиеся внутри кварталов, способствовали расширению и формированию зеленой зоны, или, как теперь принято говорить, «легких города».

План 1778 года очень жестко регламентировал каменное строительство. Так, для загорожья, в том числе и для Стрелецкой улицы, он предусматривал строительство парадных фасадов. Бывшие застройщики, желавшие вновь возводить свои усадьбы в дереве, после пожара 1768 года не получали такого разрешения, т. к. здесь строительство предполагалось только каменное. Это было невозможным для большинства прежних жителей из-за большой стоимости новой застройки и, кроме того, острой нехватки кирпича, который по личному распоряжению А. П. Мельгунова шел прежде всего на сооружение административных и общественных зданий — присутственных мест, Дворца наместника, Дома призрения ближнего и т. д. За

этим следил некто Говорков – правая рука и доверенное лицо наместника и, как оказалось, вор и взяточник.

Все это привело к тому, что бывших владельцев усадеб, расположенных по Стрелецкой улице, как несостоятельных переселяли из этого района города, ставшего парадным, на окраины. При этом традиционно возмещалась лишь часть понесенного ущерба за счет более богатых застройщиков. Многие источники сообщают, что особенно при этом пострадали жители бывшей Стрелецкой слободы. И это вполне объяснимо: происходила коренная ломка устоявшегося уклада средневекового города с его тихими улицами, переулками, тупиками. Мелкие и даже средние по своим доходам бывшие хозяева этих усадеб по-разному выражали свое недовольство. Так, в 1779 году в городской магистрат поступила жалоба от 62 человек купеческого и мещанского сословия на «изнеможение и недостатки к регулярному в здешнем городе на погоревших местах строению по плану». Но и сами новые застройщики вынуждены были нести большие расходы. В связи с этим совсем не редким было и такое явление, как замена уже выделенных под застройку участков. Это вызывалось, как правило, необходимостью возмещать убытки переселенцам. А это было зачастую слишком накладно, т. к. количество переселенцев иногда превышало десяток бывших владельцев небольших дворов или усадеб. Поэтому даже для зажиточных ярославцев было характерно взятие участков на «погорелых» местах, т. е. до этого времени еще не застроенных после пожара 1768 года.

Однако в Ярославле, в частности и на Стрелецкой улице, находились усадьбы, где особняки или главное здание строились не по красной линии улицы, а в глубине двора. Красную линию формировали каменные ограды с флигелями. Так, в частности, была построена и усадьба богатого помещика, дворянина Н. А. Горяинова (ул. Ушинского, 16), одного из самых активных и богатых застройщиков в городе. Ему, например, принадлежала усадьба, являющаяся в настоящее время частью главного корпуса ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (Республиканская, 108). Этот тип застройки усадеб являлся характерным для данного времени (как, впрочем, и Москвы, и Санкт-Петербурга). Первоначально особняк Н. А. Горяинова на Стре-

лецкой улице был деревянным, а по красной линии располагались два каменных флигеля. Они и до сих пор представляют собой большую художественную и архитектурную ценность, став украшением не только улицы, но и всего города. По мнению исследователей, флигели выполнены в стиле школы выдающегося московского архитектора М. Ф. Казакова и построены в начале XIX века. Они отличаются гармоничными пропорциями. Кстати, для ярославцев весьма интересным будет узнать, что в одном из них в 1846–49 годах жил выдающийся ученый, русский педагог К. Д. Ушинский. Именно в его честь улица в январе 1946 года и получила это наименование. Молодой в то время выпускник Московского университета К. Д. Ушинский был преподавателем Демидовского камерального лицея, готовившего в основном чиновников для канцелярий (камор) различного типа государственных учреждений. Но вскоре молодой преподаватель оказался неугоден лицейскому начальству и был вынужден оставить должность преподавателя. Однако к этому времени он приобрел достаточно широкую популярность среди интеллигенции города. Это проявилось, в частности, при выборах редактора неофициальной части «Губернских ведомостей». Эту должность он занимал в течение непродолжительного времени в 1849 году, но оставил свой след в ярославском краеведении тем, что привлек к активному сотрудничеству с газетой ярославских краеведов, публикации которых с тех пор регулярно стали появляться на страницах этой газеты.

Сохранившиеся описания усадеб, а их в Ярославле строили дворяне и купечество, свидетельствуют о традиционном «наборе» различных построек, а также дают представление об их размерах, планировке, конструкции, интерьерах, функциональном назначении. Каждая из этих усадеб представляла собой сугубо обособленное хозяйство со свойственным только ему, хозяину, своим внутренним миром. Как правило, это была совокупность жилых и служебно-хозяйственных построек. Богатые помещики в городских усадьбах по образу и подобию в своих сельских поместьях устраивали «людские избы, где жила дворня, прислуга из крепостных крестьян».

В дворянских и купеческих усадьбах хозяйственные постройки традиционно состояли из бани, кухни, конюшни, каретника с сараями, в том числе для хранения годичного запаса дров для печей (сарай-дровяники), погребами, ледниками, колодцами. Для зажиточных ярославцев, владельцев усадеб, характерно было увлечение садоводством, разведением редких растений, строительством для них специальных оранжерей. Яркий пример этому подал сам А. П. Мельгунов в своей губернаторской усадьбе, располагавшейся в районе домов 44-46 современной Которосльной набережной.

В 90-е годы XVIII века по традиционной схеме был построен особняк дворянской усадьбы (Ушинского, 2/1). Он имел более скромный вид, но впоследствии, в 20-е годы XIX века, фасады дома были переделаны: появился четырехколонный портик с аркадой и ступенчатым парапетом, различные лепные украшения. В 1877 году очередной хозяин – купец Волков – перестроил его под ресторан.

Для Ярославля (впрочем, как и для других городов) было характерно или объединение нескольких усадеб, или дробление одной, не всегда самой крупной, на несколько мелких. Особенно часто это происходило при смене владельца. Новые хозяева зачастую перестраивали особняки, заново оформляли фасады в модном для своего времени стиле. Происходили изменения и в благоустройстве усадьбы — каждой на свой манер и по степени зажиточности владельца. Особым изменениям подвергались интерьеры. В это же время существенно меняли свое функциональное назначение и хозяйственные постройки, особенно службы. Зачастую главный особняк и дворовые флигели как старых, так и новых усадеб сдавались внаем.

С ростом города, особенно с появлением новых учреждений, организаций, структур, увеличивается спрос на наемное жилье, конторы и т. д. В этих целях для центра Ярославля становится характерной застройка улиц сплошной линией доходных домов. Не обошла стороной эта тенденция и Стрелецкую улицу. В это время она также становится своего рода доходной. Большая часть помещений на первом этаже сдавалась под конторы и жилье, а второй — только под жилье. Цены на арендуемую площадь были ничуть не ниже московских. Об этом в

один голос заявляют особенно представители интеллигенции, люди свободных профессий. Такие комнаты и квартиры были меблированы хозяевами в современном стиле, что еще больше увеличивало плату. Тем не менее уровень оплаты труда, в частности профессоров преподавателей Демидовского лицея, даже сравнительно недавних выпускников Московского университета, еще не имевших высоких степеней и званий, был достаточно высоким. Так, в одном из перлюстрированных писем (вскрытых цензурой и по разным причинам не отправленных адресату, из-за чего оно и сохранилось в Государственном архиве Ярославской области) молодого преподавателя Демидовского лицея к своему другу в Москву сообщается, что живет он «в плохонькой квартирке из 6 комнат. В услужении у меня крестьянская семья — жена с мужем управляет хозяйством, а дети на посылках». Правда, иногда в число комнат входили все помещения, в том числе коридоры, кухни, темные чуланы и т. д.

В 1875 году на углу улицы Стрелецкой (Ушинского, 38/2), напротив Волковского театра, был перестроен особняк, появившийся здесь еще в конце XVIII века. Он стал одним из красивейших зданий, делающих честь не только этой улице, но и всему городу. Это дом Петражицкого — яркое воплощение увлечения хозяина формами ренессанса и барокко. Дом отличается богатство отделки фасадов лепными украшениями. Наибольшую привлекательность ему придает оформление угла круглым эркером, который поддерживает скульптурная группа. Он завершается типично барочным куполом. Этот прием, крайне редко встречающийся в архитектуре Ярославля, делает это здание особенно ценным и уникальным.

Этот дом неразрывно связан с именем своего хозяина Г. А. Петражицким. В этом доме постоянно находилась фотография, арендованная самыми «модными» фотографами того времени. Сам же Петражицкий, являясь также незаурядным фотографом, постоянно арендовал помещение для фотомастерской на соседней Власьевской улице (совр. ул. Свободы). В краеведческой литературе зачастую смешивают дом Петражицкого с фотографией Петражицкого.

«Фотография Петражицкого» на протяжении нескольких десятилетий была самой популярной в Ярославле. Судя по

всему, её хозяину удалось найти соответствие цены и качества, так как карточки легко расходились по всему свету. Наиболее популярными были «кабинетные» фото открыточного размера «11×17». Отвечая на запросы людей деловых, фотограф предлагал «визитный» формат, а для молодых модных барышень – «будуарный». Искусная рука ретушёра исправляла огрехи техники и недостатки «натуры», в то время как реклама на обороте карточки ненавязчиво напоминала, что при возникшей необходимости повторной печати отснятый негатив сохраняется в салоне. В советское время, в голодные 20-е годы, семья Григория Андреевича сохраняла за собой четыре комнаты своего бывшего особняка.

Современный «дом Петражицкого» пестрит рекламой модных магазинов, банков... Но фотосалон по-прежнему расположен в этом доме и, как и встарь, гостеприимно открывает двери для своих клиентов.

Стрелецкая улица, как и все центральные улицы, была «конной», т. е. существовала устойчивая традиция ее использования для перевозки пассажиров и грузов, особенно с волжских пристаней. С открытием трамвайного движения линия была проведена вдоль Стрелецкой улицы. Трамвайное движение осуществлялось, правда, в одну сторону: от Семеновской (Красной] площади, где также существовал разъезд. Трамваи не только перевозили пассажиров, но и доставляли товары и грузы с волжских пристаней.

Трамвайное движение сделало Стрелецкую более доступной для населения, проживающего в разных частях города. Поэтому на ней появились новые магазины по продаже самых различных товаров, структуры по предоставлению новых, нетрадиционных для этой улицы услуг. Из сравнительно тихой, спокойной улицы, какой она была вплоть до конца XIX в., Стрелецкая превратилась в довольно посещаемую горожанами магистраль.

Следующим, весьма существенным, нововведением для этой улицы стало упорядочение ее границы с Казанским бульваром. Дело в том, что со времени образования бульвара в начале XIX в. границей между ним и улицей служила канава для сточных вод. Ввиду ненадлежащего содержания она обвали-

лась, превратясь в обычное скопище мусора и не очень надежную преграду между улицей и бульваром.

В конце 1911 г. на заседаниях ярославской городской думы (современного муниципалитета) активно обсуждался вопрос об улучшении оформления границы этой улицы и бульвара. В пользу этого выступали практически все гласные (депутаты) думы. Первоначальное предложение об устройстве деревянной решетки стоимостью до 1 тыс. руб. вызвало острую полемику среди собравшихся. Как доводы против этого прозвучали и слова В. В. Дунаева - крупнейшего ярославского (и не только) табакопромышленника – о необходимости в данном случае серьезного надзора за ее состоянием. В качестве аргумента был приведен пример с подобной решеткой около Успенского собора на Стрелке, которую с завидной регулярностью «разрушают хулиганы». Другие предложения касались укрепления бортов канавы живой изгородью (Е. М. Иваньшин). Но и это предложение вызвало споры, где среди доводов против прозвучало, что «живая изгородь закроет канаву и тем самым перекроет сток воды». Практически единогласно было принято решение о возведении здесь железной решетки, которая без ремонта могла прослужить 15-20 лет, в то время как строительство деревянной решетки потребует в дальнейшем при ее эксплуатации практически ежегодного ремонта, а опыт такого рода уже имелся и стоил до 1 тыс. руб. в год. Поэтому ярославцы оказались верны себе, вспомнив, вероятно, присказку, им же и приписываемую, которая гласит: «Не такой уж я богатый, чтоб дешево покупать». Было решено возвести решетку железную. Простояла она, кстати, вплоть до 1960-х гг., когда была заменена на современную.

Изменение статуса улицы сделало ее более привлекательной, как теперь говорят, для потенциальных инвесторов и покупателей. Ярославское купечество, особенно имевшее большие доходы, активно начало скупать прежние дворянские усадьбы, в том числе и располагавшиеся на этой улице, с целью строительства или собственного жилья, или «доходных домов», для сдачи внаем. Одним из таких крупных приобретателей стал ярославский купец И. А. Вахромеев. В 1912 г. он выкупил у помещика Горяинова (который в то время активно «по стеснен-

ным обстоятельствам» продавал свою недвижимость в Ярославле, в том числе и здание акцизной управы (Волжская набережная, 49/1). Бывший деревянный дом был заменен на каменный. Кроме того, большие изменения были сделаны и в усадебных постройках, что придало усадьбе очень богатый вид. Так, по лицевой (красной линии) стороне улицы ее украсила каменная ограда, связавшая флигели и разбитый рядом парк. Только сравнительно недавно часть ограды со столбами ворот была разрушена для нужд «боевых коней» - личных автомобилей современных арендаторов данной усадьбы - военных.

На Стрелецкой улице продолжали функционировать в это время и питейные заведения. Это прежде всего ресторан «Пассаж» ярославского купца В. С. Егорова. В журнале заседаний ярославской городской думы за 1909 год сохранилась запись о том, что ему было разрешено «иметь трактирные заведения второго разряда с продажей крепких напитков на Стрелецкой улице в собственном доме». Он просуществовал вплоть до революции. В нем находилась и столовая «для интеллигентов и учащихся». И это было не случайно: доходные дома, расположенные по этой улице, арендовались под квартиры преподавателей различных учебных заведений Ярославля того времени - Демидовского юридического лицея, Учительского института, гимназии, семинарии, училищ и т. д. Поэтому и спрос на подобное жилье был устойчивым и постоянным. Здесь же находилось еще одно - очень модное заведение – «кухмистерская госпожи Сосновской». В нем, в отличие от трактиров, имелся столовый зал, гостиные с мягкой мебелью и даже особые помещения для танцев.

В 1916 году в Ярославле насчитывалось более 11 тыс. беженцев – русских, поляков, литовцев, латышей, евреев. Кроме того, здесь на излечении находилось свыше 2-х с половиной тысяч раненых и больных воинов. Сюда же можно добавить расквартированные в городе три полка. Всё это вместе создавало существенные проблемы в обеспечении населения города продовольствием.

В ресторане «Пассаж» была открыта одна из первых столовых для «интеллигентных беженцев, офицеров», а также

чиновников, артистов. При заказе обеда чай и кофе подавались здесь бесплатно.

Справочники начала XX века свидетельствуют, что аренда квартир в центре города стоила не дешево. Так, например, квартира из 2 комнат с кухней и прихожей обходилась в 180-240 рублей в год. Для сравнения: зарплата рабочих средней квалификации составляла 15-20 рублей в месяц.

События 1917 года внесли существенные изменения в мирный уклад жизни обитателей Стрелецкой улицы: в 1918-1919 гг. почти все здания изъяли у владельцев и приспособили под новые советские структуры, а жилые помещения были выделены для новых хозяев жизни - работников партийного, советского, хозяйственного аппарата, а также «уплотнены» для нужд жителей города - ярославцев, чье жилье пострадало во время антисоветского восстания в июле 1918 г., когда почти весь Ярославль был разрушен.

Одной из самых первых новых советских структур, оказавшихся на этой улице, был штаб Красной гвардии. Это вооруженное формирование пролетариата берет свое начало с лета 1917 г. как противовес городской милиции, учрежденной органами Временного правительства в Ярославле. Вначале это были просто вооруженные отряды рабочих для защиты Советов (параллельной, но не столь значимой власти в Ярославле до октября 1917 года), а затем, в начале ноября 1917 г., произошло их окончательное оформление как отрядов быстрого реагирования - Красной гвардии.

Первым по-настоящему серьезным испытанием для отрядов вооруженных рабочих стало знаменитое в истории советского Ярославля заседание в Доме народа (бывший губернаторский дом, современный художественный музей на Волжской набережной) Ярославского Совета по вопросу о власти. Участники этого заседания, члены партии эсеров, 27 октября, предполагая возможный «нажим» большевиков на присутствовавших, решили обезопасить себя приглашением собственных боевых дружин, появившихся, кстати, в Ярославле еще весной 1905 г. - намного раньше, чем в других регионах России, и сохранившихся вплоть до 1918 г. Но большевики, узнав об этом, стянули вокруг здания свои рабочие отряды, которые от-

теснили боевиков, и заняли места снаружи у окон здания с хорошо видимыми из-за плеч винтовками. Так и прошло голосование - естественно, в пользу резолюции большевиков - о немедленном переходе всей власти в руки Советов, уже ставших в то время в основном большевистскими.

Население города восприняло это как насильственный захват власти, а большевиков объявили узурпаторами: для того, чтобы заставить ярославцев, а особенно их средние и зажиточные слои, признать новую советскую власть, эти отряды, ставшие впоследствии Красной гвардией, использовались «на всю катушку». Первым комиссаром Красной гвардии был назначен рабочий пропагандист Корольков, который вскоре сумел увеличить ее состав до 200 человек. Поэтому прежде выделенных помещений в доме народа оказалось слишком мало, и срочно в декабре 1917 г. был реквизирован старинный особняк купца Лопатина. На Стрелецкой ул., д. 4, на первом этаже, размещалась канцелярия и склад оружия, на втором – кабинеты членов штаба Красной гвардии, 3 этаж отдали под общежитие «летучего отряда». В подвале находилась столовая. Большой красивый зал был постоянно занят проходившими там конференциями, собраниями, обсуждением различных вопросов.

За свою службу красногвардейцы получали плату с предприятий, поэтому, по воспоминаниям участников событий, приходилось преодолевать сопротивление фабрикантов, не желавших оплачивать еще и красногвардейцев. Москва помогла с вооружением отрядов, выделив 200 винтовок и 3000 патронов. Это дало возможность Красной гвардии стать главной опорой военно-революционного комитета в борьбе за упрочение советской власти в городе.

Вскоре решительные действия красногвардейцев привели к ликвидации Комитета спасения, созданного из членов бывших структур Временного правительства, упразднению старой городской милиции, созданной вместо полиции и взявшей на себя её функции.

Прапорщик 209 полка, дислоцированного в то время в Ярославле, Ф. М. Горбунов позднее стал руководителем Красной гвардии.

Оппозиционное к власти население города постоянно обвиняло Красную гвардию в превышении власти и незаконности действий, и это было вполне естественно, т. к. ни руководство, ни тем более сами красногвардейцы еще не разбирались в правовых вопросах и действовали прежде всего «в соответствии с революционной совестью и законностью», которая, впрочем, до конца еще не была оформлена. Поэтому часты были обвинения в незаконных обысках, когда часть изъятого «украшала» поклонниц и членов семей участников обыска. Широко практиковались застоля по различным поводам – по терминологии горожан, «пьяные кутежи». Не обходилось и без открытого насилия, грабежа. Это понимали даже солдаты местного гарнизона.

Особую роль Красная гвардия сыграла в деле реализации Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Начались преследования молящихся в храмах, стремившихся устроить «черносотенные заговоры», гонение на церковнослужителей.

Наибольшая активность Красной гвардии наблюдалась в марте-апреле 1918 г. Из-за резкого ухудшения жизни горожане, особенно рабочие, заявляли о своем недовольстве советской властью. В этих случаях Красная гвардия жестко подавляла любую торговлю, и особенно «черные рынки» (а где еще можно было купить продукты в условиях почти полного отсутствия их в распределителях продовольственной управы?). Постоянные обыски у частных торговцев нередко приводили к самоуправству.

Были «промахи» и посерьезнее: так, в марте 1918 года красногвардейцы провели обыски у рабочих ж/д мастерских станции Ярославль-Московский (начало современного Суздальского шоссе). Сами железнодорожники тут же бросили работу, побежали по своим квартирам спасать имущество и даже вооружились, захватив вагон с винтовками, стоявший в тупике на путях, для самозащиты.

Город был наводнен слухами о взяточничестве и казнокрадстве руководителей Красной гвардии, их пьяных кутежах и связях с дамами легкого поведения.

Решением ярославского комитета ВКП(б) от 2 мая 1918 г. Красная гвардия была расформирована и влилась в ряды Красной армии. Но это не всегда приводило к ожидаемым результатам. Рабочие, ранее записавшиеся в Красную гвардию - территориальную силовую структуру по охране местных объектов и наведению порядка внутри города, не всегда были готовы войти в состав регулярной Красной армии - силовую структуру, обязанную по приказу командования отправиться для выполнения задания в любое место, в том числе за пределы города, губернии и т. д.

Уже знакомый нам особняк Лопатина (Ушинского, 4) недолго оставался свободным после роспуска Красной гвардии. Вскоре его заняли новые советские структуры. Так, в справочнике по г. Ярославлю за 1928 г. указано, что в доме № 4 находились одновременно губернский комитет всероссийской коммунистической партии (большевиков) – Губком ВКП (б), городская контрольная комиссия ВКП (б), рабоче-крестьянская инспекция - РКИ (третий этаж), губисполком совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов, губернский комитет ВЛКСМ, первый горрайкомитет РКП (б) и т. д. Во втором доме, бывшем ресторане «Пассаж», располагался губернский коммунальный отдел.

Улица несколько потеряла свое значение как торговая. В то же время здесь оставались лечебные заведения, но весьма интимного характера.

Вплоть до конца 30-х годов партийные структуры располагались здесь, и только с постройкой нового здания обкома партии (молодежная поликлиника) они были переданы другим советским структурам – суду, администрации, военным.

В настоящее время улица Ушинского постепенно приобретает вид начала XX века. Здесь расположены самые различные торговые точки - от продажи продуктов питания до товаров массового потребления и услуг.

Трактир «Пассаж» на Стрелецкой улице (ныне ул. Ушинского). Фото 1904-1909 гг.

43. Ярославль. Стрелецкая улица.

Открытое письмо. Изд. В.М.Ябелова

Вид Стрелецкой улицы (ныне – ул. Ушинского) и бульвара.

Стрелецкая улица. Дом Лопатиных. Фото нач. XX века

Усадьба Вахрамеевых на Стрелецкой улице. Фото 1919 года

Аптека Моргана на Стрелецкой улице. Вид с Казанского бульвара. Фото 1910-х

Глава VIII Красный съезд

За Красной площадью, по направлению к Волжской набережной, находится Красный съезд (бывший Семеновский). Этот район города имеет очень древнюю историю, в которой отразились почти все события Ярославля за его тысячелетие.

Именно здесь, между двумя приволжскими оврагами, с самой древней истории нашего города постоянно находился перевоз через Волгу. Недалеко располагался Петропавловский монастырь (в районе современной Октябрьской площади) - один из древнейших на территории не только города, но и края. По словам некоторых историков, в частности В. Лествицина, именно монастырь положил начало Ярославлю, так как, по его мнению, на этом месте, а не на Стрелке, был основан наш город. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, которая однозначно «отвела» Стрелку для основания Ярославля, согласимся с тем, что Петропавловский монастырь был очень важным форпостом Ярославля, вошедшим в летописную историю не только города, но и всей Древней Руси. Достаточно вспомнить житие Никиты Столпника Переславского.

При этом перевозе и при дороге, соединявшей Петровский монастырь с другой, самой древней частью города – Стрелкой, игравшей в то время роль Кремля и административного центра, и начала застраиваться будущая слобода. Этот процесс продолжался и при первых ярославских князьях в начале XIII века, что привело впоследствии к формированию единого массива заселенной территории вокруг слобод Благовещенской и Петровской к западу от волжского берега.

С самого начала своего существования Благовещенская слобода являлась государевой и находилась в пригороде. По мнению В. Лествицина, Вознесенская церковь имела уже свои таможенные привилегии, как и Ильинская - современная Ильинско-Тихоновская, находящаяся у Волжской башни, и Петра и Павла, построенная на месте сожженного ордынцами Петровского монастыря и располагавшаяся у подошвы современного

Октябрьского моста. Со времени князя Ивана III, при котором завершилось объединение русских земель и освобождение от монголо-татарского ига, эта церковь получала из таможенных доходов по 5 рублей в год. Документы свидетельствуют, что и до этого князя церковь сама собирала такую же сумму пошлины с привозимых товаров – померного. По словам В. Лествицина, «право сохранилось от того времени, когда церквам принадлежали все те земли, на которые привозили товары торговцы».

Померное - пошлина, собираемая с вещей, продаваемых на меру. Ее собирали не с оценки товаров, а с их количества или меры. Сыпучие вещества - зерно, овощи (бочками) и другие съестные припасы.

В одном из документов XVI века читаем: «Со всякого жита: со ржи, с овса, с ячменя, и солоду и с канапель (конопляное зерно), и смаку, и со пшена, и с гороху, и с заспы (крупа), и с гречи, и с рыбы сухия, с мелкия, так же и со хмелю, и с воцин, и с орехов, и с чесноку, и с луку, и ягод клюквы, и с листу яблочного и с яблок». Кроме того, померное взималось и в товарной форме. В Древней Руси существовали и такие разновидности померного, как поплашное и покоречное. Поплашное брали с продажи досок, дров, бревен и др. деревянных товаров, называемых плахами. Её размер составлял с воза и с телеги по плахе. Покоречное взималось с продажи зернового хлеба. Его величина была «с воза по корцу» (корец – небольшой сосуд в форме чаши с ручкой, который и дал название пошлине).

Перевоз через Волгу в зависимости от времени года стоил по-разному. По «Вешний Николин день» и с Покрова до заморозков с иногородней телеги брали по 10 денег (2 деньги - одна копейка), а с тутошних и уездных (жителей ближайшей округи) - по 6 денег; с порожней телеги - по 4 деньги, с пешехода - 2 деньги, с верхового - 3 деньги. В летнее время с телеги взимали по 6 денег, с тутошних и уездных людей - 3, с верхового 2, с пешехода - 1».

Ростовский краевед А.Я. Артынов считал величину пошлины даже в 2 векши (1 деньга) обременительной для торгового человека. Его оппонент Н.Я. Аристов полагал, что частные пошлины незначительны: заплатить, например, с лодки алтын (3 копейки) для хозяина ничего не стоило. Правда, он тут же до-

бавлял: «Но если принять в соображение, что таких мест, где взималась пошлина, надо было проехать много по области, заплатить за проезд через мосты или дороги или за приставание к берегу, за явку товаров, померное и весчее (взимавшееся с весу) и т. д., то всего должно было собратся немало».

Археологические изыскания показывают, что Ярославль был в основном деревянным. В XIII веке все еще сохранялись полуземлянки. Уже в XIV веке все дома стали срубными, наземными. В городе даже образовалась Срубная слобода, ее жители специализировались на сборах срубов, сплавляемых по Волге. Эти перемены говорят о благосостоянии жителей. Начало этого было положено еще с правлением Федора Черного (1260-1299 гг., сторонника сотрудничества с Ордой).

Жилые и хозяйственные постройки возводились из бревен средних размеров, основным материалом была сосна, реже - ель. Другие породы употреблялись для вспомогательных служб. Постройки представляли собой одну или несколько клеток. Это было характерно и для деревянных церквей, и для крупных зданий. Дерево настилалось на пол, из досок изготавливались двери. Для крыш использовали тес и дранку. Фигурные крыши крыли лемехом - небольшими колотыми дощечками или дранкой.

Основным инструментом был топор. Небольшие пилы были уже известны, но применялись мало. Топором рубили бревна, обтесывали доски, драли дранку, кололи дощечки для лемеха и т.д. Слободские сами умели обращаться с топором.

Потолки имелись только в богатых домах. В рядовых жилищах потолочного настила (подволоки) могло и не быть. Окна делались маленькие, волоковые - для сохранения тепла. Зимой они затягивались высушенным полупрозрачным бычьим пузырем, пропускавшим тусклый свет, на ночь закрывались волоковой доской.

Обязательным элементом была печь. Дома, топившиеся по-черному, имели центральное дымовое окно. В это время формируется русская печь в виде куба. Отверстие ее топки одновременно служило для выхода дыма. Это улучшало ее тепловые качества и уменьшало опасность пожара - искры частично

гасил свод печи. Потом стали появляться печи с плоским верхом, с топкой - дымоходом.

Во временных жилищах и банях дома отапливались по-черному. Дым попадал в избу при топке и выходил через дымовые окна, двери, щели. В XVI веке появляются деревянные дымоходы. Они только вытягивали дым из избы.

Позднее, в правление Елены Глинской - матери Ивана IV Грозного, после ярославского пожара 1536 г. московское правительство существенно обновило, а иногда и строило заново оборонительные сооружения в Ярославле. В северо-западной части города как наименее защищенной в то время был насыпан земляной вал и выкопан глубокий ров, часть которого выполнял и Семеновский съезд. Это имело важное стратегическое и политическое значение, т. к. город стал оплотом царской власти.

Благовещенская слобода была одной из ловецких слобод Ярославля. В городе шла активная торговля рыбой и икрой. Кроме того, ловецкие слободы поставляли много разнообразной рыбы, которая затем отправлялась в Москву. Именно для промысла особо ценных рыб и содержались ловецкие крестьяне. Находясь на оброке, они подчинялись дворцовому ведомству и должны были обеспечивать рыбой великокняжеский, а затем и царский стол.

Рыбный торг всегда оставался важной статьёй экономики Ярославля. В своих записках иностранные путешественники особо отмечали, что «этот город примечателен своей рыбной ловлей». «Промышленники (т.е. люди, занимавшиеся этим промыслом) часто выбирали из этой рыбы лишь икру, не дорожа самой рыбой ввиду ее дешевизны по сравнению с икрой». «Но что удивительно, никто не решается есть мясо этой большой рыбы, вроде испанской лососины (осетрины); ее ловят только чтоб извлекать икру». На торгах продавалось не менее 30 наименований промысловой рыбы. Для засолки требовалось много соли, которая добывалась сравнительно недалеко в Ростове, Переяславле, Солигаличе, Больших Солях.

Сами ловецкие крестьяне составляли особую группу в составе служивых людей по прибору (лица, связанные с военно-гарнизонной службой, - стрельцы, пушкари, а также ямщики, несшие почтовую службу, лица, обслуживающие городское хо-

зьяйство - записные ремесленники). Ярославские рыбные ловцы были по преимуществу происхождением из потомков посадских людей. Часть из них вышла из посадской общины «для легости» (т.е. облегчения налогового бремени).

В 1620 г. последовал царский указ, передавший ловецких крестьян в посад Ярославля. Их положение стало двойственным: наряду с выполнением тягловых повинностей, как и все посадские, они по-прежнему обслуживали государево хозяйство и продолжали выплачивать в приказ Большого двorca рыбу на три срока: осетров - 40, севрюг - 20, белорыбиц - 70, стерляди - 300 шт. Но полного слияния посадских людей с ловецкими так и не произошло.

Деревянный Ярославль, как и многие города Древней Руси, очень часто горел. С XVII в. начинается активная борьба за улучшение противопожарной обстановки силами самих московских властей. Царские указы и грамоты направляются городским воеводам с жестким требованием о соблюдении мер противопожарной безопасности. «По нашему указу (1651 г.) в городе на улицах и по переулкам, и на посаде и в слободах, объезжие головы ездили бы в день и в ночь беспрестанно и берегли от огня и всякого воровства... И ныне нам ведомо, что в городе и за городом в слободах в нынешние в летние в жаркие дни всякие люди топят избы и мыльни беспрестанно, а ты (воевода) того не остерегаешь, и объезжие головы у тебя не расписаны и живешь оплошно... Тебе срочно расписать объезжих голов, а с ними стрельцов и пушкарей, поскольку человек пригоже, а велеть им ездить в городе и на посаде по улицам и переулкам в день и ночь, беспрестанно и бирючем (вестникам) велеть кликать беспрестанно по многие дни, чтоб в городе и на посаде в нынешние жаркие дни никакие люди избы и мылен не топили, и с огнем по ночам не сидели, а есть бы варили и хлебы пекли в поварнях на огородах в печах, чтобы не было близко хором, а печи в поварнях и на огородах делать в земле и от ветру велеть печи огораживать гораздо (надежно), и велеть всяким людям хлебы печь и есть варить с утра, а во весь день и до вечера и ночью однолично никто есть не варит и хлебы не печет».

Указы русских царей, направленные на принятие мер по борьбе с пожарами, носили постоянный характер, что свиде-

тельствует о важности соблюдения противопожарных мер и личного внимания государей к этим вопросам.

Но, несмотря на это, уже через 7 лет, в 1658 г., случился пожар, известный в летописях под названием Великого, который истребил весь город. Начался он именно в Благовещенской слободе (на берегу Волги). Сильный ветер быстро распространил огонь на окрестные строения, «злойной огненной рекой разлился по всему пространству Земляного города, истребляя на своем пути здания, как-то: приходские церкви, монастыри, деревянную городскую стену, обывательские дома, торговые ряды и лавки. Не уцелел от огня огражденный высокой каменной стеной Спасский монастырь. В нем сгорели все деревянные здания и обгорели каменные, а также кровли и главы церквей. Потом от сильной бури и вихря пламя слилось над городом в одну целую массу и, принявши обратное направление, устремилось на малый, или Рубленный город (Стрелка), и истребило в нем все здания. Пожар продолжался двое суток и опустошил не только Земляной и Рубленный города, но и лежащие за валом предместья и слободы, даже сгорела находящаяся за рекой Которослью Тропинская слобода. Одним словом, бедствие было ужасное, какого никогда не было». Страшно было смотреть, пишут современники, с какою яростью пламя, подобно огненному змею, носилось над городом и пожирало все сгорающее. В это время, кроме церквей, монастырей и торговых рядов, сгорело 1480 домов и много людей, не говоря уже об имуществе и товарах.

Во время таких пожаров самым безопасным местом становилась река. В межень (середина лета) и Волга, и Которосль существенно мелели. Спасая самое дорогое для себя - детей, иконы, другие ценности, - заходили в реку и только там находили спасение от огня.

Часть пожаров (например, в апреле-мае 1609 г.) началась, возможно, «по инициативе» самих жителей слобод и пригородных селений. Перед намного превосходящими силами противника (а в 1609 г. это были польские интервенты, стремившиеся захватить Ярославль, освобожденный незадолго до этого ополчением Никиты Вышеславцева) они сами сжигали свои дома и постройки с тем, чтобы не дать возможности противнику воспользоваться их кровом и имуществом. После этого погорельцы

уходили «на сидение» за крепостные стены городов или каменные ограды монастырей, вливаясь в число активных защитников города.

Некоторые пожары случались «по заказу» или с целью скрыть недостатки и особенно часто поэтому происходили в торговых рядах.

Пожары оставались бедствием для Ярославля и в XVIII веке. Набат почти ежедневно, особенно летом, раздавался на колокольнях, призывая граждан к тушению пожаров. Как и прежде, их причинами были и «от злых людей», и «по воле Божеской», и от неосторожного обращения с огнем, хотя эта «неосторожность» влекла за собой, как минимум, наказание плетью. По данным Н.Л. Трефолева, в журналах городского магистрата за 1759 г. значилось, что был «жестоко истязан» по распоряжению Сысского приказа посадский Василий Дудов, учинивший пожар.

Не миновал «пожарного бедствия» и живший тогда в ссылке в Ярославле неподалеку от Благовещенской слободы опальный герцог Э. Бирон. «Спаление» его палат 11 мая 1760 г. вызвало со стороны ярославских властей очень жесткие, даже беспрецедентные распоряжения. Во-первых, полиция запечатала все печи во всем городе. Во-вторых, обязала домохозяев иметь дневную и ночную стражи, которые «примечали бы всяких чинов и людей, а паче из подлых (низших сословий), сумнительных по образу жизни нищих и ханжей, кои по улицам будут шататься поздно; не окажется при оных к пожарному случаю каких-либо сумнительных орудиев». Реализация первого пункта, что было вполне естественным, вызвала ропот негодования ярославцев. В ответ на недовольство горожан собравшийся 14 июня магистрат отметил, что «генерально (повсеместно) во всех домах печи запечатаны». Было разрешено топить печи, но «не без стеснения» и только два раза в неделю, назначив для этого и дни - понедельник и субботу. Кроме того, были подтверждены, по замечанию Л.Н. Трефолева, опасения, высказанные полицией относительно «сумнительных людей». По словам Леонида Николаевича, бездомных нищих было в Ярославле великое множество, а ханжей-пилигримов еще больше. Эти тунеядцы традиционно представляли собой пожароопасную силу, так как могли

поджигать с корыстной целью - ради поживы при общей суматохе.

С давних пор на Руси существовала традиция призрения неимущих. При церквях открывались богадельни, где за счет пожертвований прихожан содержались оставшиеся без попечения больные, сирые и убогие. Известно, что уже в конце XVII века при церкви Благовещения, как и при других храмах Ярославля, существовало подобного рода учреждение. Порядок содержания в нем был следующий. Прежде всего, жившие здесь получали статус нищих. Среди содержавшихся там людей, как правило, женщин было всегда больше.

Одним из источников пополнения этой категории людей были пожары, в результате которых гибли их родные и близкие, терялось все имущество. Среди призреваемых находились солдаты и солдатки, дворяне, бывшие церковно- и священнослужители, посадские дворовые крестьяне. Призреваемые в этой богадельне, как и в других, пользовались только помещением. Само же пропитание должны были добывать каждый самостоятельно. Это называлось «жить именем Христа» - а попросту вымаливанием милостыни.

Богадельня находилась в ведении местного причта (лица, обслуживающие церковь и отправляющие церковные требы). При этом староста богадельни выбирался самими нищими из своей среды и отвечал за внутренний распорядок. Призреваемые образовывали своего рода общину.

Главным местом для сбора подаяний были церкви прихода. В то же время не возбранялось ходить и по другим церквям, особенно в местные праздники. Другими важными событиями в жизни обывателей были венчания, крещения, отпевания, обещавшие значительное стечение прихожан, а поэтому и больший объем подаяний.

Таким образом, толпы нищих ходили по Ярославлю, приставая к прихожанам с просьбой о подаянии. Все эти люди, желающие несколько скрасить свое бытие, постоянно толкались на площадях, на перекрестках улиц, у храмов.

Современники отмечали, что «можно было видеть и слышать разные некрасивые сцены при дележе добытого - по ес-

тественному нетерпению их - и на папертях храмов (что, кстати, и теперь можно наблюдать), к соблазну богомольцев».

Во избежание подобных сцен еще Петр I 20 февраля 1712 года очень жестко указал ярославскому коменданту Стефану Коровину «во избежание шума и вообще неблагопристойного за службой церковною поведения, назначить к усмотрению людей добрых у всякой церкви и смотреть им крепко, взимая неоплошно штрафы с говорящего по рублю».

Но, в отличие от других, столь же жестких распоряжений Петра I, эта мера не достигла своей цели, так как необходимо было кроме крова, крыши над головой, дать этим обездоленным людям и пищу. Эта проблема была решена лишь в конце XVIII века при губернаторстве А.П. Мельгунова. Вновь устроенные богадельни имели уже все необходимое для жизни и быта призреваемых - и кров, и одежду, и пищу. Осуществлялось это за счет разных источников: Синода местной епархии и средств жертвователей.

Кстати, иногда причиной пожаров являлись и нищие, в том числе призреваемые. Сами современники неоднократно отмечали, что нищие, «находя для себя пожарные случаи выгодными - в смысле наживы при общем переполохе, - частенько производили «запаления». И дополняли: «Напрасно заплечных дел мастера показывали свое искусство на их спинах: самое жизнь для этой бездомной массы считалась за ничто в сравнении с наживой».

Благовещенская слобода как слобода приречная, то есть располагавшаяся на берегу реки, испытывала на себе и такое явление, как набеги речных разбойников. Волжский разбой, зародившийся еще со времен Великого Волжского торгового пути из «варяг в арабы», начинался как «ушкуйный промысел». Ушкуйниками называли речных разбойников, в том числе и из местных жителей (вспомним, например, легенду об основании Ярославля, когда князь Ярослав вынужден был заступиться за купцов, подвергшихся нападению жителей Медвежьего Угла). Позднее те из ушкуйников, кто так и не подчинился закону и продолжал грабить, стали прозываться просто речными разбойниками, из которых, кстати, вышли и многие герои народного эпоса, например, Ермак.

Ярославль как крупный торговый и ремесленный центр, имевший большое количество приречных слобод, всегда был лакомой приманкой для лиц подобного промысла. Так, имеются данные, что уже в XVIII веке по Волге разгуливали «лихие люди, наводя страх на людей мирных». Ярославский краевед Л. Н. Трефолев, активно работающий с документами XVIII века, в том числе с журналами городского магистрата, приводит данные о том, что в 1756 г. вышел специальный сенатский указ, где «давалось знать магистрату для принятия должных мер, что число воровских партий на Волге постоянно увеличивается; разбойники грабят и разбивают суда и до смерти людей бьют, и не только партикулярных (гражданских или статских), но и казенные деньги отбираются, и с пушками, и с прочим немалым огненным оружием ездят». Все Поволжье для охраны от разбойников даже было разделено на участки. Так, в частности, участком от Твери до Кинешмы заведовал особый, живший в Ярославле офицер. В 1759 году он, например, извещал городской магистрат о разъезжавшей в лодках около Ярославля шайке разбойников. Ярославский воевода в ответ на это донесение немедленно потребовал «прилежно присматривать и ловить эту шайку», о которой писали так: «а будет их человек 30 и больше». В статьях Л.М. Трефолев приводит немало случаев грабежа этой шайкой прибрежных церквей и частных домов с признаками разбоя даже в самом Ярославле.

По сведениям, собранным современными исследователями, «разбойничество» на Волге даже в XVIII веке представляло собой серьезную проблему, особенно между Тверью и Новгородом. Она беспокоила не только ярославские, но и костромские губернские власти. Так, например, уже на рубеже XVIII-XIX веков костромской губернатор Н.И. Кочетов организовал рейд лейтенанта Сорохтина с командой из 17 человек «на вооруженном одною пушкою и четырьмя фузиями (вид тяжелого пехотного ружья) гордкоуте (тип судна)», которому поставлена была задача поймать разбойников, нападавших на казенные и частные суда между Нижним Новгородом и Ярославлем.

Жители Благовещенской слободы постоянно восстанавливали после очередного пожара свой храм, но делали это в обычном, деревянном, исполнении. Так было после пожаров

1658 г. и 1670 г. Наконец, в 1688 году был построен каменный холодный (летний) храм на месте сгоревшего деревянного. Он стал ярким образчиком «упрощенного ярославского стиля» – без подклета и трапезной, с одним западным крылом галереи. Он получил лишь один придел: в честь особо почитаемого на Ярославской земле царевича Димитрия, последнего, младшего сына Ивана IV, погибшего при так и не выясненных до настоящего времени обстоятельствах 15 мая 1591г. в Угличе.

Весьма интересен и тот факт, что сам храм расписывали местные мастера - жители Благовещенской слободы Федор и Иван Игнатьевы. Известно, что до 1678 г. Иван Игнатьев числился крепостным человеком Ивана Кемского и был «от него отпущен жить в Ярославль в посад».

В 1745 г. за счет сил и средств прихожан был возведен и теплый храм этого прихода - во имя Вознесения Господня. Примечательно, что более 250 лет - с конца XVII по начало XX века - прихожанами Благовещенского храма были ярославские торговые люди Вахрамеевы. Именно отсюда и начался разросшийся впоследствии этот знаменитый не только в Ярославле купеческий род. С его представителями связаны страницы истории многих ярославских храмов, церковных хоров, промышленных предприятий города. Как меценаты и попечители, они много сделали для благоустройства церквей города. Расселившись впоследствии по всему Ярославлю, на протяжении многих лет они являлись самыми заботливыми прихожанами Благовещенского храма. Так, в 1867 г. на средства А.И.Вахрамеева была перестроена трапезная теплого Вознесенского храма, возведена вторая колокольня прихода по проекту губернского архитектора А.М. Достоевского - брата известного писателя. В 1873 г. на его же средства был расписан интерьер храма, который впоследствии, в 1894 г., был подновлен К.Д. Дербеневым. Другой попечитель этого прихода, М.И.Вахрамеев, в 1885 г. украсил теплую Вознесенскую церковь богатой церковной утварью. В 1804 г. церковным старостой Благовещенской церкви был Елий Федорович Вахрамеев, правда, вскоре призванный в ряды армии на восточный фронт. Говоря о дальнейшей судьбе храмов, с сожалением можно отметить, что в 1929 г. была снесена колокольня холодного Благовещенского храма, а в 1930 г. и саму эту цер-

ковь закрыли. В течение длительного времени в этом холодном храме размещались фонды Государственного архива Ярославской области. В 1991 г. теплая Вознесенская церковь была передана Русской Православной церкви. Холодная Благовещенская церковь в настоящее время открыта для богослужений.

Во второй половине XVIII века бывшая Благовещенская слобода, как, впрочем, и сам Ярославль, сохраняла основные черты средневековых русских городов: живописные по внешнему виду, но тесные и скученные, с кривыми улицами и переулками, перемежавшиеся пустырями, огородами и сараями. Не существовало и какого-либо намека на благоустройство. Вперемешку с жилой застройкой различные промышленные заведения загрязняли воздух.

Прежде всего, это касалось пригородных слобод и Благовещенской в частности. До этого времени главная улица слободы являлась как бы диагональю существующего в настоящее время квартала, ограниченного Волжской набережной, Красным съездом, улицей Терешковой и Флотским спуском. Она начиналась на углу современного Красного съезда и улицы Терешковой и выходила к Речному вокзалу в районе Флотского спуска. От нее в разные стороны расходились переулки и проулки – к Петропавловской улице и берегу Волги, которые начинались от храмов прихода, образуя тем самым небольшую площадь. Новый план предусматривал четкую квартальную застройку, основные элементы которой сохранились и до наших дней. Главная же улица - Благовещенская – стала делить почти поровну этот квартал.

Все это самым непосредственным образом касалось и Благовещенской слободы. На ее территории «пробивалась» новая (Благовещенская) улица, начинавшаяся от Семеновской площади (названной так по одноименной церкви Семена Столпника), а также бывшей проездной башни Земляного города и проходившая близ церкви Благовещения к берегу Волги. Именно в это время и появляется новая улица – Семеновский (Красный) съезд.

По одному из этих образцовых планов и был построен недалеко от Волжской набережной дом Кудасова (Красный съезд, 4а). Этот дом имеет центральную повышенную часть с

мезонином, богатые лепные украшения. Все это отвечало тем требованиям, которые возводили на «регулярных» улицах, особенно близ столь важного объекта, каким была в то время Волжская набережная. Этим же стилевым характеристикам отвечает и дом № 6 по Красному съезду - двухэтажный, с мезонином, выполненный также по образцовому проекту.

Обустройство Семеновского съезда было частью работ, проводившихся при ярославском ярославском губернаторе А. М. Безобразове. В это время и начинается «регулярная» застройка улицы Семеновский съезд. При этом необходимо иметь в виду, что в начале XIX века в Российской империи продолжался процесс усиления централизации и государственного влияния на городское строительство. Поэтому проекты всех без исключения значительных зданий и сооружений должны были обязательно присылаться в столицу для их утверждения непосредственно императором. Возникла острая потребность в разработке новых, образцовых, проектов. Поэтому в 1803 году архитектор А. Д. Захаров выполнил образцовые фасады домов и других построек (всего 12). Но этого оказалось, естественно, недостаточно. Поэтому в 1809–1812 годах строительным комитетом Санкт-Петербурга была разработана большая серия - более 250 образцов, которые были выпущены в виде «Собрания фасадов для частных строений в городах Российской империи». Их авторами были известные в то время архитекторы В. И. Гесте, Л. И. Руска, В. П. Стасов. Эти проекты являлись обязательными для использования во всех губерниях. Дома этой серии образцовых проектов были самыми различными: от простых одноэтажных домиков в 3-5 окон до 3-этажных особняков с колоннадами в стиле строгого классицизма.

Во второй половине XIX века Семеновский откос (именно так он именовался в справочной литературе того времени) продолжал активно застраиваться. Календари Ярославской губернии за 70-е гг. XIX века дают представление о словной принадлежности лиц, имевших здесь свои дома. В частности, при описании домовладений за 1875-1877 гг. по улице Семеновский откос, располагавшейся от Семеновской площади (современная Красная площадь) к реке Волге, находились вла-

дения купцов Николая Березина, купеческого сына Александра Вахрамеева, Алексея Иосафовича Гнужева, Алексея Евграфовича Гнужева, Ивана Семеновича Кутырева.

В 1883 году А. И. Вахрамеев построил очередной особняк на Семеновском откосе. Это дом № 8 по современному Красному съезду, построенный в столь популярном для конца XIX века русском стиле. Вплоть до событий 1917 года здесь находилась Дирекция народных училищ, а при ней один из семи дореволюционных музеев Ярославля - педагогический. Кроме него, активно функционировали исторический музей, древлехранилище, ризница Спасского монастыря, торгово-промышленный музей, полицейский музей, сельскохозяйственный склад уездного земства (выполнявший также и функцию музея).

Педагогический музей выделялся богатой коллекцией экспонатов: более 1600 картин по различным предметам школьного цикла, модели, таблицы, атласы и контурные карты. При нем была обширная педагогическая библиотека учебных пособий, руководств и методик, всевозможные наглядные справочные материалы, показывающие положение школьного дела в губернии. В постоянно обновлявшейся экспозиции музея были широко представлены работы учащихся различных типов школ и ведомств. Музей был также известен своими тематическими вечерами и концертами. В начале века здесь регулярно устраивались выставки ученических работ, которые являлись, по выражению современников, «злойбой дня» и были весьма популярны как в Ярославле, так и в губернии. Своими публикациями о выставке откликались как местные, так и столичные средства массовой информации. Московская газета «Русские ведомости» писала: «Работы учащихся на выставке Ярославского педагогического музея весьма интересны. Здесь и художественная лепка из глины, и геометрические фигуры, и коллекции по минералогии, технологии, химии, ботанике, зоологии, анатомии, коллекции по разным производствам: мукомольному, спичечному, табачному, маслособойному, стеариновому и т.д. и громадный набор приборов для физических опытов. Выставка, безусловно, интересная и показывает, что в жизнь нашей школы ворвалась свежая бодрящая струя». Об-

щим итогом подобных выставок было то, что «ученика теперь заставляют не столько заучить (от сих до сих), сколько понять». Представляет интерес публикация общероссийского журнала «Русская школа»: «... до сих пор ни одна русская выставка не отличалась таким богатым и разнообразным выбором экспонатов, характеризующих различные стороны народного образования. В этом отношении ярославская выставка стоит выше не только разных областных (региональных), но и все-российской выставки 1896 года».

В 1820–30 гг. в связи с обустройством Волжской набережной были приведены в порядок Семеновский и Воздвиженский спуски Волги, а над ними были устроены мосты-виадуки по типовым образцовым проектам того времени.

Всегда было принято считать мост-виадук над бывшим Семеновским спуском более интересным по своей архитектуре. Воздвигли его в 1820 году в строго классическом стиле. Его мощные пилоны, поддерживающие три арочных свода, оформлены парными колоннами. Мост огражден парапетом с чугунной решеткой. Но в 50-е годы XIX века боковые арки моста, упиравшиеся в склоны оврага, были заложены, и там в угоду гуляющей по набережной публике, а также прибывающим и убывающим пассажирам были устроены торговые лавки. Первоначально мост был построен на деревянных фермах. Затем, в 1906 году, реконструирован по проекту специалистов Девальцевского механического завода. В 1913 году мост был реконструирован по проекту губернского архитектора Н. Ю. Лермонтова, в результате чего был восстановлен его первоначальный вид, а торговые места ликвидированы. Что касается располагающегося рядом Флотского спуска (бывший Воздвиженский съезд), то он также был построен в 20-х годах XIX века в связи с обустройством набережной. Он менее торжественен, так как располагался над так называемым «рабочим спуском». В связи с тем, что первоначально его конструкции были деревянными, а потому недолговечными, в 1911 году он был перестроен московским товариществом «Инженер-строитель». В результате этого три средних пролета моста были заменены одним, который в полтора раза увеличил общую ширину проезда.

В 1900 году в Ярославле было открыто трамвайное движение. Самая первая ветка соединила Московский вокзал с рекой Волгой. Логично было бы предположить, что Семеновский спуск был бы естественным местом для прокладки прямой трамвайной линии, тем более что проходила она по Стрелецкой улице (современная улица Ушинского), но, как уже говорилось, Семеновский спуск был парадным, а потому не очень широким, в то время как Воздвиженский был «рабочей лошадкой». Именно поэтому и было принято решение пустить трамвайную линию по Голубятной улице (современная улица Терешковой), а затем по Воздвиженскому спуску. При этом линия была устроена так, чтобы трамваи подходили к самому урезу воды, и сделано это было отнюдь не для удобства пассажиров, которые могли без особого труда проделать пешком путь длиной в несколько десятков метров. Главным здесь было облегчить перевалку грузов от пристаней до мест потребления: фабрик, заводов, торговых заведений и т. д. В то время трамвай изначально задумывался не как чисто пассажирский, но и как грузопассажирский транспорт. При этом перевозка грузов, которая осуществлялась в вечернее и ночное время, в ряде случаев была на первом месте. Поэтому все трамвайные линии имели обязательное ответвление к грузовым дворам железной дороги, фабрикам, заводам (ветки Ярославской Большой мануфактуры, Московского вокзала, станции Всполье и т. д.). Поэтому неудивительно, что приезжавший весной 1913 года в Ярославль император Николай II был торжественно встречен именно у пристани Семеновского спуска, которая являлась парадной и, кроме того, специально была обустроена по этому случаю.

Революционные события 1917 года существенно изменили социальный состав населения Семеновского спуска. В 1918 году жилые помещения были изъяты у бывших владельцев и национализированы. Большая их часть была отдана под жилье, так как в это время наблюдался острейший жилищный кризис в Ярославле. Он был связан с потерей большей части жилого фонда в связи с разрушениями, произведенными «красной» артиллерией во время антисоветского восстания в июле 1918 года. Однако часть помещений сохраняла свой прежний общественный статус. Так, по данным справочника по городу

Ярославлю на 1928 год, в доме № 6 (дом Кудасова – конец 18 века, в 1875 году – Гнуздева, значительно перестроенный) располагалась губернская бактериологическая лаборатория, руководила которой доктор Е. Д. Сажина. Здесь же указывалось, что в доме № 8 (бывший дом А. И. Вахрамеева) располагалась детская больница, во главе которой стоял доктор Попочинский. В дальнейшем в связи с перемещением этих учреждений в другие здания здесь по-прежнему располагались лечебные учреждения. В справочно-адресной книге «Весь Ярославль» 1940 года издания, в частности, говорится, что в доме № 8 расположена центральная областная стоматологическая лаборатория. В этом же доме, судя по справочнику, располагалась и детская консультация Кировского района. Кстати, оба этих учреждения имели один и тот же телефонный номер –1-79, но для зубной лаборатории надо было сделать один звонок, а для консультации – два.

Современное название - Красный съезд - было присвоено улице в сентябре 1924 года. В настоящее время ввиду возросшей значимости и ценности домов центральной части города часть помещений, особенно нижних этажей, на Красном спуске арендуется коммерческими структурами, что было нехарактерно в дореволюционный период.

Ярославль.

Семеновский спускъ къ р. Волгѣ.

Семеновский (Красный) съезд. Фото 1904-1909 гг.

Семеновский мост. Фото 1900-х гг.

Ярославль.

IX.

Семеновский мост и пристани. Фото нач. XX века

Церковь Благовещения. Фото нач. XX века

Улица Голубятная (ныне ул. Терешковой). В центре в перспективе церковь Петра и Павла. Открытка начала XX века

Воздвиженский спуск. Фото кон. XIX века

Перестройка Воздвиженского моста. Фото 1900-х гг.

Трамвай у волжских пристаней. Фото нач. XX века

Глава IX Площади Ярославля

Красная площадь

Свое название – Семеновская – площадь получила по одноименной церкви, впервые упоминающейся в 1630-м году. После пожара 3 мая 1711 года по челобитной «приходских людей» и благословению епископа Ростовского и Ярославского Досифея был построен новый деревянный храм. Позднее, в 1723 году, на его месте возвели каменный храм Семеновского прихода и летний – во имя Симеона Столпника с приделом Дм. Ростовского — самого почитаемого святого в нашем крае. В 1738 году был освящен теплый храм этого прихода – церковь Введения Богоматери с приделом священномученика Харлампия (построен в 1756 году).

Церкви прихода отличались богатством церковной утвари, которое в немалой степени пополнялось за счет «обилия усердия к храму купца Сорокина», владевшего несколькими предприятиями в Ярославле, в том числе и свинцово-белильными.

Октябрьский переворот знаменовал собою не только разрушение старого мира, но и изменения названий городских площадей и их доминант. По инициативе новых властей на страницах местной печати всё чаще появлялись призывы «очистить» улицы города от «Варвар – великомучениц и Симеонов – Столпников», которые мешали превращению Ярославля из епархиально-купеческой колыбели в подлинно социалистический город.

В советский период — в 1932 году — городские власти «ликвидировали» имущество церкви, а сам храм в 1933 году был снесен как «не вписавшийся» в образ нового социалистического города. В это время все старое (особенно культовые здания и сооружения) воспринималось как досадная помеха новому творческому самовыражению советских архитекторов. В 1934 году архитекторы М.П. Парусников и И.Н. Соболев «вписали» новое «здание с аркой», первоначально проектировавшееся как гостиница, в разнохарактерную и разностильную застройку, сделав

дом выразительным акцентом Красной площади. По проекту во внутреннем дворе предполагался сквер с фонтаном и водоемом. Такой же фонтан с водоемом собирались установить и перед домом на площади.

В связи с активным строительством новых фабрик и заводов в Ярославле и крайней нуждой в жилье «специалистов» и «командиров» строек социализма первоначальный проект был изменён и вместо гостиницы был построен жилой дом.

Первый этаж планировался под магазины, парикмахерскую, домоуправление и квартиру для дворника. Сами квартиры в доме были спроектированы по последнему слову домостроительной архитектуры — сквозное проветривание, встроенное оборудование и большие по площади изолированные комнаты и вспомогательные помещения: кухня, туалет, ванная, кладовые, холлы, балконы. В 1935 году дом был заселен и прозван в народе «генеральским» за свою представительность и по социально-должностному положению своих первых жильцов.

Новый, торжественно-парадный образ Красной площади и в Ярославле создавался с характерным для эпохи первых пятилеток размахом. Однако при всей своей помпезности «дом с аркой» наглядно демонстрирует принципы коллективизма и равенства трудящихся в Советском Союзе. А сам открытый двор-колодец, величиной с целый квартал, плавно переходит в большую площадь.

В 1939 году в благоустроенном сквере перед домом был установлен памятник В. И. Ленину (скульптор В. В. Козлов, архитектор С. В. Капачинский), который, по мнению многих архитекторов, дополнил градостроительный ансамбль площади и стал одним из «лучших примеров синтеза монументальной скульптуры и архитектуры». Бронзовая фигура вождя пролетарской революции высотой 4,5 метра на 8-метровом гранитном постаменте подчеркивает арку и придает зданию своеобразие.

На западной стороне площади в 1820 году были сооружены пожарное депо и каланча — самая высокая постройка в Ярославле того времени. Рядом находился огороженный зеленью учебный плац. В 1880-х годах в составе пожарных был и знаменитый журналист конца XIX-начала XX века В. Гиляровский. Во время одного из пожаров он, рискуя жиз-

нию, за счет своей огромной физической силы спас своего непосредственного начальника от неминуемой гибели. Местные газеты так писали о действиях пожарной дружины: «Дозорный на каланче в системе оповещения оставался единственным и основным средством связи. Завидев «объект возгорания», вышкой сообщал категорию пожара, его район и направление движения пожарного обоза. Раздавались тревожные удары пожарного колокола, затем звучала команда готовности: «Трубный ход есть!». Брандмейстер в ответ подавал команду: «Открывай!» — и горнист играл выезд». Впереди ехал вестовой верхом на лошади и трубил в рожок, прокладывая дорогу пожарному обозу, а ночью освещал путь факелом.

К 1908 году «колонна заметно наклонилась в сторону и, имея большую плоскость для ветра (4-гранная) и от времени разошедшаяся и расшатанная, почему представляет опасность для караульных и близ стоящих лиц и должна быть заменена новой». Новая каланча — каменная — была построена в 1911 году по проекту архитектора Г. В. Саренко — опытного и талантливое архитектора, сторонника новаторского направления в архитектуре (в числе его проектов — гостиница «Бристоль» — ул. Кирова, 10/25 и др.).

Ярославские пожарные находили выход в самых сложных ситуациях. Так, например, в 1922 году в связи с отсутствием автомобильной техники они полностью восстановили найденные на автомобильной свалке старинные «рено» и «уайт» и приспособили их под пожарные автомобили для доставки ручного насоса и цистерны с водой. Кстати, и сегодня ярославские пожарные являются одними из лучших в системе МЧС РФ как по специальной подготовке, так и по оснащению техникой.

Прошлое ярославских пожарных представляет для нас определенный интерес, особенно в плане их поддержки населением. В 1898 году в Ярославле было создано Вольно-пожарное общество. Местная печать отмечала, что «городская общественность обращает внимание на то, какие бедствия терпит население и город в результате такой стихии, как пожары, справиться с которыми городская пожарная команда не в силах». Уже к 1910 году это общество обучило правилам тушения пожаров более 3-х тысяч человек мужского населения города в возрасте от 18 до

63 лет. Члены его «не только заполняли дежурством свой досуг, но порой срывались на пожары и в ущерб своим прямым обязанностям — уходя с работы». По своему составу оно было весьма демократичным: торговцы, рабочие, приказчики, чиновники, конторщики, ремесленники, учителя, фельдшеры и т.д. Они несли дозоры, занимались учениями, отрабатывая различные ситуации по тушению пожаров. Среди добровольных пожарных была своя специализация: «лазальщики», трубники, «качальщики», охранники, санитары, что позволяло действовать на пожарах более эффективно.

По данным отчетов о пожарах, на них являлось в среднем до 50 добровольцев (всего в обществе было 250–300 человек). Интересно отметить, что извозчики, зная добровольцев – пожарных и услышав про пожар, сами за ними приезжали, в ожидании (и не напрасном!) повышенной платы за проезд к месту пожара. Газеты отмечали, что горожане были довольны действиями добровольцев, подчеркивая, что «с их появлением напряженность с проблемой тушения пожаров спала».

За первые десять лет своего существования более трёх тысяч ярославцев было обучено «правилам тушения пожаров». В 1900 году на Сенной площади при активном участии Вольно-пожарного общества было построено новое пожарное депо на Сенной площади (совр. пл. Труда). Кроме того, в начале XX века существовали пожарные части в Тверицах и за Которослью.

Пожарные-добровольцы активно участвовали в общественной жизни города: устраивали спектакли в театре и гуляния на Казанском бульваре. Их духовой оркестр был традиционно одним из лучших в городе и регулярно приглашался для сопровождения различных мероприятий. Власти и население города с большим уважением и доверием относились к ним, что выражалось в приглашении их в качестве охранников на различные публичные мероприятия, в том числе и наиболее ответственные (например, проезд императора Николая II в Ярославль в 1913 году).

Семеновская (Красная) площадь, а также сад при бульваре, где с 1850 года традиционно располагался цирк, были местом развлечений. Очень ярко это демонстрирует объявление об экс-

позиции Всемирного музея в августе – сентябре 1893 года, проходившей на этой площади.

Во вновь построенном помещении была открыта с 10 часов утра до 11 часов ночи выставка «большого количества фигур натуральной величины в рост человека, искусственно исполненных художниками механические и другие фигуры серьезного и юмористического характера». Музей состоял из семи отделов: исторические мужи и новейшие события; комические сцены; этнографический отдел; предметы редкостей; панорама; представления физических и оптических феноменальных опытов под названием «час в заколдованном мире»; анатомическое отделение (для взрослых).

Программа также включала выступление популярного в то время «известного феномена, неподражаемого шпагоглотателя г-на Самгелеева», который демонстрировал глотание штыка, балансирование на оружейном штыке. Ярославцам предлагалось посмотреть на «прекрасную Галатею или оживающий каменный бюст, новейшее изобретение знаменитого техника Эдисона». С большим интересом посетители наблюдали за «исчезновением живого человека на открытой сцене и обратное его явление», неожиданно показанную сценку «Шутка и смерть», «умерщвление боярина Нарышкина стрельцами в 1682 году» и т.д. Цена за вход в музей и на представления для взрослых была 20 копеек, а для детей до 10 лет и «военных нижних чинов» — 10 копеек. Отдельно взималась плата за вход в анатомический театр, где в том числе показывался «африканский базар, или рынок невольниц». После завершения работы выставки помещение разбиралось, о чем свидетельствуют объявления «о продаже леса помещения на снос».

В 1900 году завершилось строительство здания мужской гимназии. В этой гимназии в 1908-10 гг. учился Максим Богданович, будущий поэт, ставший классиком белорусской литературы. С годами жизни в Ярославле (в 1911-1916 гг. он был студентом Демидовского юридического лицея) связана его основная литературная деятельность: написано большинство стихов и первая книга «Венок». Максим Богданович был и талантливым переводчиком. Именно он первый перевел на белорусский язык стихотворения А.С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, И.Франко. Кроме

того, его перу принадлежит много критических работ, рецензий, статей, посвященных науке, искусству. Рядом со зданием университета поставлен памятник поэту Максиму Богдановичу. Еще ранее, в 1958 году, на здании была установлена мемориальная доска в его честь. С октября 1912 г. по март 1919 г. здесь располагался штаб Северного фронта, формировались воинские соединения, в том числе артиллерийские, саперные, понтонные части и батальоны лыжников.

Вплоть до 1944 года в этом здании располагалась школа им. К.Маркса, а затем – политехнический институт. В 1970 году оно стало главным корпусом Ярославского государственного университета. Инициатором открытия университета был первый секретарь Ярославского обкома партии Ф.И. Лощенков, которого активно поддержала В. В. Терешкова. Но главная заслуга открытия принадлежит бывшему ректору педагогического института, профессору Л. В. Сретенскому, вложившему много сил, энергии, здоровья в превращение Ярославля в университетский центр.

Площадь Волкова

Эта площадь является одной из самых древних в Ярославле. Еще дореволюционные исследователи г. Ярославля называли это место «доисторическим», т.е. языческим. И действительно, в древности эта территория была низинной и называлась Волосовской логовиной (долина). Здесь находились истоки нескольких ручьев, впадавших в р. Которосль. Один из них протекал между современными ц. Богоявления и Богородицкой башней Спасского монастыря, а начинался, по-видимому, в районе современного Казанского монастыря, проходя в своем течении современную площадь Волкова.

Первые земляные укрепления, вероятно, появились во второй половине XII – начале XIII веков, когда рубленый город стал «тесен» для жителей и началось обустройство территории за Кремлем. Одновременно с этим происходило прорытие рва и его дальнейшее укрепление. Это способствовало осушению местности и последующему ее освоению. В частности, с наружной сто-

роны укрепления пролегла дорога на Вологду, а к западу от нее в середине XVI века возникла Стрелецкая слобода. К этому времени по приказу Елены Глинской ров углубили, а вал повысили. В XVII веке на валу появились деревянные укрепления, сгоревшие во время страшного пожара 1658 года. Это вынудило местные власти в который уже раз углубить ров, вал снова повысить, а в его основание поставить шестнадцать каменных башен, шесть из которых, в т. ч. и Власьевская, были проездными.

Оборонительная роль Власьевской башни заключалась в дозорной функции, набатном колоколе и дополнительном укреплении — отводной башне. К ее стенам примыкал с северной и южной стороны вал. На восточной стене башни находился образ Знамения, а на западной — Спасителя.

Известно, что именно у западной части этой башни располагался пункт сбора пошлины за ношение бород в соответствии с указом Петра I. В конце XVIII века в восточной части башни открыли часовню во имя образа Знамения.

29 апреля 1673 года на месте деревянной была заложена каменная церковь. За один день был выкопан ров «под церковное каменное дело», а на следующий — начали забивать сваи (по-видимому, для того, чтобы избежать просадки ленточного фундамента при подъеме почвенных вод). Освящение церкви произошло в 1679 году, придела Св. Власия — в 1702 году. В дальнейшем перестройки проводились в 1803, в 1826 годах за счет именитых купеческих семей Ярославля — Оловянишниковых, Шапулиных, Соболевых.

В 1772 году по указу Екатерины II все городские кладбища закрывались, что привело к превращению погоста Власьевской церкви в «площадку» (совр. сквер).

Стараниями местного купечества церкви Власьевского прихода неоднократно перестраивались. «Патронами» Власьевской церкви считались виноторговцы Соболевы. На средства купца П. И. Оловянишникова, владельца одноимённого колоколитейного завода, была построена трёхъярусная колокольня. Сам Оловянишников пожертвовал для неё самый крупный колокол в Ярославле – шестнадцатитонный «Власий». По его голосу ярославцы много лет определяли время суток. Иван Николаевич Соболев в течение долгих лет являлся старостой Власьевской церк-

ви. В течение 10 лет он был ярославским городским головой. Соболевы были виноторговцами, «известными своим искусством в целой России», как об этом писалось в различных справочниках.

По регулярному плану застройки Ярославля 1778 года Вологодская дорога выпрямлялась и расширялась. Строения Стрелецкой слободы отодвигались на запад. Средневековые укрепления (вал и ров) предполагалось скрыть и засыпать, т. к. они утратили свою оборонительную функцию, а ров к тому же превратился в болото. На их месте был спроектирован бульвар. Около Власьевской башни должна была возникнуть большая площадь, которая получала свое название по ц. Св. Власия — Власьевская.

В 1750 году в Ярославле, в кожевенном сарае купца Полушкина, переделанном под театральный зал, состоялась первая театральная постановка «Эсфири» Жана Расина в переводе Фёдора Волкова. Сам Фёдор Волков выступал и как актёр, и как режиссёр, и как продюсер, и как театральный художник. Всему этому он обучился, когда был послан в Москву, а потом в Санкт-Петербург для постижения торгового дела. Но молодого человека в большей степени интересовал театр и всё, что было с ним связано.

В России ещё в XVI – начале XVIII вв. существовали отдельные театральные труппы, прежде всего иностранные. «Баловались театром» школяры, нередко были разовые постановки театральных действий «по случаю» (театр Дмитрия Ростовского). Но именно ярославский театр Фёдора Волкова считается первым, так как он впервые отвечал всем характеристикам, заложенным в определении – русский публичный профессиональный театр. Русский – потому что русские актёры играли пьесы на русском языке, публичный – потому что он был общедоступным, в отличие от театров дворцовых, домашних, крепостных и школьных. Состав публики в зале зависел от цены на билет, а не от социального статуса. Профессиональный – потому что актёры получали жалованье за свой труд, актёрство стало их профессией. И, наконец, театр – потому что это была не разовая труппа, не отдельная постановка, а именно театр с организационной точки зрения: с постоянным репертуаром, своим зданием, декорациями, костюмами, билетным хозяйством. В 1752 году вызванные по приказу Елиза-

веты Петровны «волковцы» везли с собой в Петербург одних только костюмов 19 подвод. Несмотря на то, что театр очень полюбился ярославцам и был поддержан первыми лицами, в том числе воеводами, он вскоре прекратил своё существование. Связано это было, по всей вероятности, с отсутствием актёрской труппы, а также финансирования. Впоследствии в Ярославле театры возникали на основе частной инициативы, как правило, губернаторов.

«В 1820 году был выстроен губернским архитектором Паньковым П. Я. театр по всем правилам театрального механизма. Место для постройки было отведено городом» — так пишет о Власьевской площади краевед К. Д. Головщиков. Первое здание театра построили из дерева, причем бревна фундамента не были положены, как обыкновенные, одно на другое, а стояли «один подле другого» (так, бывало, устраивали «тын» вокруг крепости). Сам Паньков, начиная строительство здания театра, отмечал, что на выбранном месте почва ненадежная. Возможно, это было связано с тем, что строился он на месте части бывшего рва, и поэтому фундамент заглублялся более положенного. Кроме того, в этом месте протекал подземный ручей, берущий своё начало неподалеку от Казанского собора. Здание театра с двух сторон оштукатурили, что придавало ему благородный вид. С этого времени площадь стала называться Театральной.

Через 20 лет театр Панькова разрушился, и его «останки» приобрел бывший актер, получивший огромное наследство и записавшийся в купцы Алексеев. Именно он строит новое каменное здание, по мнению современников, одно из лучших в провинциальной России как по внешнему оформлению, так и по внутреннему убранству. После смерти Алексеева театр перешел в собственность успешного предпринимателя Смирнова, который женился на дочери Алексеева. С его приходом театр превращается в экономически выгодное предприятие, куда приходили не столько посмотреть новые спектакли, послушать оперетту, сколько насладиться приемом изысканной пищи, заказанной еще до начала спектакля на весь период его действия. Часто случалось, что театральный зал оставался почти пустым в то время, как буфеты, бильярдные и картежные залы были полны «завзятыми театралами».

Добиваясь наибольшей экономической отдачи от театра, Смирнов мало уделял внимания текущему ремонту здания, которое постепенно пришло в упадок. В 1882 году Городская дума приобрела здание театра и сделала его городским. Архитектор Н. И. Поздеев нашел решение, с помощью которого удалось малыми затратами придать зданию театра вид, украсивший город.

Архитектор решил не ломать старый театр, а окружить его с трех сторон пристройкой нового здания, которое в плане представляло букву «П». Таким образом, алексеевская постройка оказалась встроенной в здание Поздеева. По высоте они были одинаковыми, поэтому горожане могли видеть три красивых фасада. Задний фасад, выходящий на Казанский (ныне – Первомайский) бульвар, архитектор решил не украшать, а оформить как служебный вход, «сочинив» маленькую пристройку с козырьком над входом. Мало кто мог догадаться, что за новым красивым фасадом было скрыто другое, старое помещение.

В 1900 году на общероссийском уровне прошли торжества по случаю 150-летия российского театра. К этому времени ярославский театр был признан преемником театра Фёдора Волкова. Широкую известность получила знаменитая фраза Михаила Щепкина «...Волкову, Волкову, Волкову всем мы обязаны», что ещё раз подтверждает «первородство» Ярославля.

В 1911 году на месте старого театра по проекту архитектора Н.А. Спирина возвели новое здание, которое живо и до сих пор. Стены театра украшены скульптурным горельефом на античные темы. На портике фасадной части живописно расположились три фигуры: покровитель искусств Аполлон, слева – муза трагедии Мельпомена, а справа – муза комедии Талия. С этого времени театру было присвоено имя Ф. Г. Волкова.

В октябре 1918 года театр был муниципализирован. В годы советской власти Волковский театр продолжил традицию одного из лучших в провинции. По мнению историков театра, время его расцвета - 1960–70-е годы, когда художественным руководителем театра был выдающийся режиссёр, народный артист СССР, лауреат государственных премий Фирс Ефимович Шишигин. К этому времени в театре сформировалась сильнейшая труппа народных артистов СССР и РСФСР.

В 2000 году по всей стране торжественно отмечалось 250-летие русского театра. Волковский театр, единственный из драмтеатров, получил статус федерального.

В начале XIX века после ликвидации средневековых оборонительных сооружений – земляного вала и рва – на Театральной площади ярославский купец Р. Кокуев построил двухэтажную гостиницу «Центральная». Она занимала довольно обширную территорию. Здание было почти квадратным в плане и частью своей южной стены вплотную примыкало к Знаменской башне. В ней имелся внутренний двор, с двумя арочными воротами, имевшими выход на Казанскую (ныне – Первомайская) и на Власьевскую (ныне – ул. Свободы) улицы.

С этого времени данный район Ярославля начал превращаться в торгово-коммерческий центр.

Знаменская башня несколько раз находилась под угрозой сноса. Так, еще в 1780-х годах генерал-губернатор А. П. Мельгунов, ярославский наместник, приказал разобрать башню на кирпич для Дома призрения ближнего (современный учебный корпус ЯрГУ им. П. Г. Демидова на ул. Андропова). Но спасли ее ярославские купцы, выкупив башню и заплатив за нетронутый кирпич. Известно несколько случаев, когда на благие цели А. П. Мельгунов использовал шантаж купечества, заставляя «раскошелиться» на благотворительность. В очередной раз решалась судьба башни во время утверждения первого проекта строительства здания театра в 1818-1820 годах. Столичные архитекторы и военный генерал-губернатор князь С. К. Вяземский предлагали снести башню с прилегающими к ней постройками «и тем самым место перед театром сделать более пространственным и для съезда удобнейшим». Но вступились за сохранение башни местные власти во главе с гражданским губернатором Г. Г. Политковским, указав на древность Власьевских ворот и их важную градостроительную функцию. Таким образом, проезжую Власьевскую башню сохранили, отведя ей роль доминанты на перспективе ул. Угличской (совр. ул. Кирова и Свободы), из-за чего башня некоторое время называлась Угличской.

В конце XVIII — начале XIX веков Власьевская башня обустраивается с двух сторон. В 1798-1802 годах по проекту губернского архитектора Антона Крылова к юго-восточному фасаду

башни был пристроен двухэтажный каменный дом графа И. П. Салтыкова, впоследствии в 1820-х годах частично перестроенный из-за превышения объемов и высоты здания относительно разрешенных регулярным планом 1778 года.

В 1804 году к северо-западной стене башни был запроектирован к постройке двухэтажный каменный дом купца А. Руквишеникова с условием ремонта за его счет башни и моста на Власьевскую улицу. Однако на планах 1808-1810 годам на этом месте значится «дом каменный посадского Дубова: трактир, внизу лавка, курень, каретник каменный».

В 1830-40-х годах домовладение с северо-запада от ворот принадлежало купцу Ф. М. Дубову — «двухэтажный каменный дом, занимаемый трактирным заведением и номерами гостиницы «Берлин», внизу жилые покои и лавки». В 1862 наследники Ф. М. Дубова продали домовладение потомственному почетному гражданину ростовскому купцу первой гильдии Рафаилу Ивановичу Кокуеву. Новый владелец, хорошо понимая выгодность данного места, задумал перестройку и обратился с прошением в Ярославское губернское правление «об уступке к... дому под постройку земли от Театральной площади». Вопрос был решен положительно (городские власти надеялись на увеличение поступлений денег в местную казну), но губернский архитектор А.М. Достоевский — брат великого писателя Ф. М. Достоевского — настоял на традиционном в то время согласовании проекта. Автором проекта нового здания гостиницы был городской архитектор И.Окерблом. В 1867 году реконструкция бывшей гостиницы «Берлин» была завершена. Гостиница получила огромные подвалы более ранних построек.

В 1890-1900-х гг. гостиница представляла собой двухэтажное каменное здание с мезонином над центральным входом со стороны Театральной площади. Она была образцом провинциальной гостиницы и, являясь одной из лучших в Ярославле, пользовалась большой популярностью. В ней останавливались состоятельные люди. Так, во II половине XIX века ее постояльцами были выдающийся композитор М. А. Балакирев, известный журналист И. Колышко, описавший впоследствии «кокуевку» в своей книге «Очерки современной России». На I этаже размещались булочная, торговля швейными машинами, книжный магазин,

красильня, парикмахерская, магазины по торговле игрушками и бельём.

Купцы Кокуёвы были талантливы не только в сфере бизнеса. К ним явно не относился расхожий образ невежественного купца-толстосума, пекущегося исключительно лишь о своей прибыли. Так, Р. И. Кокуев пользовался значительным авторитетом в делах общественных, поэтому он был избран первым городским головой Ярославля в 1871 г. Все его дети получили превосходное и разностороннее образование. Его сын, Никита Рафаилович, стал выдающимся учёным-энтомологом, опубликовавшим десятки статей в научных журналах и написавшим ряд практических пособий. Он, в частности, на свои средства основал общероссийский журнал «Русское энтомологическое обозрение», финансировал издание трудов Ярославского естественно-исторического общества. Рафаил, другой его сын, стал известным юристом, который оказался востребованным даже при советской власти. Третий сын, Ермингельд, весьма успешно сочетал торговлю фарфором с активной деятельностью в ярославском обществе любителей музыки. Подобной страстью к музыке с раннего детства отличалась и любимица семьи Аня Кокуёва – внучка Рафаила Ивановича, впоследствии поступившая в Петербургскую консерваторию. Приезжая домой на «вакации» (каникулы), она наполняла семейный особняк звуками фортепьяно, устраивала для друзей музыкальные вечера. Одним из частых гостей кокуёвской гостиной в те годы стал молодой поэт Максим Богданович. Ещё с гимназической скамьи связывала Максима давняя дружба с братьями Анны. Однако главной причиной визита его к Кокуёвым была сама юная пианистка. Влюблённый поэт мог часами слушать её игру, забывая на это время о своей тяжёлой болезни – туберкулёзе. И девушка отвечала ему взаимностью. Но старшее поколение Кокуёвых разночинца – Богдановича не жаловало. Для них поэт был явно не перспективной партией для богатой наследницы, которую вскоре выдали замуж за сына состоятельного инженера.

Перестроенное здание вплотную примкнуло к башне, внутри которой размещалась Знаменская часовня. Одновременно с этим был застроен и располагавшийся здесь Знаменский переулок, что вызвало неудовольствие и протест духовенства,

которое неоднократно ходатайствовало о расширении церкви ввиду ее тесноты из-за большого числа прихожан. Эта просьба была удовлетворена, и в 1897 году по проекту архитектора А. А. Никифорова с восточной стороны башни был построен новый храм «в русском стиле». В 1883 году на башне поставили большую емкость для воды, превратив сооружение в водонапорную башню устроенного в тот же год городского водопровода (по проекту инженера Вяземского — возможно, из рода князей Вяземских). Бак был закрыт декоративной башенкой, которая видна и сейчас.

Важное значение для оформления площади имело роскошное здание с многообещающей вывеской «Европа». Этот трёхэтажный дом с огромными окнами-витринами и богатой лепниной довольно скоро стал одним из самых нарядных отелей Ярославля. Для строительства своей гостиницы купцы Анкудиновы пригласили одного из знаменитых ярославских архитекторов академика А. А. Никифорова. Однако импозантная «Европа» оказалась Анкудиновым не по карману, и уже через несколько лет они вынуждены были продать свою гостиницу купцу Полякову. Отлично понимая значимость этого бойкого места на театральной площади, новый владелец использовал его с максимальной для себя выгодой. После небольших переделок в верхних этажах здания разместились гостиничные номера и модный ресторан с пышно оформленным залом и лепными потолками. Первый этаж купец стал сдавать в аренду под магазины и лавки. Огромные щедро украшенные витрины «Европы» постоянно привлекали внимание прохожих, приглашая их познакомиться с «последними новинками из Парижа и Лондона». Но наибольшей популярностью пользовался магазин Саркисова под названием «Детский базар игрушек», который являлся самым большим по ассортименту детских товаров в городе. Особенностью его постоянного притяжения для детей стало то, что здесь был обеспечен свободный доступ покупателей к товарам, что являлось одним из новшеств торговой жизни Ярославля. Можно себе представить, с каким воодушевлением ребятня рвалась в этот магазин, а родители не очень этому препятствовали, так как, получив заветный подарок, ребёнок с «большим пониманием» относился к занятию взрослых «своими делами» на расположенном по-

близости Казанском бульваре. Как гостиница «Европа» просуществовала вплоть до 40-х годов XX века, а ресторан с тем же названием ярославцы постарше помнят и сейчас. Но в конце 80-х годов, оставшись без должного ухода, здание начало обрушаться под воздействием колебания грунта из-за движения транспорта, а также ненадёжности фундамента, расположенного на недостаточно плотно засыпанном бывшем оборонительном рве. Кроме того, могли оказать своё воздействие и подземные воды, стекавшие в бывший ров с территории Власьевского прихода и изменившие ход своего течения в связи со сносом церкви и строительством на их месте гостиницы «Ярославль» с расположенными под ней глубокими подвалами.

В 1991 году старая «Европа» была обрушена, а спустя десять лет «новодел» был отстроен заново. Современные мастера-лепщики сумели воссоздать прежний декор её фасадов. В настоящее время трудно представить Волковскую площадь без этого нарядного здания, где пестрят рекламы витрины, а из кафе доносятся заманчивые запахи.

До постройки этого здания, а также «Пастуховского» на Богоявленской площади (ныне – Главпочтамт) не было даже улицы Б. Линия, на месте которой хаотично размещались деревянные постоялые дворы.

Сразу после постройки этих домов началось бурное строительство 2- и 3-этажных каменных зданий торгово-промышленного назначения, оформивших Большую Линию. Одновременно с этим была значительно укорочена Стрелецкая улица (ныне – ул. Ушинского), которая раньше пересекала Театральную площадь и подходила к Богоявленскому спуску, то есть по западной стороне от ц. Богоявления. Сначала дом Пастухова, а затем и дом Полякова перегородили и тем самым ликвидировали эту часть Стрелецкой улицы.

В 1900 году в Ярославле открылось трамвайное движение, первоначально по 4-м линиям, одна из которых проходила по Власьевской улице, другая – по Б. Линии и Стрелецкой. Проезд стоил 5 коп. (стоимость легкого завтрака). Пути были однопутные с развязками, их обслуживало 18 вагонов. Кроме пассажиров перевозились и грузы. По замыслу владельцев (Акционерного

бельгийского общества), расширение числа линий трамвая сначала, по плану 1912 года, предусматривало удлинение её Власьевской ветви через ворота Знаменской башни до ул. Екатеринбургинской (ныне — ул. Андропова). Но, к счастью, этого не произошло. Тем не менее, сначала, в 1934 году, была устроена линия по окружности Театральной площади через Торговый переулок, а затем, к 1945 году, сделали две остановки (по разные стороны пл. Волкова). Позднее, в 1949 году, по ул. Свободы, в 1969-75 гг. по ул. Комсомольской, Первомайской, Ушинского было прекращено трамвайное движение в связи с пуском с 1950 года троллейбусного сообщения.

В 1932 году были снесены все церкви Власьевского прихода, кроме богадельни Оловянишниковой (ныне — д. 35 по ул. Собинова), и в 1940 году на этом месте по проекту архитектора С. В. Капачинского было построено 5-этажное здание гостиницы «Ярославль». Во время Великой Отечественной войны с декабря 1944 по март 1945 года здесь размещалось резервное фронтовое управление Ставки Верховного Главнокомандования во главе с Маршалом Советского Союза К.А.Мерецковым, где в марте 1945 года он работал «для Востока» (войны с Японией).

В советское время бывшая «кокуевка» стала гостиницей «Центральная». Здесь же на втором этаже располагалось любимое ярославцами, особенно молодежью, кафе «Москва». На первом этаже со стороны ул. Первомайской был вход в кинотеатр повторного фильма «Луч» (сам кинозал находился в Знаменской башне) и различные конторы. Со стороны ул. Свободы вплотную к башне примыкали продовольственный магазин, вход в кафе «Москва» и детская библиотека им. И. А. Крылова.

В начале 1990-х гг. произошло обрушение бывшей «кокуевки» и дома Полякова (вместо него сейчас построен «новодел»). Таким образом произошло «освобождение» Знаменской башни от одной из пристроек. Связано это, по-видимому, с недостаточно качественной засыпкой бывшего здесь рва, так как обрушения пришлось на его западный (дом Полякова) и восточный («кокуевка») края. В настоящее время идет дискуссия о том, какой быть площади им. Ф. Волкова: или с сохранением обнажившейся части городских укреплений, или застроенной по типу «кокуевки».

Площадь Богоявления

Территория современной площади Богоявления начала формироваться одновременно со строительством Земляного города и Спасского монастыря. К началу XIII века Ярославль значительно расширил свои границы, выйдя за пределы Рубленого города. С западной его части по линии современной улицы Первомайской были возведены защитные сооружения – ров, вал, сторожевые и проездные башни. В их систему входила и Угличская проездная башня, которая открывала собой одну из самых древних дорог из Ярославля на Углич. Она проходила по территории современной городской застройки между Которосльной набережной и улицей Большая Октябрьская, мимо церкви Дмитрия Солунского, Николы Мокрого и т.д. По мнению дореволюционных краеведов, рядом с этой дорогой, напротив стен Спасского монастыря, около 1390 года был заложен женский монастырь. Его называли Рождественским в честь победы в битве на Куликовом поле, которая произошла в день празднования Рождества Богородицы. В то время строения монастыря, в том числе и ограда, были деревянными и примыкали своей восточной стороной к валу, ограждавшему Земляной город. Весной 1609 года Ярославль испытал на себе мощную осаду, которая длилась более 3-х недель. За это время поляки и перешедшие на их сторону русские полностью выжгли все загородье – территории, располагавшиеся за границей Земляного города, в том числе и Рождественский монастырь. Не захваченным врагом оставался лишь Спасский монастырь, окруженный каменными стенами, и Рубленый город. В 1620-м году на месте разрушенной монастырской обители построили деревянную церковь Рождества Богоматери. Позднее в документах она иногда именовалась «при постоянных дворах». Здесь проходила вологодская дорога, слева от которой по теперешней линии ул. Комсомольской находились постоянные дворы. В 1720 году на средства прихожан была построена каменная церковь. Ее главный престол — летняя церковь – был освящен во имя Рождества Богоматери. Территория между стенами Спасского монастыря, остатками городских укреплений (с востока) и церковью с кладбищем стала называться Рождественской площадкой.

Из летописи известно, что в 1071 году на Ростово-Суздальской земле произошло восстание, направленное как против введения христианства, так и новой власти. Многие исследователи склонны считать, что участвовавшие в нем два волхва из Ярославля, являвшиеся фактически руководителями этого выступления, были именно из тех мест – жили на берегу Которосли, в районе Велесовой логовины.

Для борьбы с язычниками, имевшими, как уже указывалось, здесь большое влияние, активно использовались монастыри. Как правило, их основывали на местах прежнего поклонения языческим божествам. Одновременно с этим монастыри являлись форпостами перед крупными городами, населенными пунктами, принимавшими на себя первый удар неприятеля. Так возник Спасский монастырь: неподалеку от Стрелки, на берегу Которосли, и в непосредственной близости от переправы. Кстати сказать, по той же причине был основан и Петропавловский монастырь в районе подошвы современного Октябрьского моста, выполнявший те же функции: не только ведение активной деятельности по проникновению и закреплению православия, но и как защита города со стороны Волги и находившейся там в то время переправы.

В соответствии с местным церковным преданием считается, что неподалеку от языческого капища, посвященного богу Велесу, еще в XI веке происходило крещение язычников в водах реки Которосль. Поэтому церковная традиция подчеркивает, что в честь этого события (крещения) была построена деревянная церковь, посвященная одному из важнейших (двунадесятых) церковных праздников Богоявления (Крещения Господня). Произошло это, по версии историков церкви, в конце XI века. В качестве подтверждения этого факта необходимо отметить сохраняющуюся в течение длительного времени – с древнейших времен до 1917 года - традицию устраивать в Крещенские праздники неподалеку от церкви Богоявления на реке Которосль Иордань – прорубь для освящения воды. Традиция эта начала возрождаться лишь на рубеже XX-XXI веков, когда напротив церкви Богоявления на реке Которосль вновь стала появляться Иордань.

Первое упоминание о церкви Богоявления датируется 1611 годом, хотя по содержанию грамоты царя Василия Ивановича Шуйского ее постройка может быть отнесена ко времени управления Спасским монастырем архимандрита Ионы (1506–1539 гг.). Именно он «с братиею устроили храм Богоявления Господа нашего Иисуса Христа». Храм этот находился за рвом, т.е. за пределами городских укреплений, и располагался на земле, принадлежащей Спасскому монастырю. Первоначально эта церковь была деревянной, теплой и не имела приделов. С 1689 по 1693 год взамен деревянной была построена каменная церковь Богоявления на средства ярославского купца Алексея Зубчанинова. Он принадлежал к гостинной сотне — самой привилегированной корпорации торговых людей того времени. Церковь стала одним из красивейших ярославских храмов периода «золотого» XVII века, чрезвычайно легкая и своеобразная по своей архитектуре и отделке — со стенами, украшенными фигурным кирпичом и изразцами. Таким образом была сформирована Богоявленская площадка, которая с запада примыкала к Рождественской. Начиная с XVI века — времени «поновления» при Елене Глинской городских сооружений и их окончательного обустройства к середине XVII века — эта территория активно осваивалась различного рода торговцами, что привело к появлению большого количества самых разнообразных торговых сооружений того времени — лавок, полулавок, рундуков и т.д., приносивших немалую прибыль своим владельцам. В то же время эти сооружения были постоянным источником пожаров, так как, будучи деревянными (холодными), зимой они отапливались различными «подсобными средствами». Эта торговая площадь, куда приходила одна из главных дорог — московская, являлась важным торговым перекрестком, где стекалось множество народа, чем пользовались ярославские храмы, стоявшие как на посаде, так и в различных частях загорожья. Они размещали на этой площади свои места сбора пожертвований в честь того или иного святого, продавали свечи, другие церковные принадлежности. Пришлые торговцы и покупатели часто за отсутствием времени, не имея возможности поставить свечку в «своем» храме, делали это в местах, где устраивались подобные «храмовые представительства». В начале XIX века в Ярославле велось большое городское строительство. Особенно активно этим

занимались ярославский губернатор Александр Михайлович Безобразов и губернский архитектор П. Я. Паньков. По настоянию ярославского купечества, в классических традициях архитектуры начала XIX века к западной и северной стенам Спасского монастыря были «приспособлены» новые торговые помещения, что в значительной степени испортило строгий вид стен древнего монастыря.

Рождественская площадь являлась завершением Гостиного двора, способствуя тем самым сохранению торговой славы Ярославля и в это время. В 1900 году Ярославль «обзавелся» трамваем, линии которого соединили различные его части – от Московского вокзала (1870 г.) до Ярославской Большой мануфактуры (современный Красный Перекоп) и набережной реки Волги. К традиционному шуму торговых заведений центр города приобрел еще и перестук рельсов и звон трамвая. Во время Ярославского городского восстания в июле 1918 года многие храмы города понесли невосполнимые потери. Пострадали и церкви, находившиеся на этой площади. Пулями и снарядами были пробиты стены, нанесен урон перекрытиям и кровле.

В августе 1918 года, сразу же после прекращения боевых действий, в Ярославле была создана Ярославская реставрационная комиссия. Руководил ею выдающийся архитектор-реставратор П. Д. Барановский. Именно он, закрывшись в церкви Ильи Пророка, не допустил ее разрушения. Подобное он повторил, сохранив для потомков церковь Василия Блаженного в Москве. В частности, он отмечал, что «многие ценнейшие памятники русского зодчества XVII века понесли такие сильные повреждения, что восстановить их в прежнем виде будет стоить громадных усилий и средств». Так было принято решение о немедленном уничтожении частично разрушенных лавок около Угличской башни Спасского монастыря. Впоследствии этот принцип реставрации был положен в основу многих реставрационных работ как в Ярославле, так и в других городах страны. На восстановительных и реставрационных работах в Ярославле, находившихся под контролем коллегии Наркомпроса во главе с А. В. Луначарским, осенью 1918 года работали около десяти реставраторов и более девяноста рабочих. Однако к лету 1919 года осталось лишь три

архитектора и тридцать рабочих, хотя, по мнению специалистов, требовалось до тридцати архитекторов и ста рабочих.

Московские специалисты, неоднократно приезжавшие для контроля работы комиссии, отмечали, что в Ярославле работа была более углубленной и тщательной: ближе к реставрации, чем к простому восстановлению. Ярославская реставрационная комиссия под руководством П. Д. Барановского не только отреставрировала уникальные памятники глубокой старины, но и воссоздала их первоначальный облик, заложив основы научной реставрации. Но, несмотря на усилия и старания реставраторов, церковь Рождества Богоматери была сначала закрыта в 1929 году, а затем, на следующий год, снесена. По официальной версии, кирпич, полученный после взрыва этой церкви, должен был пойти на воплощение замыслов советских архитекторов по превращению Ярославля в «город-сад» и жилье для строителей заводов – первенцев советских пятилеток. В 1920-м году площадь переименовали в честь советского партийного и государственного деятеля, первого народного комиссара почты и телеграфа Вадима Николаевича Подбельского. Это наименование она носила до начала 1990-х годов. В 1960-70-х гг. площадь освободили от трамвайных путей, придав ей более приличествующий центру города вид. В начале 1990-х гг. в Ярославле развернулась дискуссия по поводу определения места установки памятника легендарному основателю города — Ярославу Мудрому. После долгих обсуждений было решено установить его на одной из центральных площадей у начала древней дороги на Москву – площади Богоявления. И вот осенью 1993 года при участии президента России Б. Н. Ельцина, патриарха Алексия II и многочисленных гостей состоялось открытие этого долгожданного памятника. Фигура князя олицетворяет собой строителя и защитника одновременно, так как изображен Ярослав с мечом в правой руке, на который он опирается, и с макетом крепостной башни в левой. Скульптура невольно вызывает ассоциацию с традиционным изображением Николы Можайского, одного из немногих православных святых, имевших свое скульптурное воплощение (как правило, в дереве). Никола Можайский олицетворял собой защитника русских городов. По мысли авторов (скульптора О. Комова, архитекторов Н.И. Комовой и А.Р. Бобо-

вича), Ярослав Мудрый должен был стать не только защитником, но и гарантом дальнейшего развития города. Скульптура князя-основателя появилась в очень трудное не только для Ярославля, но и всей России время – крушения коммунистической идеологии, экономической разрухи. Это было время, требовавшее новых идеалов и ориентиров. На месте разрушенной в 1918 году и позднее снесенной южной части корпуса Гостиного двора в настоящее время находится торговый комплекс, который, как бы переключаясь со своим старшим собратом, назван «Гостиным двориком».

Вид пожарного депо и каланчи на Семеновской (ныне Красной) площади.
Фото 1900-х гг.

Вид на пожарную часть с каланчей, возведенной по проекту Г.В. Саренко. Фото после 1911 г.

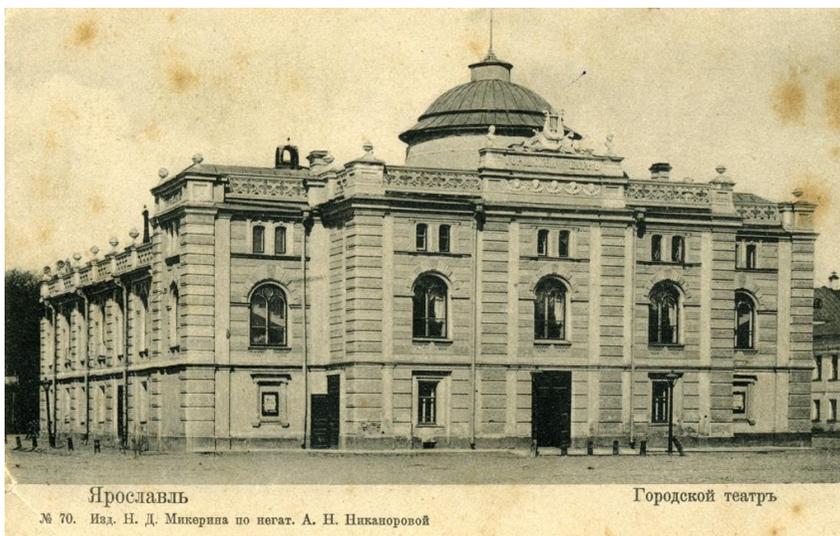
Церковь Симеона Столпника. Фото 1886 г.

Вид на Симеоновскую церковь с пожарной каланчи. Открытка нач. XX века

Мужская гимназия. Открытка 1904 – 1909 гг.

Здание городского театра на Театральной площади (ныне пл. Волкова).
Фото 1900-х

Вид на Театральную площадь и Казанский монастырь в Ярославле.
Фотография до 1908 года

Здание городского театра, построенное по проекту архитектора Н.А.
Спирина в 1911 г. Фото после 1911 года

Колокольня Власьевской церкви. Слева гостиница Кокуёва. Фото нач. XX века

Угол Власьевской и Вологодской улиц. Церковь Св. Власия. Фото 1900-х гг.

Стена Спасо-Преображенского монастыря и церковь Рождества Богородицы.

Церковь Рождества Богородицы. Фото нач. XX века

Гостиница Пастухова на Богоявленской площади. Фото 1890-х гг.

Церковь Богоявления. Фото нач. XX века

Набережная реки Которосль в Ярославле. Справа церковь Николы в Рубленом Городе. Фото 1900-х гг.

Ярославль.

Спасо-Преображенский мужской монастырь.

Которосльская набережная. Вид на Спасо-Преображенский монастырь. Фото нач. XX века

Вид Которосльской набережной в Ярославле. Слева церковь Спаса на Городу. Фото 1900-х гг.

Суда в устье Которосли. Фото 1900-х гг.

Река Которосль в Ярославле весной. Фото 1900-х гг.

Которосльская набережная. Слева - церковь Михаила Архангела. Фото 1900-х гг.

Ярославль — Спасский монастырь

Спасо-Преображенский монастырь. Вид с реки Которосли. Открытка нач. XX века

В Спасо-Преображенском монастыре. Фото конца XIX века

Торговля арбузами у «Американского» моста через Которосль в Ярославле. Фото 1900-х гг.

Вид на «Американский» мост и Спасский монастырь в 1919 году

Дамба и мост через Которосль в Ярославле. Фото 1880–1890-х гг.

Крыльцо парадного входа дома на Которосльской набережной в Ярославле. Фото 1912 г.

Библиографический список

1. Барщевская, И.Н. Старые дома рассказывают: неизвестное об известном [Текст]. - Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2004.
2. Барщевская, И.Н. Старые дома рассказывают: прогулки по Волжской набережной [Текст]. – Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2005.
3. Бородкин, А.В. Быт и нравы ярославцев [Текст]: краткий словарь. - Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2007.
4. Бородкин, А.В. Подземелья средневекового Ярославля [Текст]. – Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2005.
5. Версты Ярославские. Из прошлого в будущее [Текст]. - Рыбинск, 2006.
6. Дутов, Н.В. История двадцать пятого квартала. [Текст] // Губернский город. – 2004. - № 5, 7–12. - 2005. - № 1–4.
7. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Волжская набережная [Текст] // Губернский город. – 2005. - № 5, 6, 10–12. - 2006. - № 1–5.
8. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Первомайская улица [Текст] // Губернский город. – 2006. - № 8, 11–12. - 2007. - № 1, 2, 4–10.
9. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Площадь Богоявления [Текст] // Губернский город. - 2007. - № 11–12.
10. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Первомайский бульвар [Текст] // Губернский город. - 2006. - № 6–7.
11. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Стрелка [Текст] // Губернский город. - 2005. - № 6, 9.
12. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Красная площадь [Текст] // Губернский город. - 2006. - № 4, 5.
13. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Площадь Волкова [Текст] // Губернский город. - 2005. - № 7–8.
14. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Подземелья старого Ярославля [Текст] // Губернский город. - 2006. - № 8–10.

15. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Комсомольская улица [Текст] // Губернский город. - 2006. - № 11–12.
16. Дутов, Н.В. Регулярный план застройки г. Ярославля 1778 года и его реализация в конце XVIII – начале XIX веков [Текст] // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья: материалы научной конференции. Посвящается 225-летию регулярного плана застройки г. Ярославля. – Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2004.
17. Александрова (Шелехова) М.В., Дутов, Н.В. Первый советский генплан застройки Ярославля [Текст] / Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья: материалы научной конференции. Посвящается 225-летию регулярного плана застройки г. Ярославля. – Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2004.
18. Дутов, Н.В. Ярославские слободы [Текст]. - Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2004.
19. Дутов, Н.В. История Ярославского края в лицах: XI–XXI вв. Пётр I, А. П. Мельгунов [Текст]. - Ярославль, 2007.
20. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Комсомольская улица [Текст] // Губернский город. - 2008. - № 1–3.
21. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Улица Ушинского [Текст] // Губернский город. - 2008. - № 4–7.
22. Дутов, Н.В. История старых улиц и площадей. Красный съезд [Текст] // Губернский город. - 2008. - № 8–10.
23. Жельвис, В.И. Прогулки по Ярославлю [Текст]: фото-путеводитель. - Ярославль, 2003.
24. История губернского города Ярославля [Текст]. – Ярославль: Изд-во «Александр Рутман», 2006.
25. Козлов, П.И., Маров, В.Ф. Ярославль [Текст]: путеводитель. - Ярославль, 1984.
26. Маров, В.Ф. Архитектура и градостроительство [Текст]. - Ярославль, 2000.
27. Особенности менталитета ярославцев. Ярославец как культурно- исторический тип: образ жизни, поведенческие модели, люди, события [Текст] / авт-сост. Н.В. Дутов. – Ярославль: ЯГО ВОО «ВООПиК», 2007.
28. Рутман, Т.А. Храмы и святыни Ярославля [Текст]. - Ярославль: Изд-во «Александр Рутман», 2005.

29. Чикалев, А.А., Малков, В.И. Пожарная охрана Ярославского края в фотографиях, документах и воспоминаниях [Текст]. - Ярославль, 2007.

30. Ярославль [Текст]: историко-топонимический справочник / под ред. А.Ю. Данилова и Н.С. Землянской. - Ярославль, 2006.

31. Ярославль. История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года [Текст] / под ред. д-ра ист. наук профессора А.М. Пономарева; сост. И.В. Ваганова, В.Н. Козляков, Т.В. Котова, Г.Н. Полева, Л.А. Полушкина, Ю.Н. Трыков. – Ярославль, 1990.

32. Ярославль [Текст]: путеводитель / под ред. А.В. Федорчука. - Ярославль, 2002.

33. Ярославский край [Текст]: сборник документов и материалов по истории края (XI век – 1917 год) // Н.С. Алексеева, С.Г. Воскресенский, С.П. Попова, Ю.Н. Трыков, П.Ф. Шинина; под ред. П.И. Козлова. – Ярославль, 1972.

Научно-популярное издание

Николай Владимирович Дутов

**Ярославль:
история и топонимика улиц и площадей города**

Краеведческие хроники

Редактор – Л.К. Шереметьева
Подбор иллюстраций – М.В. Александрова
Компьютерная верстка – Ю.В. Яковлева

Подписано в печать 12.07.2012
Формат 60х90/16.

Объем 18,75 п. л.; 13 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ № 173

Издательство ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Для заметок